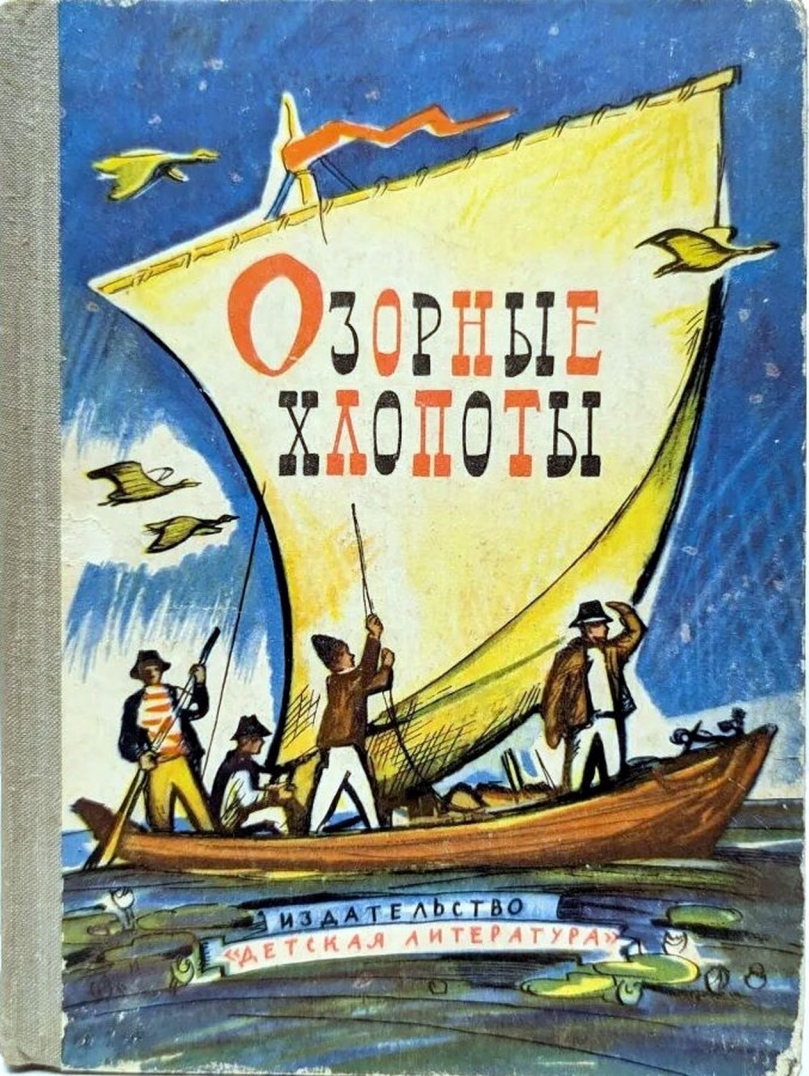

ОЗОРНЫЕ
ХЛОПОТЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Озорные хлопоты

Штефан Лука, Мирча Сынтимбряну, Петре Лускалов, Джика Ютеш

Аннотация
Штефан Лука, Мирча Сынтимбряну, Петре Лускалов, Джика Ютеш. Озорные хлопоты
Штефан Лука. Летние яблоки
Штефан Лука. Омут Близнецов
Мирча Сынтимбряну. Ученик
Мирча Сынтимбряну. Монеты
Мирча Сынтимбряну. Разве геометрия — трудный предмет?
Мирча Сынтимбряну. Письмо лодырю
Петре Лускалов. Бычок
- Волк
- Отъезд
- Встреча
- Тревога
- Воры

Джика Ютеш. Звездочка
Джика Ютеш. Ромовая баба
Джика Ютеш. Моя соседка по парте
Джика Ютеш. Ласка
Джика Ютеш. Когда выпадет снег...

Джика Ютеш. Друзья Симины

Аннотация

Эта книга познакомит вас, ребята, с жизнью далеких друзей, румынских пионеров, расскажет, как проводят они время в школе и дома, как дружно помогают взрослым во многих серьезных делах, как весело и интересно отдыхают. Вместе с отважными пионерами села Лунки вы отправитесь в опасное, но увлекательное путешествие на лодке по плавням Дуная, ринетесь вместе с Дуцу, героем другого рассказа, в клокочущий омут, чтобы спасти беспомощного щенка, будете разыскивать вместе с Динеску и Войку старинные монеты… Вы узнаете, как ребята поддерживают друг друга в трудные минуты жизни и как глупо и неприглядно выглядят среди них эгоисты и лодыри. Но, к счастью, таких совсем мало. Прочитав все рассказы, вы приобретете много новых настоящих друзей и, надеемся, полюбите их.

Штефан Лука, Мирча Сынтимбряну, Петре Лускалов, Джика Ютеш
Озорные хлопоты

Озорные хлопоты

Рассказы румынских писателей

Рисунки А. Тарана

Издательство
«Детская литература»
Москва 1965

Штефан Лука. Летние яблоки

Это известно каждому ребенку…

Первыми созревают черешни. После них начинают желтеть ранние яблоки, летние, а вернее, — весенние. Разве когда-нибудь случалось, чтобы яблоня сохранила до конца и сама стряхнула созревшие плоды? Мальчишки приходят ей на помощь и помогают сбросить тяжелую ношу еще до середины июня. Ведь нельзя же равнодушно

смотреть, как мучается дерево, как сгибаются его ветки под тяжестью сочных, сладких, золотистых яблок.

Так думает и Ми́рча. Глубокая жалость овладевает его сердцем, и он чувствует, что не в силах больше терпеть, что не может он сидеть сложа руки, когда яблоня, которая растет в саду за лесопилкой в Лунке, начинает низко пригибаться к земле, будто древний старик. Когда мальчик проходит мимо забора, заросшего доверху лебедой и крапивой, ему просто больно смотреть, как бессовестно увеличиваются яблоки, терзая бедное дерево. И жалость его возрастает с каждым днем...

Но все-таки в сад лесопилки Мирча не заходит, хотя забор и крапива не представляют для него серьезной преграды. В трусости его тоже не обвинишь. И если маме порой случается его похвалить, то уж, во всяком случае, не за благоразумие и осторожность. Вспомним только, как Мирча чуть было не погиб, когда влез на бревенчатый плот и поплыл вниз по течению Му́реша, так что ночью все рабочие лесопилки разыскивали его с фонарями. А в другой раз он побился об заклад, что залезет в железнодорожный тоннель, когда по нему будет мчаться скорый поезд.

Мирча выиграл пари, и никто не узнал, какого он натерпелся страху.

Но вот в сад на лесопилке у него пока не хватает духу забраться. Мирча то и дело вертится перед забором и с глубокой жалостью смотрит на тонкие, поникшие под тяжестью плодов ветви. А облегчить страдания яблони он не может. Смотрит и смотрит, лениво потирая левую ногу правой пяткой, и медленно уходит, поправляя на ходу лямку, переброшенную через правое плечо. В конце улицы он засовывает в рот два пальца и пронзительно свистит, давая понять, что и его терпению есть предел.

На следующий день Мирча снова возвращается на то же место. Но перемахнуть через забор не решается.

«Когда же этот жадюга уедет наконец в отпуск! — возмущается он про себя, и его охватывает глубокая тоска. — Хоть бы уж убрался! Ведь в прошлые годы уезжал как раз в это время!»

Этой весной все по-иному. Раньше, бывало, приедет за хозяином машина, раздастся хлопанье широко распахнутых дверей, и на пороге появляется господин Гимбавя́ну, за которым следует мопс. Хозяин отдает слугам последние распоряжения:

— Присматривайте хорошенько за домом! Ежедневно поливайте цветы, а когда наступит жара, не забудьте выставить на веранду кадку с лимонным деревом.

Потом раздавался скрип шагов по аллее, посыпанной мелким гравием и песком, дверцы красного автомобиля с синим кожаным сиденьем захлопывались, водитель запускал мотор, и сад оставался один-одинешенек…

Вы, наверно, уже догадались, что в саду, который раскинулся за лесопилкой, были не только плодовые деревья, но и хозяйский особняк, где проживал господин Гимбавяну, и у этого господина Гимбавяну был уродливый мопс. Не мешает добавить еще одну подробность: бедная глупенькая яблонька лезла своими ветвями прямо в окна особняка. Насколько Мирче известно, взобравшись на яблоню, можно подробно разглядеть кабинет господина Гимбавяну. Там стоит ореховый письменный стол, а на нем… чего только на нем нет! Книги, бумаги, хрустальная чернильница, статуэтки, длинный белый нож из слоновой кости и огромная квадратная пепельница; в кабинете стоят стулья с низкими изогнутыми спинками и двумя ножками из металлических гнутых трубок — кажется, будто их наказали и

поставили на колени. Вдоль стен тянутся полки, в углу возвышается зеленоватый сейф, а прямо против окна, над дверью, красуются ветвистые оленьи рога. Это все можно разглядеть снаружи. Ну, а через порог кабинета босые, пыльные ноги Мирчи, конечно, никогда не переступали. Да он и не горевал об этом.

Господина Гимбавяну Мирча всячески избегал, он и сам толком не понимал почему. У господина Гимбавяну был сын одних лет с Мирчей. Но Мирча видел его очень редко, потому что тот учился в городе Клу́же и со здешними детьми не играл.

Господин Гимбавяну — директор лесопилки, а Не́лу — его сын. Попробуй только побороться с ним или окунуть его как следует в воду. Даже думать об этом не стоит!

Хорошо еще, что каждый год в начале июня папаша и сынок, прихватив мопса и два набитых чемодана, убирались из городка на два месяца.

Вот тогда-то можно было потолковать по душам с замученной яблоней!

Этим летом Мирча напрасно надеялся услышать знакомый гудок автомобиля, напрасно таращил глаза из-за забора, стараясь уловить хоть какое-нибудь движение, хоть малейший признак того, что хозяева собираются уезжать.

Наоборот, с начала июня в особняке директора стало особенно оживленно. А тут еще Нелу прикатил из Клужа и вздумал играть с мопсом как раз под яблоней…

Но вот однажды утром, возвращаясь с хлебом из пекарни, Мирча не поверил своим глазам — хозяева все-таки уезжали… К тому же, против обыкновения, они собрались в дорогу ни свет ни заря. Подумать только: он, Мирча, сегодня чуть было не послал вместо себя в пекарню сестренку Лену́цу! Но мама так просила его сбегать за хлебом! Что было бы, если бы он не пошел?..

Вдруг Мирча услышал, как Ги́мба (так ребята прозвали господина Гимбавяну) крикнул сыну:

— Быстрее, быстрее! Усади Не́ро спереди, а ты, Вирджи́л, (так звали шофера) подстели ему попону.

В правой руке директор держал желтый портфель, перехваченный широким ремнем. Машина, коротко загудев, исчезла за углом, оставив за собой струйку голубоватого дыма…

«Приду вечером», — решил Мирча и помчался во весь дух к рабочему поселку, соперничая в скорости с автомобилем. К своему великому удивлению, он застал дома отца.

— Наконец-то ты явился, негодник! — налетела

на Мирчу мама, втайне обрадованная, что он все-таки возвратился.

— Ладно, оставь его! — вмешался отец. — Лучше собери мне что-нибудь поесть, а то опоздаю на поезд.

— А когда вернешься? — спросила мама.

— Сам не знаю. Мы едем втроем.

— Слушай, Гаври́л, что это происходит?

— Кто его знает? Поживем — увидим.

* * *

Ну и длинный был этот день! Мирче казалось, что время тащится, как товарный поезд в гору, так что даже надоедает считать телеграфные столбы, то есть часы. Но солнцу так уж положено — сперва высоко подняться в небо, а потом уйти за горизонт.

Над Мурешом опускается легкая дымка, а босые ноги Мирчи сами собой стремятся к забору, почти скрытому в зарослях крапивы. Быстрый взгляд в сторону директорского особняка, сердце колотится сильнее. Вот одна нога уже по ту сторону забора, в нос ударяет чудесный аромат летних яблок… Наконец-то!

Мирча уже сидит верхом на самой толстой ветке. «Сперва отдышусь, а потом съем первое

яблоко. Хорошо, что удалось незаметно стащить папкин ремень. А то все яблоки порастерял бы», — думает он, все еще дрожа.

Разговаривая так сам с собой, Мирча все выше взбирается по дереву, засовывая яблоки за пазуху. Бросает взгляд вниз, на землю. Эх, уронил одно яблоко, самое большое, нужно запомнить, куда оно упало.

Вдруг в окнах, куда упорно заглядывают ветви яблони, вспыхивает яркий свет.

Мирча на верхушке дерева, вцепился в ветку и замирает от неожиданности. В кабинет входит господин Гимба. Будь у Мирчи свободной хоть одна рука, он протер бы глаза. Ведь он сам видел, как тот уехал. Господин Гимба подходит к письменному столу и роется в ящике. Потом останавливается посреди комнаты, вытирает лоб белым платком в такую же полоску, как на носочках Нелу, и подходит к окну. Открывает его, всматривается в сад. Быстро поворачивается на каблуках и большими шагами подходит к сейфу. Медленно, словно прислушиваясь к чему-то, поворачивает в замке ключ. Поднимает с пола желтый портфель, раскрывает его и засовывает туда кучу бумаг. Мирча слышит, как позвякивают ключи. Господин Гимба гасит свет и тихонько

прикрывает дверь. Слышно, как скрипит гравий на дорожках аллеи.

Мирча готовится соскользнуть вниз и перемахнуть через забор. Ему уже кажется, что он добрался до забора и одним прыжком перескакивает через него. Об упавшем яблоке он и не помнит.

Но в аллее вновь слышатся шаги. Из-за угла дома появляется господин Гимба с портфелем. За ним, глухо рыча, словно у него что-то клокочет внутри, ковыляет на кривых ногах мопс Неро.

Из-за угла дома появляется господин Гимба, позади ковыляет мопс Неро.

Спасения нет.

Господин Гимба останавливается под самым деревом, наступает на упавшее яблоко и отбрасывает его в траву. Мопс кидается за яблоком, сгоряча кусает его, но тут же выплевывает и возвращается к хозяину.

Мирче кажется, что они торчат здесь уже целый час, если не дольше. Господин Гимба вдруг подходит к погребу, приподнимает дверцу и спускается вниз. Мопс остается снаружи, и бедняга Мирча никак не может спуститься. Хорошо еще, что он сидит верхом на ветке. Но его ноги будто оцепенели.

Наконец господин Гимба, уже без портфеля, вылезает из погреба и осторожно опускает дверцу.

Снова входит в дом. Но мопс не двигается с места. Разлегся, дьявол, под самым деревом, прижав морду к невысокой траве. В доме снова вспыхивает свет. Мирча даже не мог бы сказать, как давно он сидит на верхушке дерева. Ему холодно, страшно, хочется есть. Он боится даже вздохнуть. А как мучительно хочется спать! Сердце у него сжалось от тоски. Он думает о постели, о доме

— о том, как мама взбивает на ночь подушки, посылает его перед сном мыть ноги, как он потом вытягивается под одеялом и поворачивается лицом к стене.

«В летние вечера простыни такие прохладные…» — думает он, и его одолевает дремота.

Мирча совсем было уснул, но мопс вдруг вскакивает и с лаем бросается к калитке. На улице раздается гудок автомобиля. Машина директора. Господин Гимбавяну появляется в дверях, шикает на собаку и спрашивает шепотом:

— Ты приехал, Вирджил? Очень хорошо.

Но из машины выходят трое мужчин. Еще не очнувшись от сна, Мирча в темноте сперва не узнает их. Чей-то низкий голос говорит:

— Зайдемте в дом, господин Гимбавяну.

А через секунду слышится снова скрип двери и голос господина Гимбы:

— Марш, Неро! Убирайся отсюда!

Все сошло бы гладко, если бы в кабинете снова не зажегся свет.

Мирча чувствует, что сонливость как рукой сняло.

В кабинет вошел его отец. Рядом с огромной квадратной пепельницей он кладет свою клеенчатую сумку, в которой обычно носит на

работу еду. А отец Джи́лу Коври́га что-то требует у господина Гимбы. Спиной к окну, на стуле с изогнутыми ножками, сидит третий человек.

Господин Гимба вынимает из сейфа деньги. Трое мужчин открывают все ящики, вываливают оттуда на стол бумаги, и под ними скрываются и пепельница, и хрустальная чернильница, и статуэтки. Они размахивают руками и вроде сердятся, но окошко сейчас закрыто, так что Мирча не может ничего разобрать.

Потом Мирча видит, как все поднимаются. Папа что-то говорит господину Гимбе, и лицо у него суровое. Гимба молчит и не отвечает на вопросы. Все выходят. Свет снова гаснет. Мужчины подходят к дереву и что-то ищут под окном. Господин Гимба останавливается у погреба.

Мирча пытается устроиться поудобнее, но делает неловкое движение и роняет яблоки. Несколько штук попадают в мопса, тот принимается лаять.

— Кто это там? — кричит господин Гимба.

Мирча не слезает, он почти падает вниз, жалобно плача. Мужчины окружают его.

— Ты что тут делаешь?

Отец Джилу Коврига приходит в себя первым:

— Наверно, и Джилу тоже где-нибудь здесь

околачивается?

— Нет.

Третий человек смеется.

— Вот это да! Каждый занят своим делом. Они занялись садом, мы — лесопилкой. Значит, полная национализация. Только им не нужны никакие документы, а нам они необходимы. И куда только этот мошенник их упрятал?

Мирча вспоминает о дверце погреба. Он чувствует, что страх его проходит. Если уж и папа рассмеялся — значит, ничего страшного нет. Он набирается храбрости и тянет отца за рукав. Тот нагибается, и Мирча шепчет:

— Они в погребе.

* * *

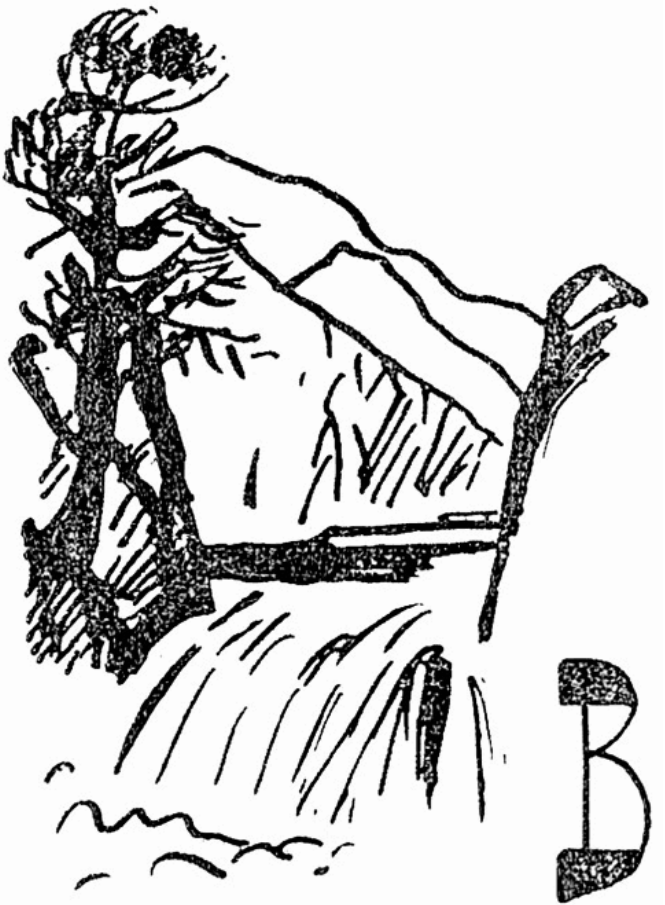
На заре трое мужчин и мальчик шагают по направлению к рабочему поселку.

— Эй, малец, для нас у тебя не найдется яблочка? — спрашивает отец Джилу. — Хорошо бы сейчас погрызть после табака.

Все смеются:

— До чего ж хороши летние яблоки!..

Штефан Лука. Омут Близнецов


B

В горах лето не жаркое и воздух чистый. Вода Бúстры не похожа на ленивую, тепловатую и тихую воду равнинных рек; эта река бурная, холодная, шумливая. В ее пенистых волнах прячется резвая форель с радужной чешуей, которую трудно приманить на крючок удочки.

А в некоторых горных реках вода скапливается, гневно клокочет и бурлит в широких омутах. Это там, где скалы громоздятся одна на другую и задерживают течение. Но вода не хочет останавливаться. Она собирается с силами, как перед штурмом, и летит под гору, вниз, рассыпая в воздухе водяную, легкую, как дымка, пыльцу.

Такое нагромождение скал стоит и на пути нашей горной речки Бистры. Место это прозвали Скалами Близнецов, потому что здесь речку подстерегают две скалы, похожие друг на друга как две капли воды. Они возвышаются над местностью и стоят плечом к плечу, будто помогая друг другу сдерживать буйный напор воды. Между скалами образуется узкий коридор, утыканный каменными зубцами и перекрытый порогом, с которого вода низвергается с оглушительным ревом.

Но перед тем как ринуться через порог в скалистый коридор, река замедляет бег и пробивает

себе широкое русло. Вода здесь почти черная, с темно-синими переливами, но все-таки прозрачная. Это омут Близнецов.

Старики рассказывают, будто Скалы Близнецов в давние времена составляли одну громадную скалу, которую два богатыря-близнеца обрушили с вершины Кэлима́нских гор на войско злобного змея. Падая, скала раскололась надвое, раздавив и войско и самого змея. Люди говорят, что змей и поныне что-то яростно бормочет там, в щели между двумя скалами, как будто бранит булыжники и камни.

Омут Близнецов таит много опасностей. Купаться там никто не рискует. Только двум людям известны все его тайны, и лишь они решаются бросить вызов коварному омуту. Чтобы искупаться в этом клокочущем котле, надо уметь плавать не хуже, чем дядюшка Захари́я — чабан или второй дядюшка Захария — офицер.

Но чабан Захария ушел со стадом на гору Бэтры́на и спустится оттуда не скоро. Он умеет ловко обманывать бурное течение, обходить водовороты и, выплывая на поверхность реки, благополучно добирается до правого конца порога, где с берега свисает корень ивы, за который можно уцепиться, чтобы не затянуло в скалистое

ущелье.

Самым искусным пловцом среди пионеров все считают Влади́ца То́рню, или Ду́цу, как зовут его ребята. Но и у него не хватает отваги померяться силами со страшным омутом. Правда, как-то раз, когда дядюшка Захария спустился с горы (он привез сыр), Дуцу подробно расспросил его и узнал, как надо действовать, если попадешь в омут. Самое главное: плыть быстро и внимательно следить за тем, чтобы вода тебя не понесла. В омуте три очень опасных места, которых надо остерегаться. Одно из них у дуплистой ивы, с толстым, словно вздувшимся узловатым стволом; там течение сносит, точно старается затолкнуть пловца под нависший берег. А дальше, за ивой, вода увлекает к «котлу», где она крутится на месте, клокочет и кипит. Когда же пловец решает, что все опасности наконец позади, тут-то его и подстерегает порог — третье самое коварное и страшное место. Здесь Бистра ведет себя хитрее самой хитрой лисы.

Вода с притворной лаской поглаживает пловца, а между тем пытается перевернуть его ногами вперед и перебросить через порог, притаившийся под самыми скалами. А уж там спасения нет.

Но знать все это на словах одно, а самому пере-

плыть омут — совсем другое. Дуцу наизусть знал все о коварстве омута. Он частенько вышагивал по узеньким мосткам с перильцами, за которые нужно как следует держаться, чтобы не полететь в воду. Задумчиво смотрел на реку, которая неутомимо мчалась, бурля под его ногами. Справа он видел дуплистую иву, чуть пониже «котел» и прямо перед собой — острозубые скалы порога. Иногда он бросал сухую веточку и удивлялся, как быстро уносит ее течение, то выбрасывая на поверхность, то погружая на дно.

Мальчик не успевал даже сосчитать до трех, а веточку уже выбрасывало в коридор. Дуцу представлял иногда себя на месте этой веточки: вот он добирается до порога и подпрыгивает над водой, чтобы схватиться за торчащий из берега корень. Воображая все это, он невольно вздрагивал от едва сдерживаемого волнения.

Знать-то он знал все, что надо сделать, но попробовать еще не пытался. Ждал, когда рядом будет дядюшка Захария. А до тех пор довольствовался только тем, что представлял себе, как борется с водоворотом и побеждает его.

* * *

У Дуцу два закадычных дружка — Васили́кэ Кре́цу и Ону́ц Теслова́н. С ними он неразлучен. Они тоже подолгу рассматривают омут, но, как и Дуцу, не решаются сразиться с ним.

— Очень уж здесь вода коварная, — всегда говорит Дуцу.

— А у тебя хватит смелости полезть в воду? — частенько спрашивает его Василикэ.

Дуцу обычно ничего не отвечает, и Василикэ принимается его поддразнивать:

— Сюда, конечно, не всякий решится полезть! Надо уметь как следует плавать, а не так, как мы.

Василикэ очень любит подбивать Дуцу на всякие рискованные затеи. Потом он расхваливает его перед другими ребятами и никогда не забывает упомянуть, что самолично принимал участие в отважных подвигах своего друга.

— Ну как, Дуцу, прыгнешь в воду? — не унимался он.

— Зачем же ему рисковать, коли здесь нет дядюшки Захарии? — рассудительно замечал Онуц.

Василикэ замолкал, но не надолго. Он уже

представлял, как, щедро приукрашивая, будет рассказывать, что Дуцу переплыл омут.

Такой разговор произошел однажды в субботу. Но на этот раз Дуцу, вместо того чтобы присесть, как обычно, неподалеку от «Близнецов», не сводил глаз с горы Бэтрына, на вершине которой золотились лучи заходящего солнца…

— Ждешь дядюшку Захария? — спросил Василикэ.

— Нет. Сходим лучше к деду Изидóру в овчарню.

— А купаться когда будем?

— После, — вмешался Онуц, который всегда слушался Дуцу.

— А что нам делать в овчарне?

— Там увидишь, — ответил Дуцу и решительно зашагал по тропинке.

* * *

Мальчики приблизились к овчарне.

Дуцу чуть призадумался, но ему не хотелось говорить друзьям о том, что его тревожит. Ведь причин для тревоги не было. Только бы дед Изидор был в хорошем настроении, а тогда все будет в порядке. Правда, он мог пообещать щенка и кому-нибудь другому. Потому-то Дуцу ничего

не рассказывает ребятам, боится, как бы его не подняли на смех, если ничего не выйдет.

Дуцу давно уже мечтал о настоящей чабанской собаке. Тот пес, что у них дома, просто дворняжка, которая лает больше со страха. А какой же это дом, если нет настоящего сторожа? Зима на носу, скоро волки появятся, а их шавка умеет только трусливо скулить.

Дед Изидор обещал Дуцу щенка от своей белой собаки — Ло́ры. У чабана мировые псы, настоящие волкодавы. Он сказал, что у него есть четыре кудлатых щенка и одного из них он подарит Дуцу. Даже посулил, что, когда щенок вырастет, он сам наденет на него ошейник с шипами, чтобы волк не мог вцепиться щенку в горло.

До чего здорово иметь собственного щенка, которого сам растишь, сам обучаешь, играешь с ним, дразнишь его и радуешься, когда он тоненько лает. Смешно, когда повалишь его на траву, а он тявкает и повизгивает, словно ребенок. Такой щенок похож на пухлый колобок с черным носиком и белой шубкой. Он будет ходить за тобой по пятам, ни на шаг не отстанет, будет скулить, когда ты прыгнешь в воду, и станет метаться по берегу, не решаясь прыгнуть за тобой.

* * *

Ребята нашли деда на полянке. У его ног дремали два лохматых белых пса. Все собаки у деда белые. Дуцу протянул ему пачку табака.

— Это вам мама послала, дед Изидор!

— Спасибо!

Старик неторопливо развертывает пачку, пересыпает тремя пальцами табак в табакерку, удовлетворенно проводит рукой по книжечке с папиросной бумагой и засовывает ее за защелку под крышкой табакерки. Потом поворачивается к ребятам:

— Скажи маме, пусть придет завтра за творогом и овечьим сыром. — Подумав немного, словно что-то вспоминая, он добавляет: — Погодите, дам вам тоже попробовать.

«Дед, видно, совсем забыл о своем обещании, — огорчается Дуцу. — Но вроде он сегодня в хорошем настроении. Надо как-нибудь заговорить про щенка, вот только как?»

— Дед Изидор, я пришел… — начинает он неуверенным голосом.

— Вижу, что пришел. Вот сейчас вы поедите овечьего сыра. Или, может, он тебе не по вкусу, не ешь.

— Нет, почему не по вкусу? Но только я пришел за обещанным.

— То, что я посулил, ты получишь. Вот вернется Захария и принесет. Ты ведь о щенке говоришь, так? Только, глади, ухаживай за ним как следует.

— Да ведь дядюшка Захария далеко, и пока он вернется… — снова огорчается Дуцу.

— Ладно-ладно. Пойду сам и принесу. Не знаю только, подпустит ли меня Лора, она что-то совсем сбесилась.

Василикэ и Онуц слушают и удивляются. Почему это Дуцу ничего им не рассказал про щенка? Они только собрались расспросить его, а уж дед несет крошечного щеночка, который не то рычит, не то скулит.

— Вот он, держи. Да старайся, чтоб вырос большим и злым, как Лора. Ей с волками не раз приходилось драться. А как вырастет щенок, приводи его сюда, я ему надену ошейник с шипами, чтобы волки не загрызли.

Ребята торопливо проглатывают овечий сыр, благодарят чабана и уходят. Старик остается один со своими овцами.

Дуцу держит щенка на руках. Какой он теплый и мягкий! Левой ладонью мальчик ощущает, как у него бьется сердце. Друзья то и дело спра-

шивают, не устал ли он, не тяжело ли тащить собачонку, просят дать им понести.

Так доходят они до омута и вот уже шагают по мосткам, держась за перила. Первым идет Василикэ, вторым Дуцу, а за ними Онуц. Василикэ то и дело поворачивает голову и смотрит на щенка.

Ребята уже почти добрались до противоположного берега, но тут Василикэ снова повернулся, чтобы поглядеть на щенка. Он очень боялся, как бы Дуцу не уронил его в воду.

— Держи крепче, — сказал он.

— Не бойся!

Василикэ зашагал было дальше, но вдруг оступился, нога его соскользнула с мостков, он вскрикнул. Дуцу схватил товарища за руку, чтобы поддержать его. Щенок, напуганный криком, начал рваться и выскользнул из рук Дуцу. Он жалобно взвизгнул и упал на мостки, а оттуда, перекувырнувшись, соскользнул прямо в омут. Вода сразу же проглотила его, словно давно поджидала.

На секунду Дуцу оцепенел, но тут же молниеносно швырнул на берег шапку и ринулся вниз головой за щенком, который жалобно скулил уже возле самой ивы, отчаянно, но без толку колотя воду лапками.

Василикэ и Онуц неподвижно застыли на месте.

Они увидели, как Дуцу вынырнул около ивы, но течение быстро относило щенка к «котлу». Он уже даже не скулил.

А Дуцу действовал, как все пловцы, попавшие в бурную воду. Чтобы победить течение, надо работать руками, ногами, всем телом, надо правильно дышать и бороться изо всех сил. Когда он вынырнул у «котла», вода как раз швырнула щенка к самому порогу. Еще доля секунды — и его затянет в «коридор», а тогда все пропало.

«Главное — не давай воде унести тебя! Держись на поверхности!» — звучит в ушах Дуцу голос дядюшки Захарии.

Дуцу чувствует, что какая-то невидимая сила тянет его вниз. Вот он ткнулся ногой в какой-то камень, по-видимому выступ скалы, сделал отчаянное усилие и ухватил рукой намокшую шубку щенка. Второй рукой Дуцу погреб к берегу и в тот же миг увидел над собой свисающий корень ивы, с трудом ухватился за него и наполовину высунулся из воды.

Мальчик дрожал всем телом. Он чувствовал себя совершенно обессиленным, но в то же время счастливым, и крепко прижимал щенка к груди.

Дуцу выбрался на берег и положил его на траву. Щенок стал энергично отряхиваться, и ребята, позабыв все волнения, весело рассмеялись.

И только после того, как друзья снова прошли через мостик, они вспомнили об омуте и обо всем, что так внезапно произошло.

— Дуцу, скажи правду, тебе было страшно? — спросил его Василикэ.

Дуцу остановился, оглянулся на омут и, помедлив, ответил:

— Не такое уж это трудное дело!

— Ох нет, все-таки это очень трудно, — вздохнул Онуц.

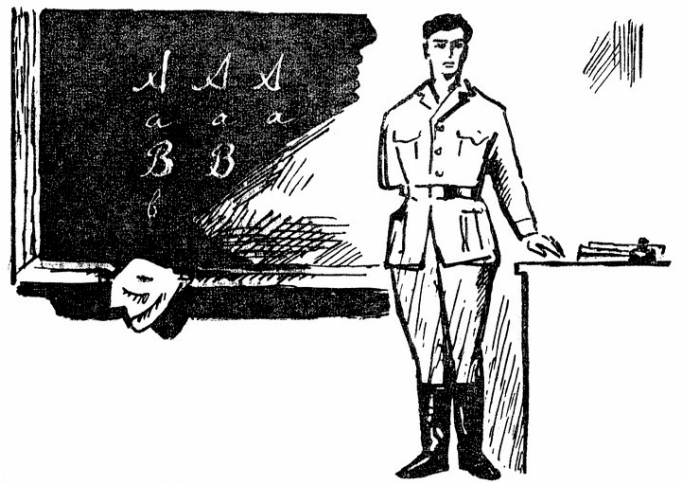
Василикэ с нетерпением ждет минуты, когда они дойдут до села и он сможет рассказать, как Дуцу смело прыгал в омут и выбрался на берег со щенком. Пусть теперь кто-нибудь посмеет сказать хоть одно плохое слово о третьем пловце на Бистре, который даже перещеголял первых двух.

Ведь Дуцу был в воде не с пустыми руками: он спас щенка, да еще какого щенка. Второго такого не найти! А кто не верит, пусть придет и сам убедится.

Василикэ не жалеет, что на этот раз они в самом деле приняли участие в происшествии, которое не грех и приукрасить, но о своем личном участии

он предусмотрительно решает не упоминать.

Мирча Сынтимбряну. Ученик



Однажды в дни весенних каникул я посетил музей Ленина. Перед уходом я решил записать свои впечатления в «Книгу посетителей» и стал не торопясь перелистывать ее густо исписанные страницы. Вдруг мой взгляд остановился. То была самая обыкновенная страница — наверху написано несколько строк, а под ними две колонки

подписей. Страница как все другие. И все-таки, повторяю, я не мог отвести от нее глаз, все смотрел на чуть удлиненные буквы с нажимом: буквы слегка клонились влево, словно человек писал не на столе, а на чьей-то согнутой спине, или его толкали под локоть… Этот почерк был мне хорошо знаком.

Я его уже встречал, и не однажды, а десятки и сотни раз. Он был знаком мне так же, как мой собственный почерк. Когда я неожиданно увидел его сейчас, мне показалось, будто где-то совсем рядом, быть может за моей спиной, стоит близкий и любимый человек, смотрит на меня и ждет, чтобы я его узнал. Я повернулся. Вблизи никого не было. Только по залам, стараясь не шуметь, чуть ли не на цыпочках, стайками двигались сотни ребят; детей сопровождали учителя, некоторые из них были уже пожилые, с седыми волосами. И вдруг меня словно осенило: я почувствовал огромную радость. Вспомнил… Конечно же, это он! Его почерк. И, всмотревшись в вереницу подписей, я увидел те же удлиненные буквы с нажимом и знакомое имя: «Думи́тру Мироне́ску, учитель».

Мой школьный учитель!

* * *

Он вошел в наш класс осенью 1945 года. Был он в военной шинели, наброшенной на плечи, высокий, статный, но худой и бледный, с большим лбом и лихорадочно горевшими глазами. Сперва он повернулся лицом к доске. Я, как всегда, записал на ней главных озорников. Их фамилии, выведенные моим корявым, крупным почерком, с множеством ошибок, заняли почти всю классную доску:

Анастасе пралил чирнила на скамиу.

Испас дразница, смишит и обзываит ребят.

Флоря аткрываит акошко и делаит сквазняк…

Новый учитель внимательно все прочел, покачал головой и повернулся к классу.

— Кто писал это? — спросил он ласковым, тихим голосом.

Я гордо поднялся из-за парты.

— Это я написал! Староста класса. Они — самые непослушные и…

— Плохо!

В классе поднялся невообразимый шум. Проштрафившиеся кричали, вскакивали с мест, тянули вверх руки.

— У него зуб на меня!

— Он сам во всем виноват!

— А почему он не записал Вóйку?

— Я вам все расскажу!

— Поручите мне записывать непослушных!

— Нет, мне!

— Мне, мне, мне!

Учитель поднял руку, и шум утих. Потом он снова едва слышно сказал:

— Плохо!

Он подошел ко мне, погладил по голове и тихо вымолвил:

— Сотри, пожалуйста, с доски.

Затем он прошелся между рядами парт, полистал несколько тетрадей, повернулся лицом к классу и в третий раз громко произнес:

— Плохо! Еще совсем недавно была война, ребята. Вы учились тогда кое-как. Но теперь вам надо будет работать серьезно, добросовестно, не жалея сил. Возьмите тетради и запишите первый урок.

Пока все мы рылись в партах и в ранцах, он сбросил с плеч шинель и подошел к доске. И тут — я запомнил этот миг навсегда — у меня, как и у

всех моих товарищей, перехватило дыхание, точно чья-то рука сжала нам горло. Шелест тетрадей прекратился. Мы ошеломленно смотрели, как он пишет на доске: медленно, с трудом выводил он неровные, продолговатые буквы, слово за словом, строчку за строчкой. У нашего нового учителя не было правой руки. Он потерял ее на фронте в боях с фашистами. Писал он левой рукой…

Прошло немало времени, прежде чем он снова повернулся лицом к нам; он был бледен, и на лбу его выступили капли пота. Дрожащим, чуть слышным голосом он сказал:

— Обещаю вам, что в следующий раз я напишу красивее!

Зимой учитель уже писал на доске быстро. Просматривая наши тетради, исправляя красным карандашом букву за буквой, он каждый раз писал в конце страницы несколько слов: «Пиши внимательнее», или «Пиши аккуратнее», а иногда так: «Хорошо, я доволен тобой». Мы сравнивали наш почерк с его почерком: удлиненные с наклоном и легким нажимом буквы, казалось, были срисованы из букваря… Нам становилось стыдно, и, нахмурившись, мы молча давали себе слово научиться писать точь-в-точь как он… Сами того не замечая, мы невольно стали подражать его

почерку. Почти все мы теперь писали с наклоном влево, и чаще всего буквы у нас выходили некрасивые, кривые, налезали одна на другую. На следующий день мы с грустью видели в конце страницы ту же старательно выведенную красным карандашом надпись: «Пиши аккуратнее», или «Пиши внимательнее».

И все мы недоумевали, как это ему удается писать так быстро и красиво левой рукой?

И вот однажды зимой мы узнали его тайну.

— Хотите, я вам что-то покажу? — спросил как-то наш товарищ по классу, сын школьной уборщицы. — Рты разинете от удивления. Приходите завтра в школу пораньше.

Мы так и сделали. Пришли еще до рассвета. Во всей школе было освещено одно-единственное окошко — нашего класса. Мы сгрудились перед ним и заглянули внутрь. Наш учитель стоял перед доской без кителя и писал. Писал медленно, старательно, выводя букву за буквой… Исписал всю доску, отступил на несколько шагов, окинул оценивающим взглядом написанное. Тогда и мы увидели доску. Там не было ни одного связного предложения, ни одного целого слова. Сверху донизу она была исписана только одной буквой — «а» строчной и «А» прописной.

Учитель снова подошел к доске и тщательно вытер ее. Потом опять стал писать, все быстрее и быстрее. А когда закончил, чуть отошел назад, покачал головой, и мы услышали, как в пустом классе прозвучало только одно слово: «Плохо!»

Он взял губку, торопливо стер все написанное и снова принялся писать «а» строчное и «А» прописное.

...С того дня слова «Пиши внимательнее» и «Пиши аккуратнее» никогда не появлялись в тетрадях учеников четвертого класса...

* * *

За моей спиной уже ждало несколько посетителей музея. Я еще раз посмотрел на страницу, исписанную наклонным почерком моего учителя, на две колонки с подписями его нынешних учеников — почти все фамилии были написаны с небольшим наклоном влево, с нажимом, чуть удлиненными буквами. Потом, обрадованный и взволнованный этой неожиданной встречей, я тоже подписался под фамилией моего учителя и, к недоумению окружающих, добавил такими же удлиненными буквами с нажимом: «Ученик».

Мирча Сынтимбряну. Монеты

B

В конце минувшей осени я побывал в одном пионерском отряде. Ребята как раз возвратились с экскурсии. В течение получаса комната пионеров гудела веселым, молодым гомоном. Если бы кому-нибудь пришла тогда мысль записать все их рассказы на магнитофонную ленту, они могли бы занять почетное место в любой фонотеке, как дополнение к книге «Тысяча и одна ночь».

В общем гуле я различил и голоса тех двух ребят, о которых шла речь в письме, полученном мною спустя некоторое время от пионервожатого.

«Товарищ редактор, может быть, вы еще помните пионеров Вóйку и Динéску? Тех двух учеников, которые сидели у самого окошка? Они вам еще рассказали, что с ними случилось во время экскурсии, — историю нескольких старинных монет...»

Еще бы! Конечно, помню. Не ручаюсь, что я узнал бы этих ребят в лицо, но голоса их до сих пор звучат у меня в ушах.

Мальчики эти сидели у окна. Один — высокий, худой, как испанский идальго, а второй — коренастый, пухлый, точь-в-точь Санчо Панса.

Они рассказывали об экскурсии пионерского отряда к Стене Турка и об истории трех монет...

С тех пор прошел почти год, и вот вожатый

снова приглашает меня посетить этот отряд. «Непременно приезжайте. Увидите кое-что интересное», — такими словами кончал он свое письмо.

Ну, раз просят, я сразу же и выехал. И по дороге воскресил в памяти тот случай, о котором упоминалось в письме…

* * *

Экскурсия уже приближалась к концу. Отряд собрался вокруг горниста, который изо всех сил трубил сбор, тщетно пытаясь заглушить ребячий крик. Несколько пионеров старались ему помочь и, приложив ладони рупором ко рту, орали:

— Сбор! Э-ге-ге-гей! Все на сбор!

— Если вы будете так вопить, никто не услышит горна! — рассердился горнист и тут же вытащил из-за пазухи сливу, которую быстро отправил в рот.

— Горна все равно не слышно. Наверно, в мундштук попала сливовая косточка, — поддразнивал его кто-то.

— Злишься, что я тебя не угостил?

— Чем, горном?

— Нет, сливами.

— Хватит ссориться! — вмешался председатель

отряда. — Все уже в сборе?

— Войку нет, — раздался чей-то голос.

Председатель отряда пожал плечами.

— Так и знал! — проворчал он. — Наверно, набрел на лужайку со щавелем.

— Он придет, как только стемнеет: спутает щавель с вороньим луком.

Все рассмеялись. Слабость коротышки-колобка к щавелю была всем хорошо известна. Ребята уж построились в колонну, как вдруг кто-то объявил:

— А Динеску тоже нет!

— Наверно, прилип намертво к Стене Турка.

Предположение вполне обоснованное. Динеску был председатель пионерского исторического кружка. Это он подал идею организовать экскурсию в Но́вач, где была старинная крепость. Уговаривал до тех пор, пока эту экскурсию не включили в план: «Мы обязательно должны осмотреть крепость, — убеждал он, — это совсем недалеко, всего двенадцать километров. Попросим, чтобы нас отвез туда заводской автобус, наши шефы не откажут. Один из крепостных валов полностью сохранился… А ведь турки трижды штурмовали крепость. До сих пор еще видны следы чугунных ядер…»

— Они скоро придут, — уверяли ребята. — У Динеску есть часы.

— Давайте поищем их в крепости, — предложил председатель отряда. — Если их там нет — значит, они пошли по направлению к шоссе.

* * *

Действительно пропавшие ребята были в крепости. Они отыскали там три заржавевшие монетки и сейчас, вооружившись палками, молча рылись в земле. Вдруг Войку распрямился и скорчил гримасу, которая красноречиво свидетельствовала о том, что ему это занятие надоело:

— Пошли, Динеску... я проголодался.

— А разве у тебя не осталось больше щавеля?

— Осталось немного, но от него мне еще больше есть хочется.

Динеску продолжал рыться в земле. Он взглянул на часы и, не прекращая работы, сказал:

— Не волнуйся. Сейчас только половина пятого. К пяти мы выйдем на шоссе. В автобусе мой вещевой мешок. У меня там слоеные пирожки с колбасой и биточки еще остались.

— Биточки... — мечтательно повторил толстяк, вглядываясь в даль, туда, где пролегало шоссе.

Он нехотя принялся снова скрести землю, а Ди-

неску опустился на колени и вытаскивал полные пригоршни камешков.

— Ты что, Войку, картошку пропалываешь, что ли?

Тот вздохнул.

— Ох, картошка!.. Я ее больше всего люблю! В особенности молодую. Она мелкая-мелкая, совсем как эти камешки, и поджаренная в масле. Честное пионерское, я могу съесть за один присест две полные тарелки... То есть мог бы, — грустно поправился он.

— Да не думай ты о картошке! — перебил его Динеску, но, заметив, какая несчастная физиономия у приятеля, посмотрел на часы и уже серьезно добавил: — Через пять минут закончим.

— Который час?

— Половина пятого.

Войку испуганно вскочил на ноги.

— Не может быть! Ведь в половине пятого мы разговаривали о биточках. Твои часы стоят.

— Верно. Они остановились! — спокойно подтвердил Динеску, продолжая разрыхлять землю.

— Я так и знал, — проворчал толстяк. — Я и без часов чувствую время. Когда пора обедать, меня никто не обманет. — Он вдруг отбросил в сторону палку и в отчаянии воскликнул: — Динеску! Они

уехали! Ребята в автобусе, а там твой вещевой мешок!

Но Динеску его не слушал. Он вцепился в какой-то кожаный ремешок, выглянувший из ямки, и изо всех сил тянул его к себе.

— Да помоги мне! Берись за ремешок! Раз-два! Взяли!

Потянули. Из-под камней, из разрыхленной земли, с треском выползла какая-то рвань.

— Это постол, — сказал Войку.

— Да, в самом деле постол!

— Эх ты, археолог, курам на смех! Я сразу догадался, что это постол.

— А как ты узнал?

— «Как, как»! По запаху! — вспыхнул толстяк. Он почти плакал. — Ой, до чего есть хочется! Мама сейчас как раз накрывает на стол. Расставляет тарелки… Нарезает хлеб… Знаешь булочную на нашем углу? Эх, как там вкусно пахнет, когда разгружают хлеб! Не перебивай меня, Динеску! Пахнет знаешь чем? Как тебе сказать? — Закрыв глаза, он подыскивал подходящее слово, но тут же испуганно воскликнул: — Пахнет дождем! На меня капнуло. Только этого нам не хватало!

* * *

Мальчики укрылись поблизости под стеной какой-то хижины. Они были там не одни. В дверях хижины стоял молодой человек. Он посторонился, освобождая место друзьям.

— Мне казалось, что тут было побольше ребят! — удивленно сказал он.

— Да. Но они уехали, а мы опоздали. Мы нашли три монеты, а потом еще раскопали… постол.

— Думали, что это кожаный кошелек Синáн-паши, — пробормотал Войку. — Да, роскошный мы раздобыли кошелек!

— А что за монеты вы отыскали? — заинтересовался их новый знакомый.

— Какие-то ржавые железки, — в сердцах огрызнулся Войку.

Динеску вытащил из кармана носовой платок и развязал узел. В ладонь молодого человека с легким звоном упали три монетки.

— Интересно! — воскликнул тот. — Весьма интересно! — Он старательно протер пальцами самую большую из монет и вытащил из кармана увеличительное стекло. — Это ирмили́к, очень редкая турецкая монета. Позолоченное серебро… — пробормотал он и, продолжая вни-

мательно рассматривать ее, добавил: — А ну, пошарь у меня в вещевом мешке, там лежит резинка, где-то под шпиком, кажется.

— Где, где? — воскликнул Войку и кинулся к вещевому мешку.

— Спасибо, не надо. Я нашел у себя в кармане.

— Нашли шпик?

— Нет, резинку… Вы видите на монете полумесяц? И надпись прекрасно сохранилась: «Сулейман, султан султанов тысяча пятьсот двадцать два…» Очень ценная и редкая монета. Такой нет даже в областном музее… Нет у них ирмилика шестнадцатого века…

— Вот и хорошо! Мы подарим ее музею. Правда, Войку? А это что такое?

Молодой человек тщательно, не торопясь, почистил и вторую монетку.

— Тоже интересная… С зубцами. И довольно редкая. И это турецкая монета — бронзовый ишили́к. В областном музее есть несколько таких монет, даже более старинных, но в городском нет ни одной. У них там выставлены лишь восковые слепки. Это все, чем они располагают.

— Слышишь, Бойку? — обрадовался Динеску. — Мы ее подарим городскому музею. Ну, а самая маленькая монетка? Это турецкая пара, не так

ли?

— Правильно. Таких очень много. Их еще называют «махму́дками», по имени султана Махмуда-Мохамеда.

— Это ничего, что наша монетка покрыта ржавчиной и чуть позеленела, мы ее как следует почистим и подарим школьному музею! — обрадовался Динеску.

— Правильно сделаете! — одобрил молодой человек. — Я учитель из этого села. У нас тоже есть музей. Мы там открыли и отдел нумизматики. Вы, конечно, знаете, что так называется наука о древних монетах. У нас выставлены римские сестерции, греческие драхмы, талеры, зло́тые, кроны… Может, обменяемся с вами, а?

— Трудновато… — улыбнулся Динеску.

— Почему? Вы расширите свою коллекцию. Значит, так: вы нам отдадите «махмудку»…

— Это невозможно! — покраснев, перебил его Динеску. — Если мы вам отдадим «махмудку», то… как бы вам объяснить… мы в школе останемся совсем без коллекции. Ведь как раз этой монетой мы положим ей начало…

* * *

Дождь прекратился. Небо прояснилось, и заходящее солнце позолотило старые стены крепости.

— Видишь, видишь! Это настоящий клад! Сокровище! — ликовал Динеску, прыгая на одной ноге и звеня монетками. — Ну как, все еще жалеешь, что пошел со мной?

Но Войку ничто не радовало. Он уныло плелся позади, ворча:

— Лучше бы мы остались там с учителем. Или по крайней мере обменялись с ним…

— Отдать ему «махмудку»? А что бы мы получили взамен?

— Шпик… — упавшим голосом пробормотал Войку.

— Ты что? Совсем спятил?

— Нет. Я просто голоден!

Его искренность не вызывала ни малейшего сомнения. Динеску стало жаль товарища, и он принялся подбадривать его, не переставая звенеть монетками:

— Держись, дружище! Через два часа мы будем дома. А там сразу же сядем за стол, и тогда…

— Говори, говори, Динеску. Если бы ты только знал, как мне приятно это слушать. Так, значит, мы садимся за стол… и что тогда?

— Ах, да! И тогда… мы напишем письмо в областной музей: «Посылаем вам вот этот ирмилик. Просим занести его в списки музея в отдел «подарков». Просим написать, что монета подарена пионерами Войку и Динеску». Что, здорово звучит? — радовался Динеску.

— Ну, а после этого?

— После этого напишем еще одно письмо в городской музей: «Посылаем вам ишилик… Монета подарена пионерами Войку и Динеску».

— Ну, а после? — не в силах больше сдерживаться заорал Войку.

— После этого мы выйдем из-за стола…

— Большое спасибо!

— …и отнесем «махмудку» в наш школьный музей. Я прямо так и вижу, — мечтательно продолжал Динеску, — обитую красным бархатом

витрину в нашем музее, вижу, как рядом с этой заржавленной «махмудкой» каждый год будут укладывать в ряд другие монеты. Может, они будут крупнее, более ценные и старые, одни серебряные, другие золотые… А почему бы и нет? Но первый камень заложили мы, мы с тобой, Войку! Понимаешь ты это?

Но Войку не в состоянии был лететь за своим другом на крыльях мечты. Он еле-еле тащил ноги по земле.

— А что мы сейчас делать будем? Спустимся под гору?

— Конечно. Потом перевалим через холм. Что это ты все сворачиваешь к шоссе?

Войку ответил не сразу. Он печально погрыз стебелек овса, вздохнул и негромко сказал:

— Там недалеко ларек, в нем продаются булочки. Ты разве не голоден?

— Голоден!

— Я подумал, может, купим там булочку или бублик.

— Хорошо бы! А деньги у тебя есть?

— У меня нет! — горестно вздохнул коротышка. — А у тебя?

— Тоже нет.

— Что же делать?

— Очень просто.

— Правда? — внезапно оживился Войку. — Я тоже об этом подумал. Продадим кому-нибудь одну из монет.

Динеску быстро зашагал вперед, сердито бормоча:

— Еще чего выдумал! Пошли! Через два часа будем дома!

* * *

Некоторое время они шли по шоссе молча, один за другим. Постепенно темнело. Даже не глядя на часы, Динеску понимал, что уже больше пяти. Что ж в этом страшного? Через час они доберутся до города. Возможно, даже раньше, если их подбросит какая-нибудь повозка. Но, как назло, все повозки ехали в противоположную сторону. Они дошли до очередного километрового столбика.

— Шестой километр! — обрадовался Динеску. — Мы прошли уже половину пути.

Войку ничего не ответил.

«Наверно, примирился с мыслью, что не будем продавать монетки, — подумал Динеску, весело шагая. — Все устроилось как нельзя лучше — областной музей, городской и школьный. Стоит ли все портить ради бублика?»

Но тут его как раз окликнул Войку. Он присел на дорожный столбик.

— Динеску, у меня нет больше сил…

— Что ж делать?

— Я хорошо знаю, как бы это сказать, все торговые точки этих мест. Вот здесь, сразу за поворотом шоссе, кооперативная лавка деревни Филипе́шть. Давай продадим там ирмилик!..

— Ты опять за свое!

— Ну, не хочешь эту монету, продай ишилик или «махмудку». Тоже не хочешь?

Динеску молчал. Не слезая со столбика, Войку принялся жалобно скулить:

— Что же мне, выходит, с голоду подыхать? Хорош друг! Для чего ж я тебя выручаю всю свою жизнь? Ты, видно, забыл, как я помогал тебе отбиться от собак на нашей улице! Забыл, как третьего дня ты повис на заборе, как наколотый жук, и я тебе помог слезть? А тебе и дела нет, что я есть хочу! Молчишь? Ладно! — И Войку решительно соскочил на землю. — Ты забыл еще одну вещь: ведь монеты мы нашли вместе. Значит, половина принадлежит мне. Так вот: я продам свою часть! Понятно? — Он подошел вплотную к Динеску и протянул руку: — Я не милостыни прошу, а требую своей доли.

Динеску резко повернулся на каблуках:

— Хорошо, я отдам «махмудку».

— Ты мне даешь ее?

— Нет, я сам ее продам. После дождичка в четверг.

— Ты что-то сказал?

— Ничего. Гляди, кто-то идет.

Действительно, по обочине шоссе шел какой-то мальчишка. Он вежливо поздоровался с ребятами, но не успел отойти, как услышал, что его окликнули:

— Эй, малец! Да, да, я с тобой говорю! Ты знаешь, что это за штука… нумизматика? А?

— Не, не знаю… — неуверенно ответил мальчик.

— Ну и ну! В каком ты классе? — насмешливо спросил Динеску.

— В четвертом.

— В четвертом и не знаешь, что такое нумизматика?

— Слушай, да продавай ты наконец! — оборвал его Войку, потянув за рукав.

— Ладно. А ты что, обиделся, малый? Говори, хочешь купить у нас денежку?

Мальчик отступил поближе к канаве.

— Купить денежку? — заикаясь, переспросил

он. Было ясно, что он не на шутку испугался.

— Да. Вот эту! — И Динеску сунул ему под нос «махмудку». — Это вроде одной леи. То есть это меньше леи, но я тебе ее продам за пять лей.

«Покупатель» съежился, вытаращил глаза, словно увидел сумасшедших. Динеску даже стало его жаль. Он был рад, что сделка не состоялась, и сказал ласковым голосом:

— Дорого, да? Я так и думал… Ступай, ступай, паренек, спокойной ночи!

Мальчик поспешно исчез. Динеску как ни в чем не бывало сунул монету в карман и повернулся к Войку.

— Не хочет. Что поделаешь! Не могу же я совать ему монету насильно.

— Ты что, издеваешься надо мной? Как же он может ее купить, если ты орешь на него, точно бешеный? Надо было уговорить его: «Мол, посмотри, мальчик, эта монетка из сокровищницы султана султанов, шаха шахов, царя царей Сулеймана, сына Баязета…»

— Да это же совсем другой султан. Союзник короля Франциска Первого в войне против Карла Пятого.

— Ага! Значит, знаешь, что надо было говорить? Так вот, послушай, Динеску, мы уже прошли

Филипешть… И если ты не продашь монеты до Бабе́нь…

— А что там, в Бабень?

— Даже не могу выговорить. У меня слова застревают в глотке.

— Но все-таки, что там?

— Там четвертый километр.

— Ну и что, если четвертый километр?

— А там… там… продают горячие пончики, кипящие в масле. Горячие пончики!

Перед таким доводом не мог устоять даже сам Динеску. Он шагал по правой стороне шоссе, а Войку плелся по левой. Но обоим казалось, что посредине — горячие, румяные пончики, потрескивающие в кипящем масле. Большие, огромные пончики. Даже Динеску чувствовал, что по сравнению с ними монетки, которые он поглаживал в кармане, совсем маленькие и холодные. В конце концов, они продадут одну-единственную монетку. Все равно их находка останется очень ценной. Что поделаешь? Так уж суждено. А иначе… Нет, против такого соблазна, как пончики, долго бороться нельзя. Еще километр, пожалуй, можно продержаться, ну, а больше — нет, невозможно.

— Динеску, поклянись, что ты не будешь вмешиваться! — раздался голос Войку.

— А с чего это мне клясться?

— Потому что нас нагоняет телега.

Ребята замахали руками, и возчик придержал лошадей.

— Куда вы едете, дядюшка?

— В Бабень. Можете тоже подсесть… Что это вы так поздно?

Возчик был человек немолодой. В левой руке он держал вожжи, а в правой — круг колбасы, от которого то и дело аппетитно откусывал. Ребята переглянулись, глотая слюнки. Они жадно принюхивались, толкая друг друга коленками:

— Охотничья колбаса…

— Кабанос[1].

— Откуда вы идете? — поинтересовался возчик, снова набив рот колбасой.

— Были на экскурсии у Стены Турка.

— Красиво там… очень красиво! — пробормотал возчик, не переставая уписывать за обе щеки.

Ребятами овладела какая-то странная слабость, в которой стыдно было признаться. Даже говорить не хотелось. Войку, с трудом дождавшись, пока их собеседник проглотит очередной кусок, спросил:

---

[1] Примечания: 1

Сорт сухой колбасы.

— Товарищ, а это правда, что в Бабень есть ларек и там продают пончики?

— Правильно, там торгует дед Костáке, а уж он такие пончики жарит, что пальчики оближешь!

Возчик даже не успел докончить фразу — Войку слабым голосом перебил его:

— А вы знаете, товарищ, мы нашли клад!

Возчик продолжал молча жевать.

— Кабанос! — еле слышно прошептал Динеску.

— Кабанос! — отозвался Войку и горячо продолжал: — Так вот, товарищ, история нам говорит, что, начиная от римско-датских войн, которые имели место в сто первом — сто втором и сто пятом — сто шестом годах нашей эры…

— Ты ближе к делу, не забирайся так далеко, — шепнул Динеску.

— А ты не вмешивайся! Ты поклялся… Вы, наверно, слыхали о наших князьях и военачальниках, таких, как Джéлу… Глад… Менумору́т…

— Да ты переходи к Баязету, — снова толкнул его Динеску.

Но Войку пропустил этот совет мимо ушей. Он не сводил глаз с куска колбасы, который возчик все еще держал в руке, и громко сказал, почти крикнул:

— Кто из нас не видел старинных замков, кре-

постных стен, древних монет? — Он вдруг осекся и потом растерянно пролепетал: — Извините, это у вас кабанос? Мы побились об заклад с моим другом… Да, значит, на чем я остановился? На монетах! Они являются для всех предметом гордости… Так вот, мы вам предлагаем такой предмет гордости… Эта монета называется ирмилик. Позолоченное серебро. Поглядите только!

Возчик тем временем доел колбасу. Он перекинул вожжи через плечо и принялся внимательно рассматривать монету.

— Н-да… Сколько же она может стоить?

— Такой монете цены нет! — напыщенно воскликнул Войку и торопливо подсчитал в уме: «Два пончика это три леи, два кренделя — две, всего — пять лей». — Пять лей! — объявил он.

— Монета красивая. Так и быть, куплю ее. Вот вам деньги, — согласился возчик, вытаскивая голубую бумажку.

Но ребята почему-то медлили. Они смущенно ерзали, будто стыдясь друг друга, и не отрывали глаз от своего ирмилика. Но разве теперь он все еще принадлежал им?

— Нет, лучше вы не покупайте эту монету, — смущенно пробормотал Войку. — Она какая-то щербатая.

Он быстро выхватил ирмилик из рук возчика и спрятал его в карман, торопливо пояснив:

— Понимаете, для областного музея она вполне годится, но для вас… Погодите, у нас есть еще кое-что. Правда, та монета бронзовая, но какое это имеет значение? Очень редкая и ценная! Настоящий ишилик времен Мохамеда. И стоит всего четыре леи.

— Ладно. Эта монета мне тоже по душе! — сказал возчик, поглаживая ее пальцами.

Войку показалось, что его хлестнули крапивой по лицу. Нет, ишилик тоже никак нельзя отдавать. Лицо его покраснело, на глаза навернулись слезы, и он умоляющим голосом залепетал:

— Да-да, но у нее, знаете ли, один недостаток… Теперь незаметно, потому что темновато… Именно поэтому… как вам объяснить… вы бы не могли… не покупать ее? Мы вас очень просим. Мы подарим эту монетку городскому музею…

— Да-да, не забирайте ее! — вмешался и Динеску. — Если хотите, купите вот эту «махмудку». Она старая, но в полном порядке да и обойдется вам дешевле — всего три леи!

— Динеску, мы уже доехали до ларька с пончиками. Отдавай монету, — раздался жалобный голос Войку. — Эх, будь что будет!

— Ну что ж! — согласился возчик и взял монетку. — Получайте деньги. А теперь я вас оставляю. У меня здесь кое-какие дела. Но, если передумаете, — добавил он, улыбнувшись, — то через четверть часа я снова буду здесь проезжать.

* * *

Ребята молча стояли у ларька, нерешительно тыча деревянной палочкой в пончики. Наконец Войку нарушил молчание:

— Чего же ты не ешь? Остынет ведь! Горячий пончик намного вкуснее.

— Да ведь ты сам не ешь!

— Мне что-то не хочется.

— Я тоже не голоден.

Аромат горячего масла кружил голову ребятам, они опустились на стулья.

— Знаешь, Динеску, я лучше упаду в обморок от голода, но есть не стану. Прошу тебя, не ешь, пожалуйста.

— Я хотел тебе сказать то же самое! — воскликнул Динеску, вскакивая на ноги.

— Мы его дождемся и вежливо попросим, пусть сам съест эти пончики и отдаст нам монету… Мы же должны отнести ее в школьный музей.

— А захочет он?

И тут раздался голос возчика. Он остановил лошадей и, не слезая с козел, крикнул ребятам:

— Ну как, еще не поели?

Ребята бросились к нему, держа пончики на палочках.

— Нет. Съешьте их, пожалуйста, сами. А нам… нам верните монетку… Они румяные, горячие… может, у вас дома дети… ох, и обрадуются же они! — тараторил Динеску, заметив, что возчик колеблется. — Я вам дам сверх того на память еще вот этот значок.

— А я записную книжку с календарем. И, главное, пончики. Только верните нам монетку. Понимаете, ирмилик мы отнесем в областной музей. Он тысяча пятьсот двадцать второго года, единственный экземпляр…

— А ишилик мы отдадим в городской музей, это тоже единственный экземпляр.

— И «махмудка» — единственный экземпляр. Она необходима для нашего школьного музея.

Возчик слез с козел. Он переводил взгляд с одного мальчика на другого, а они совали ему под нос румяные пончики.

— Зачем же вы мне ее продали?

— Мы отстали от своих и…

— …и очень проголодались.

Возчик сочувственно посмотрел на ребят.

— Гм! Так. Значит, вот из-за чего вы решились продать монету? Ну тогда оставьте себе пончики, а я в придачу к ним дам еще две сосиски.

— Не надо, верните нам монетку! — взмолились в один голос ребята.

Возчик что-то прикинул в уме.

— А если я вас отвезу на телеге в город? Согласны?

— Не надо. Мы пойдем пешком.

— Если вы не хотите пончиков, дайте нам ваш адрес, и мы вам пришлем три леи по почте…

Возчик рассмеялся:

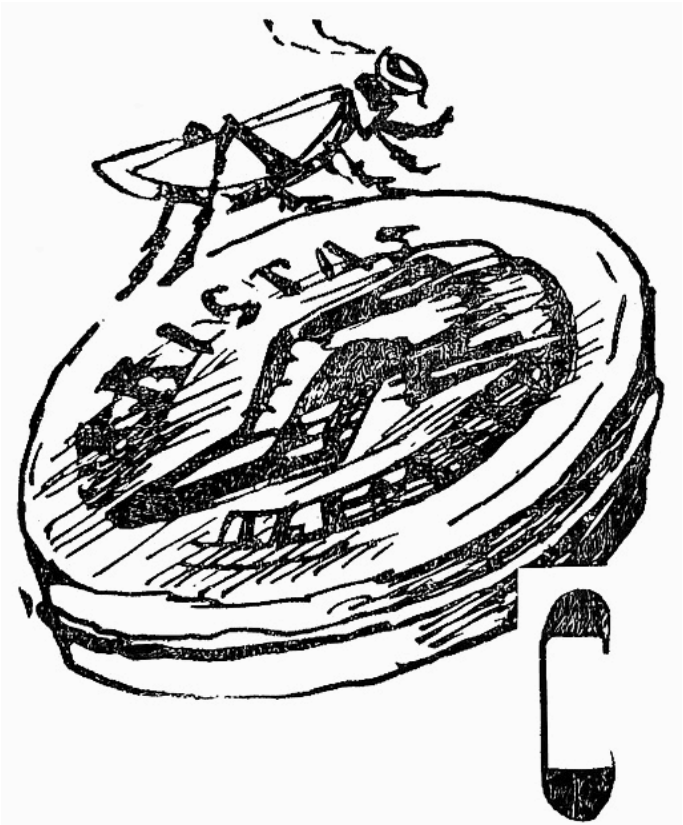
— Ну уж нет! Лучше вы мне дайте свой адрес, и я отвезу вас домой. Не бойтесь, денег я с вас не потребую.

* * *

Я пришел в школу и заглянул в музей. Под лампочкой, ввинченной в стену, сверкала витрина с монетами. Там лежали десятки монет. Но мой взор приковала одна из них — маленькая, позеленевшая, без зубцов. Она была первой в коллекции, лежала на кусочке красного бархата, и подпись под ней была необычная. Но мне-то все было ясно… На ярлыке было выведено тушью:

«Подарено возчиком».

Мирча Сынтимбряну. Разве геометрия — трудный предмет?



Симпатичные букашки — сверчки. Этим летом

я научился ловить их с помощью соломинки. Я дразнил их до тех пор, пока они не выползали из своих щелей и в ярости не впивались в соломинку. Десятка два сверчков я привез еще из пионерского лагеря. Держу их в специальной коробочке. Одно удовольствие слушать, как они стрекочут! Точь-в-точь как в деревне. А вот жильцы нашего дома другого мнения. И мама, конечно, тоже.

— Ми́ту, — спрашивает она меня ежедневно, — как могли попасть сверчки к нам сюда, на восьмой этаж?

Сверчков ищут все, ищут, но не находят. А я молчу, потому что знаю, что мои букашки хорошо спрятаны. Я их посадил в коробочку и подвесил высоко на балконе. Только мой друг Фане знает тайну. Он каждое утро приходит ко мне, и мы ими любуемся. А мама все посыпает дустом.

Сегодня я приготовил для Фане знатный сюрприз. Уходи в школу, я захватил с собой несколько сверчков в жестянке из-под гуталина. Из-за этого я чуть-чуть опоздал, и, когда вошел в класс, урок уже начался. Фане сидел за первой партой, а я, как всегда, за четвертой. Оттуда я вижу только затылок своего друга. Мои сверчки все время шелестят, шебаршат в баночке… До того забавные и

веселые! Вот только как их показать Фане?

Учитель начинает что-то объяснять. Он стоит, повернувшись спиной к классу.

Я скатываю бумажный шарик, прицеливаюсь и запускаю в Фане. Тот поглаживает вихор, но не поворачивается. Смотрит на доску. Второй бумажный шарик попадает ему прямо за воротник. Он поеживается, но все-таки не оборачивается. Я скатываю шарик побольше, прицеливаюсь, и вдруг… Что это? Бумажный шарик летит мне прямо в нос.

Пишу Фане записку: «Пересядь ко мне, я тебе покажу сверчков. Сегодня я сижу один. Мой сосед по парте заболел». Складываю записку и подталкиваю Ни́ку.

— Оставь меня в покое! — ворчит он.

Бирюк, а не товарищ. Пытаюсь отправить записку через Нелу, который сидит справа. Но тот тоже огрызается.

— Слушай лучше, что объясняет учитель.

И это называется друзья! Бесчувственные чурки! Трудно им передать записку, что ли?

Я сдаюсь. Тоже начинаю смотреть на доску — там нарисованы какие-то треугольники, круги, углы — АВ, СД, АД. Что все это значит?

— АВ равняется СД, — говорит учитель.

Я никак не возьму в толк, что это за АВ. Трудная штука геометрия! С самого начала трудная: углы, линии, равные отрезки, неравные отрезки, прямые, кривые, и все похожи друг на друга, как две капли воды. Я перелистываю книгу — так и кажется, что все страницы исписаны в ней нашим учителем: круги, углы — АВ, СД, АД…

Вдруг Фане оказывается рядом со мной. Я удивленно смотрю на него — как это он умудрился пересесть на другую парту во время урока? Но учитель все еще что-то объясняет у доски, и Фане спрашивает шепотом:

— Почему ты опоздал? Я все время бросал в тебя бумажные шарики.

— И я в тебя!..

— Принес сверчков? Какие они получились? Покажи хоть одного.

— Следовательно, отрезки АВ и СД равны. Поняли? — спрашивает учитель.

— Д-а-а-а! — отвечает класс.

— Что это за АВ, Фане? Где оно?

— Ах так! Тогда ты не увидишь больше моих красок. Так и знай! — Фане сердито отворачивается, но тут же снова начинает канючить: — Что ж ты, Миту? Ну я тебя прошу. Очень прошу, покажи хоть одного! Я только краешком глаза посмотрю.

— Ну чего пристал?

— Лопни мои глаза, если я тебе хоть когда-нибудь одолжу краски.

— Да потерпи ты! Разве не понимаешь, что я не могу левой рукой вытащить жестянку из правого кармана.

— Вытащи правой!

— Не могу.

— Почему?

— Я записываю урок. Не видишь, что ли? Учитель смотрит на нас.

— Значит, в правом кармане, говоришь?

Он сует руку ко мне в карман и вытаскивает жестянку. Открывает ее.

— Ух ты, какие хорошенькие!

Сверчки и в самом деле прехорошенькие, даже в своем естественном виде, когда они просто черные. Ну, а уж раскрашенные — это просто красота! Представьте себе сверчка — белого в красную крапинку. Или в белую полоску, как зебра, или еще с красной головкой и зелеными ножками. Как мы их раскрасили? Да очень просто. Акварелью.

Вдруг я вижу, что Фане засовывает жестянку себе в нагрудный карман.

— Что ты делаешь, Фане? Отдай жестянку!

Фане смотрит на доску и бормочет:

— Значит… значит, так… АВ равняется СД…

— Слышь, отдай сверчков!

— Миту, какая там линия АВ? — спрашивает как ни в чем не бывало Фане.

— Сейчас же отдай жестянку!

— Да не болтай ты! Разве не видишь, что я никак не найду АВ? — Он прикладывает угольник ко рту и шепчет: — Ведь краски-то были мои, и кисточки мои, и идея моя…

— А сверчки мои…

Еле-еле удалось мне отобрать у него трех сверчков, да и то желтых. А желтые кажутся такими скучными… Ну ничего, я себе тоже куплю акварельные краски.

Учитель стирает с пальцев мел и поднимается на кафедру.

— Итак, о чем мы сегодня беседовали?

Ребята поднимают руки. Как раз в эту секунду громко затрещал сверчок. Фане подносит руку к нагрудному карману, бледнеет и растерянно лепечет…

— Миту… жестянка…

— Что случилось, Фане?

— Она раскрылась, и там уже… нет сверчков!

Он лихорадочно шарит вокруг.

— Почему отрезок АВ равен отрезку СД? — спрашивает в это время учитель. — Ты можешь нам ответить, Фане?

Фане поднимается. Теперь трещат уже два сверчка. Учитель подходит к нам ближе. Я смотрю на Фане. На его груди, видимо ошеломленные ярким светом, прыгают пять или шесть сверчков. Они похожи на разноцветные пуговички.

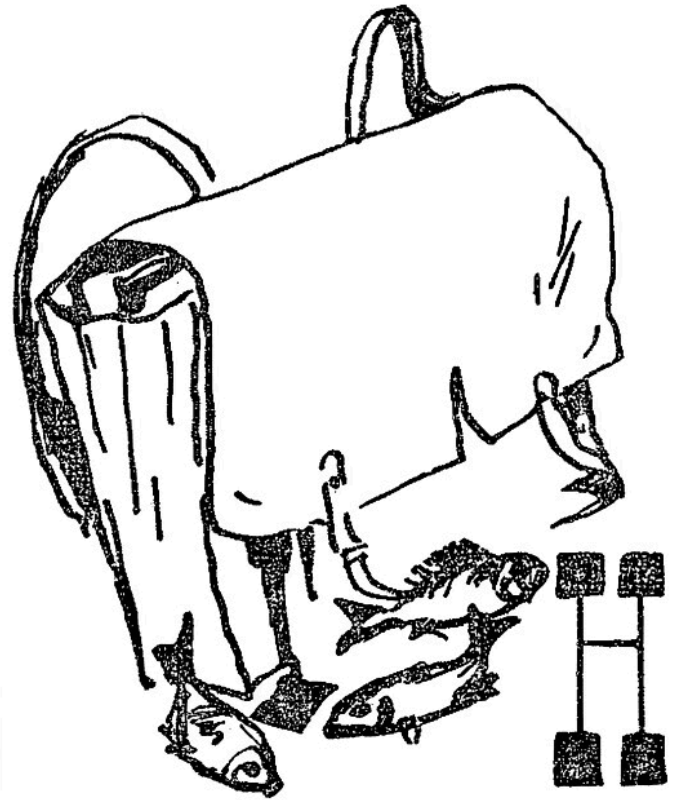
Мне становится жарко, я покрываюсь испариной. Вытаскиваю платок и вытираю лоб. Но из платочка тоже несется громкое пение сверчка. На мое счастье, раздается звонок. Это только так говорится — на счастье. Учитель задал Фане страшную головомойку за то, что он невнимателен на уроке и не слушает объяснений. Через два часа вся школа узнала о сверчках. В тот же вечер классный руководитель пришел к нам домой. Это было в восемь часов двадцать минут, а в восемь часов двадцать пять минут на восьмом этаже нашего дома не трещал больше ни один сверчок.

* * *

С тех пор прошла неделя. Мы с Фане теперь сидим вместе за первой партой. Я уже начинаю разбираться в геометрии. Только изредка в классе все еще слышится стрекотание. Должно быть,

один из сверчков где-то спрятался. И, как назло, он начинает свой концерт именно на уроках геометрии. Эх, попадись только он мне в руки! Мы с Фане ищем его каждый вечер. Я слыхал, что если сверчки попадают в теплое место, то могут прожить до самого декабря. Неужели это правда? Вот мерзкие букашки!

Мирча Сынтимбряну. Письмо лодырю



Ну вот я решил тебе написать письмо, мой

недобрый хозяин! Это пишу я — твой портфель, твой горемычный портфель. Должен с самого начала признаться, что мне не всегда было так худо.

Напротив. Было время — всего лишь месяц назад, — когда я чувствовал себя гордым и счастливым. Да и как было не гордиться: ведь прямо с прилавка книжного магазина я вошел под руку с тобой прямехонько в седьмой класс. Мне казалось, что и ты гордишься мною, и это особенно меня радовало, потому что, сознаюсь, ты мне понравился с первого взгляда. Ты был — да и теперь, конечно, остался, хотя и вовсе перестал мне нравиться, — высокий, статный, веселый, ну просто настоящий спортсмен. Кстати, если тебе это интересно, я тоже не чужд спорту. Когда-то в цеху, где обрабатывают кожу, из меня чуть было не сделали боксерские перчатки.

Так вот, всего месяц назад я думал: ну и повезло мне! Я буду ходить в школу, буду учиться, все станут уважать меня — и ты, мой хозяин, и другие. Ведь мы с тобой такая славная пара!

Вот почему, когда однажды, еще в начале учебного года, я увидел, что у меня на внутренней стороне крышки приклеено расписание уроков, я чуть не задохнулся от счастья. Да, было чему

поучиться: и физика, и химия, и алгебра, и множество других предметов, о которых я сроду не слыхал. Я еле дождался следующего дня, когда, наконец, должны были начаться занятия. Все читал и перечитывал расписание: первый урок — физика, второй — химия, третий — математика. Помнишь, как я сиял, когда мы вышли из дому? Теперь я могу открыться — это я сиял от счастья. Но вот мы куда-то пришли, остановились. Было ровно восемь утра. Ты бросил меня на землю, шагах в семи от своей куртки, и вместе с какими-то ребятами принялся гонять мяч. Очевидно, это был первый урок. И в несколько минут я усвоил множество сведений из физики, например: «Удар! Штанга! Угловой! Штрафной! Офсайд!»

Я видел, с каким жаром ты принялся за ученье, как самозабвенно бегал, высунув язык, как изо всех сил старался усвоить эти понятия, и потому покорно промолчал, когда на меня, будто кувалдой по голове, обрушился «удар в штангу», отбросив меня бог знает куда, когда бутсы поцарапали мне лицо, а «штрафной» расколол вдребезги чернильницу, обдав всего меня чернилами.

«Так, по-видимому, занимаются в седьмом классе, так полагается изучать физику», — думал я, с нетерпением ожидая конца первого урока. Но

вот раздался свисток и наступила перемена. «Хорошо, — сказал я себе, — сейчас начнется химия. Я приобрету новые знания».

И действительно ты поднял меня и перенес на другой конец поля. Таким образом, я узнал, что для химии необходимо «поменяться воротами». Вскоре после нового свистка начался урок химии. Я все ждал. К моему удивлению, новый предмет, как две капли воды, был похож на предыдущий. Те же, ну абсолютно те же самые слова: «Удар! Гол! Штанга! Штрафной! Офсайд!»

Каково же было мое изумление, когда на третьем уроке, на алгебре, я снова услышал эти слова! Единственное, что я усвоил дополнительно, было математическое понятие «четыре — ноль»; оно, как я понял, не только очень обрадовало тебя, но и принесло тебе всеобщее уважение. После этого мы отправились домой отдыхать.

На следующий день у нас по расписанию были география, румынский язык и анатомия. На первом уроке мы сделали привал в рощице на склоне холма. «Вот это география! — сказал я себе. — На свежем воздухе, на лоне природы».

Я ждал затаив дыхание. Ты же целый час напролет старательно смазывал клеем какой-то репейник. На уроке румынского языка ты лежал

в засаде и двигался только ползком. И наконец на уроке анатомии ты поймал трех несчастных щеглов, которые приклеились к репейнику, смазанному клеем еще на уроке географии.

Домой ты возвратился счастливым. Я, твой портфель, тоже был счастлив. Ведь я узнал, что такое география, румынский язык и анатомия. Все оказалось очень просто. И я постиг эти предметы за несколько часов.

На третий день нам предстояли история и геометрия. Мы остановились на берегу реки, и ты принялся усердно удить рыбу. Очень скоро мне стало ясно, что разница между историей и геометрией лишь в том, что на истории ты вылавливаешь по три лещика, а на геометрии — только по два.

Ты гордился своими успехами! Я тоже! Ведь в первые же три дня обучения я усвоил все, и теперь в школьной программе для меня не было никаких секретов. Я изучил все свои школьные обязанности: на физике, химии и алгебре я должен терпеть удары ногой и мячом; на географии, румынском языке и анатомии — укрывать пойманных щеглов, а на истории и геометрии — благоухать рыбой.

И вот, как раз когда я уже решил, что превзошел

все науки, началась невообразимая путаница. На четвертый день, когда я готовился к физике, ты потащил меня на рыбалку, а ведь это, как известно, проходят по истории, зато на уроке истории мы почему-то занимались щеглами, а на уроке румынского языка, когда я ждал, что ты понесешь меня в рощу на склоне холма, ты швырнул меня на землю и принялся гонять мяч, совсем как на физике, химии и алгебре!!!

С тех пор все пошло кувырком, и я перестал что-либо понимать. Я совершенно растерялся и почувствовал себя несчастным. Я-то думал, что стал ученым, а понял, что ничего не знаю. Я хотел, чтобы меня уважали, а вместо этого на каждом шагу только и слышу: «Это портфель лодыря!»

Вот как меня называют!

Так знай же, мой недобрый хозяин, если завтра мы снова будем изучать физику на футбольном поле, я с тобой, как говорится, больше не вожусь. Тебе портфель все равно не нужен. Я вернусь на фабрику и попрошу, чтобы из меня сделали то, чем я должен был стать с самого начала, — пару боксерских перчаток. Понятно? Думаю, теперь тебе все ясно. Поэтому я, не теряя времени, заканчиваю и подписываюсь.

Твой горемычный портфель

Петре Лускалов. Бычок

В то ноябрьское утро стадо коллективного хозяйства села Лу́нки спокойно паслось на лугу, неподалеку от поймы Дуная. День выдался почти теплый. Ласковый южный ветерок волновал воду в лужах, шелестел листвой ив, ерошил черно-ржавые головки камыша. Обманчивое солнце припекало, по-весеннему освещая бескрайние луга и отдаленные холмы. И все-таки осень давала

о себе знать. С каждым порывом ветра с ив слетали пожелтевшие листья и стайкой уносились ввысь. Какое-то мгновение казалось, что они хотят взлететь к оголенным веткам, но потом, трепеща, будто пританцовывая, падали плашмя в хрустально-прозрачную воду. Печально позвякивали колокольца стада.

Рыжие, пестрые и черные коровы, выдыхая клубы пара из широких ноздрей, пощипывали низкую, холодную траву. В неподвижном, застывшем воздухе иногда раздавались хриплые окрики пастухов.

То одна, то другая корова поднимали голову, будто прислушивались к чему-то, потом задумчиво продолжали жевать жвачку, глядя большими, влажными глазами куда-то вдаль по направлению к деревне на косогоре.

Лежа в конопляник на разостланных на земле ватниках, пастухи покуривали и с улыбкой следили за резвящимся симментальским бычком — рыжим, в белых чулочках, с черными, как слива, глазами и розовой мордочкой. Бычка купили в Трансильвании на государственной ферме.

Теперь он весело бегал по луговине, перепрыгивая через кочки, взбрыкивал и молниеносно вертелся на месте, бодая солнечные лучи сво-

ими острыми рожками. Задирая вверх хвост, он вихрем носился среди стада, лавируя между невозмутимыми коровами. Огромный черный бык с мощным загривком и грозными рогами, не отрываясь от жвачки, искоса следил за ним налитыми кровью глазами.

Обежав несколько раз стадо, малыш остановился прямо перед быком. Упершись передними ногами в землю, озорник пригнул голову и приготовился к бою, засопел, ринулся вперед, маленьким, похожим на кабаний клык рогом ткнул старого быка в лоб и тут же пустился наутек. Бык в ярости кинулся за ним. Другой бык, который пасся поблизости, подумав, что старик с грозным храпом бежит прямо на него, низко опустил голову, выставил рога и метнулся навстречу. Животные сшиблись в страшной схватке. Пастухи вскочили и взялись за дубинки, но было уже поздно. Быки с грозным ревом и храпом рыли копытами землю, яростно бодая друг друга. Напуганные коровы разбегались во все стороны, все стадо было взбудоражено. Суматоха возрастала. Остальные быки тоже принялись буянить и наскакивать друг на друга, на бегу ударяя и сбивая с ног жалобно мычащих коров, которые в страхе прятались в зарослях камыша. Земля гудела, все

вокруг сотрясалось от глухих, мощных ударов. Пастухи метались между разъяренными быками, стараясь во что бы то ни стало разнять их.

А бычок тем временем, ломая и топча стебли кукурузы, мчался по соседнему полю.

Пробежав еще несколько минут, бычок выскочил из кукурузных зарослей и в недоумении остановился. Перед ним поднималась причудливая ивовая роща. Меж дуплистых узловатых стволов старых деревьев словно пылали и дымились багровые лучи солнца. Бычок навострил уши и испуганно прислушался. Ни звука. Только время от времени шурша падал на землю еще один лимонно-желтый листок.

Бычок побрел дальше.

Целых два дня и две ночи крестьяне, разбившись на небольшие партии, прочесывали заболоченную пойму в поисках пропавшего бычка. Одна группа обыскала рощи и заросли камыша; минуя глубокие трясины, покрытые водяными лилиями, люди вышли к самому Дунаю. Много часов они бродили по пустынному крутому берегу. Густой молочный туман опустился на воды реки. Баржи одна за другой мрачными тенями медленно ползли вверх по направлению к городку Калараш. Слышались долгие гудки речных

судов. Вскоре все они исчезли из виду.

Крестьяне вернулись ни с чем.

Последняя партия во главе с опытным охотником, обшарив заросли пересохшей кукурузы, прошла вдоль и поперек соседние луга, заглянула в овечьи и коровьи загоны на берегу озер и, с трудом перебравшись через глубокую топь, прозванную «Парапе́т», вышла к озеру Калараш. Здесь все остановились на пригорке.

Далеко, до самой линии горизонта, простирались желтоватые, илистые воды озера, змеившиеся вокруг пустынных островков, поросших лишь чахлой, скрюченной ракитой. Продолжать здесь поиски бычка было бессмысленно — легче найти иголку в стоге сена! Люди пустились в обратный путь.

По дороге на опушке леса им неожиданно вышли навстречу волк и волчица. Звери не успели опомниться, как один из крестьян, опытный охотник, прицелился и выстрелил. Волчица упала как подкошенная, а волк отскочил в сторону и молнией ринулся в лес. Крестьяне подошли вплотную к волчице, неподвижно лежавшей в сухом колючем кустарнике. Вдруг, злобно рыча, она приподнялась и, как разжавшаяся пружина, одним прыжком бросилась на них. Охотник успел

снова выстрелить, и волчица рухнула на одного из мужчин, опрокинув его на спину. Уставшие, вывалявшиеся в иле, вернулись люди в деревню, притащив с собой убитую волчицу.

Теперь никто не сомневался, что бычок затерялся в придунайских топях и там его растерзали волки.

Волк

Проваливаясь в воду и продираясь сквозь гущу камыша, мчался голодный волк. Свора пастушьих псов гналась за ним по пятам. Далеко позади слышалось испуганное блеяние овец, глухое позвякиванье жестяных бубенцов на шее баранов, свист взмывавших вверх диких уток, жалобные крики чаек, рассекавших белыми крыльями синее небо.

Захлебываясь от лая, задыхаясь от быстрого бега, с вывалившимися красными языками, собаки бешено неслись по следам зверя. Домчавшись до озерка с прозрачной водой, волк на мгновение замер, весь сжался в комок и тут же, метнувшись вперед, перелетел на противоположный берег. Псы тоже добежали до озерка, но, беспомощно лая, остановились; отталкивая и кусая друг друга, они громко скулили от злости.

Глухо рыча и скаля острые белые клыки, с противоположного берега на них смотрел волк.

Вскоре он исчез в густой ивовой роще. Тщетно рыскал он в поисках добычи среди кустов и деревьев и вдруг остановился, навострив уши.

До него донесся какой-то смутный и непонят-

ный гул, казалось, где-то поблизости плещет вода. Волк постоял немного, прислушиваясь к этому тревожному, угрожающему шуму, потом вышел из лесу и очутился на песчаном берегу. Высокая, золотистая волна разбилась у его ног и, вспенившись, отхлынула назад. Перед волком раскинулось озеро Калараш.

Брезгливо отряхивая намокшие лапы, волк повернулся, собираясь уйти. Вдруг он прильнул к земле и замер.

По блестящей полоске песка, прямо на него, подняв хвост, бежал рыжий бычок в белых чулочках. Неслышно, как тень, зверь отполз обратно в лес и лег под кустом. Прижав голову к лапам, он долго прислушивался к шлепанью копыт по мокрому песку.

…Через несколько дней, когда в селе все еще горевали об исчезнувшем бычке, в заброшенном сарае на околице села собрались ребята.

Они натаскали сухих сучьев и развели костер под огромным котлом со смолой. Рядом с костром вверх дном лежала старая рыбачья лодка, вся в трещинах. Много лет назад, когда дунайская вода весной, во время разлива, образовала здесь целые озера, крестьяне добирались на этой лодке до овечьих загонов на отдаленных холмах. С тех

пор всеми забытая лодка осталась лежать на берегу озерка, мокла под дождями и рассыхалась на солнце. Позднее крестьяне с помощью двух лошадей подтянули ее к сараю. Теперь, поставленная вверх дном на четыре чурбака, лодка, казалось, помолодела. Усевшись верхом на нее, ребята старательно лили смолу во все щели и отверстия, набирая ее жестяными черпаками из котла. Смола бурлила, клокотала и, стекая в щели, застывала осколками черных, блестящих зеркал. Другие ребята возились вокруг лодки, старательно выскабливая ее облупившиеся бока и смазывая их дегтем. Внизу, под лодкой, слышалось веселое перестукивание молотков, то и дело оттуда высовывались чьи-то руки и хватали то планки, то гвозди.

Ребята лили кипящую смолу во все щели и отверстия старой лодки.

В глубине сарая, на веревке, натянутой между двумя балками, висел лозунг, написанный большими красными буквами: «Отдадим все силы отряда судоходной верфи!»

Все началось несколько дней назад в четвертом классе «Б» на уроке арифметики. Хорь, высокий, долговязый мальчик, с раскосыми глазками, решал на доске примеры, когда во дворе школы вдруг появился мальчуган, в широких, длинных штанах, доходивших ему до груди и перехваченных бечевкой. Мальчишка пробежал по школьной аллее и остановился у голого абрикосового дерева, рядом с окнами четвертого класса «Б». Несколько секунд он прислушивался к доносившемуся из открытых окон гудению, а потом легко, как белка, вскарабкался на дерево.

Мальчишка заложил два пальца в рот и коротко свистнул. Хорь, стоявший у доски, повернул голову и вытаращил глаза. Он увидел, что мальчишка на дереве поднес два пальца ко лбу, изображая рожки, и затряс головой, словно бодая кого-то, а потом закрыл глаза и принялся свистеть.

Сперва он свистел тоненько, с переливами, как

дрозд, потом его свист словно стал набирать высоту, превращаясь в щебет малиновки, и, наконец, мальчишка ясно и звонко залился жаворонком. Хорь оцепенел от неожиданности. Учитель повернул голову и, увидев мальчика, торчавшего на дереве, сошел с кафедры и направился к окну. Мальчуган молниеносно схватился руками за ветку и соскользнул вниз. Добравшись до земли, он подтянул штаны и выскочил со школьного двора.

Когда Хорь снова сел за парту, он сразу же вырвал страничку из тетради и торопливо написал: «Митúку не нашли. Его съели волки. Вот бедняга! Матéй, что нам делать? Хорь».

Старательно сложив листок, Хорь подтолкнул ученика, сидевшего впереди, и таинственно шепнул ему на ухо:

— Секретная корреспонденция! Передай Матею.

По мере того как записка переходила из рук в руки, по классу полз шепот, словно в открытые окна неожиданно ворвался ветер и зашелестел сухой листвой.

— Слыхали, ребята? Митика потерялся в топи. Увяз в болоте.

— Откуда ты знаешь, Журавль?

— Штефани́кэ принес эту новость.

— А Матей что говорит?

— Матей еще ничего не знает. Сейчас Хорь послал ему записку.

Пионерский отряд четвертого класса «Б» взял шефство над несколькими бычками, среди них был и рыжий бычок Митика.

Из всех бычков он был самый избалованный. Пионеры мыли и чистили его скребницей заботливее, чем всех остальных, каждые несколько дней меняли голубую ленту на его шее. На ленте болталась медная пластинка, на которой «химики» отряда вытравили кислотой:

Подшефный четвертого класса «Б».

Каждый день дежурные ребята готовили для бычка корм, примешивая в кукурузный силос всевозможные витамины и другие питательные вещества.

А теперь бычок исчез.

— Слышишь, Матей! — шепнул коренастый малыш с черными, бегающими, как жучки, глазками, обращаясь к товарищу, который слушал объяснения учителя.

— Чего тебе, Негои́ца? — спросил, поворачиваясь, Матей.

— Записка от Хоря! — таинственно шепнул Негоица, передавая ему сложенный листок.

В классе воцарилась тишина. Все взгляды были устремлены на Матея, который, чуть шевеля губами, читал записку. Закончив, он обмакнул перо в чернильницу и крупными, прямыми буквами написал поперек бумажки, как председатель, который накладывает резолюцию:

«Нет, Митика жив. Мы должны его найти. После уроков соберем весь отряд. Матей».

Он тщательно сложил записку и, повернувшись к Негоице, шепнул:

— Перешли Хорю!

Пионерский отряд собрался после окончания уроков. Матей был уверен, что бычок нечаянно забрел на плавучий остров, и ветер отнес этот остров далеко в глубь озера Калараш. Он предложил ребятам починить заброшенную лодку и организовать «экспедицию» в глубь озера. Отряд согласился с планом Матея. Но кто из ребят окажется таким отважным, что рискнет пройти по воде двенадцать километров и обыскать все дикие и пустынные места?

Трое закадычных друзей: Хорь, Негоица и Журавль — вызвались отправиться с Матеем в экспедицию.

Отъезд

Почти весь пионерский отряд собрался на берегу островка, окутанного клубящимся туманом. Привязанная к колышку лодка была похожа на странную, съежившуюся от холода птицу. На тонкой, высокой мачте колыхался парус, сшитый пионерками отряда.

Возле лодки стояли четверо друзей, одетые в шерстяные куртки, почерневшие от дождя, и овечьи кожушки, на головах у них красовались черные шапчонки, а за плечами вещевые мешки, набитые едой. Царила тишина. Запоздалые звезды падали в глубину вод. Далеко, в селе, петухи громогласно возвещали рассвет. Стаи диких уток с тревожным посвистом летели к Дунаю.

Не торопясь Матей снял с плеч вещевой мешок и бросил его лодку, потом окинул взглядом змеящееся между берегами озерко и, нагнувшись, рванул с колышка веревку. Сжимая в руках ее конец, он повернулся к провожающим, улыбнулся и сказал:

Мы обязательно найдем бычка, ребята! До свидания!

— Счастливого пути! — закричали в ответ

пионеры. — Непременно отыщите и привезите бычка. Будем вас ждать!

Хорь бросал вокруг горделивые взгляды. Журавль взволнованно переминался с ноги на ногу, а коренастый, маленький Негоица оторопело мигал своими черными глазками.

Матей влез в лодку, скинул кожушок, закатал рукава рубашки, бросил шапчонку на дно лодки и, опершись о мачту, повелительно, как заправский морской капитан, крикнул:

— Хорь, на корму! Негоица и Журавль, вяжите парус! Отчаливай!

Ребята столкнули с места лодку и прыгнули в нее. Хорь поднял тяжелое, короткое весло и, устроившись на корме, вонзил его в воду, громогласно доложив:

— Корма готова к отплытию!

Гул восхищения послышался на берегу. Журавль и Негоица ухватились за угол хлопающего на ветру паруса и, сильно натянув, привязали его к железному кольцу на борту. Парус вздулся, несколько секунд трещал, как спелый арбуз, и рванулся вперед, а лодка медленно и легко, будто тень, скользнула по прозрачному зеркалу воды.

Это превзошло все ожидания. Ликующий крик вырвался из груди ребят, и буря рукоплесканий

была наградой отважным мореплавателям за столь искусный маневр.

Лодка удалялась. «Моряки» молча смотрели на берег. Пионерский отряд был уже еле различим. На озере снова воцарилась полная тишина. Лодка плавно скользила вперед, раздвигая густые заросли водяных лилий. На берегах виднелись плакучие ивы, и их блестящие, прозрачные ветки были похожи на длинные пряди волос.

Так плыли около часа. Обогнув небольшой мыс, ребята увидели сквозь поредевший туман быстро надвигавшуюся высокую черную стену.

— Внимание! — крикнул Матей. — Подходим к лесу выдр.

Ивовая роща встретила ребят холодно и мрачно. Застывшая вода казалась стеклянной. Над старыми, гниющими стволами, упавшими в воду, окутывая ветви, клубился туман. Ребята гребли в полной тишине. Вдруг Журавль негромко вскрикнул и замер с веслом в руке. Остальные сразу же перестали грести.

— Что случилось? — шепотом спросил Матей, в недоумении глядя на Журавля, который, разинув рот и вытаращив глаза, уставился куда-то вдаль. — Что ты там увидел?

— Глядите! Глядите! — пролепетал тот дрожа-

щим, прерывающимся голосом, указывая рукой на торчащую из воды вербу.

Ребята повернулись туда. В роще, за поваленным деревом, они увидели несколько огромных и странных булыжников.

— Что за чертовщина! — поводя своим длинным, тонким носом, пробормотал Хорь. — Что это за каменюки? Ты что скажешь, Негоица?

Негоица быстро заморгал, почесал за ухом и лишь после этого спокойно ответил:

— Хорошо, кабы это были булыжники, только это дикие кабаны!

— Стадо кабанов! — в ужасе прошептал Журавль.

— Давайте удерем! — тихо воскликнул Хорь и схватил весло.

— Прячьтесь! — приказал Матей и кинулся на дно лодки.

Ребята моментально вытянулись рядом с ним, не сводя глаз со стада диких кабанов, поджидавших их на берегу.

— Ох и страшные же они! — пробормотал Журавль, содрогаясь всем телом. — Смотрите, какая черная щетина во-он у того. Видите?

Хорь покачал головой.

— Разорвут нас в два счета! Бежим, ребята! Весь

берег кишит этими проклятыми кабанами.

— Бр-р-р!.. Посмотрите только, какие злые глазищи вон у того! Ой, мамочка, да они у него красные, как кровь! Это, наверно, тот самый кабан, который в прошлом году распорол живот деду Мурескáту! — испуганно зачастил Негоица.

— Ага, наверно, тот самый. Вот сейчас он бросится на нас, смотри-ка, уже присел! Ох, обязательно прыгнет, уже прыгает! — взвизгнул Журавль, съежившись на дне лодки.

— Да помолчи ты! Вовсе он не прыгает! — тихо унимал его Матей. — Мы должны проплыть дальше так, чтобы они нас не почуяли. А не то…

— А если они увяжутся за нами?

— Не увяжутся.

— А если набросятся на нас?

— Будем защищаться веслами.

Ребята молча переглянулись. Положение было нелегкое.

— Ладно, попробуем! — наконец согласились все.

— Быстрее за весла! — скомандовал Матей, и все четверо рванулись на свои места и схватились за весла.

По мере того как они подплывали к стаду диких кабанов, рассыпавшихся между деревьями,

сердца ребят колотились все отчаяннее. Они уже различали сквозь туман черную колючую щетину на крутых загривках, видели мощные клыки, короткие сильные ноги с раздвоенными копытцами.

— Нужно очень быстро проскользнуть мимо них, — шепнул Матей, налегая на весла.

— Давайте, ребята! — выдохнул Хорь, нагибаясь вперед и тут же откидываясь на спину.

Негоица уже еле переводил дух. Журавль греб, пригибаясь к своим длинным, тонким ногам. Лодка летела стрелой. Сейчас они должны проскочить мимо самого страшного кабана. Их отделяет от него всего несколько шагов. Вдруг кабан сдвинулся с места и не торопясь направился к ним. Ребята замерли с веслами в руках. Подойдя вплотную к стволу поваленной ивы, кабан остановился и, похрюкивая от удовольствия, стал чесать спину. Лодка стояла неподвижно, а путешественники так и застыли с разинутыми от изумления ртами.

— Эй, ребята, — нерешительно сказал Журавль, поворачиваясь к остальным, — а вам не кажется, что этот дикий кабан смахивает на нашу свинью Ми́цу?

— Верно, очень похож, — поддержал его Хорь, —

не будь он кабаном, я бы поклялся, что это Мица!

Негоица удивленно уставился на них.

— Так ведь это и есть Мица! Как же она может быть диким кабаном? А?

— А остальные кабаны? — спросил в недоумении Журавль.

— Да это все свиньи с нашей фермы! — рассмеялся Матей и, поднеся ладони ко рту, принялся звать их: — Чушка, чушк-чушк-чушк!

Решив, что их будут кормить, свиньи, разбредшиеся среди деревьев, навострили уши и, весело похрюкивая, помчались к лодке, опустив хвостики.

— Поплыли быстрее, пока не поздно! — захохотал Матей, разглядывая приближавшихся свиней. — А не то они слопают все наши припасы.

Схватив весла, ребята поплыли дальше. Но свиньи и не думали отставать. С отчаянным шумом, хрюкая и визжа, мчались они по берегу за лодкой, продираясь сквозь заросли ракиты и перепрыгивая через поваленные стволы ив.

— Что за чертовщина, капитан! — в сердцах бросил Хорь. — Сроду не слыхал, чтобы хоть на какую-нибудь экспедицию напали свиньи! — И он презрительно выпятил губы.

— Если бы за нами гнались настоящие дикие кабаны, еще куда ни шло, — поддержал его Журавль. — Люди узнают — смеяться станут.

Негоица вздохнул и провел языком по обветренным губам:

— А все-таки хорошо, что это не кабаны!

Положение становилось критическим. Обманутые свиньи громко визжали, преследуя лодку по пятам. Вдруг все стадо замерло на месте. Навострив уши и задрав рыла, животные, казалось, принюхивались к чему-то. Внезапно, будто повинуясь какому-то знаку, они разом повернули, парами затрусили по направлению к кустарнику и исчезли.

— Это что еще? — озабоченно спросил Хорь, перестав грести.

— Свиньи почуяли какую-то опасность, — ответил Матей и легким движением вытянулся на остром носу лодки.

— Слушайте!

Откуда-то издалека доносился неясный гул, словно волнами разрезавший глубокое и хмурое молчание, царившее вокруг. Встревоженные и напуганные мальчики внимательно прислушались, потом снова взялись за весла.

Малиновки стремительно носились между

ивами, звонко щебеча в желтой листве. Солнце поднималось все выше, и небо, казалось, опрокинулось в прозрачные воды, разливаясь голубыми струями между золотистыми листьями водяных лилий. Уклейки молниями пронзали глубину вод, и дрожащие круги света рябили застывшую поверхность озера.

Но ребята ничего не замечали. По мере того как они продвигались вперед, таинственный гул превращался в неясный рев, похожий на грохот отдаленного водопада. Вытянувшись на носу лодки, Матей напряженно вслушивался, Хорь греб и словно принюхивался, Негоица тоже навострил уши, а Журавль поднялся во весь рост и тревожно оглядывался по сторонам.

Неожиданно берега озера словно раздались в стороны, а ивовая роща расступилась.

Берега все больше удалялись, пока совсем не растворились в легкой голубой дымке, и перед ребятами раскинулось огромное озеро Калараш. Его темные воды казались застывшими. Лишь кое-где в камышах мелькали стройные аисты, и тени их, похожие на карандаши, дрожали на поверхности воды.

— Глядите, неизвестный остров! — крикнул Хорь, указывая на черную линию, выглядывав-

шую из воды.

Уцепившись одной рукой за тонкую мачту, Матей поднес вторую руку козырьком к глазам, пытливо всматриваясь в таинственный остров, откуда неслась непонятный гул, схожий с отдаленными раскатами грома. Повернувшись к ребятам, он скомандовал:

— Перед нами неизвестный остров! Здесь мы начнем поиски бычка! Негоица и Журавль, поднимите парус! Хорь, садись на корму! Вперед, к неизвестному острову!

Пока Матей командовал, Негоица и Журавль ловко прикрепили конец паруса к железному кольцу, а Хорь, энергично действуя веслом, громко и торжественно провозгласил:

— Корма на юго-восток! Держим прямо на остров!

Подгоняемая легким утренним ветерком, лодка изменила курс, описала большой круг и легко поплыла к далекому острову.

— Как ты думаешь, бычок здесь, на острове? — шепотом спросил Негоица Журавля, проводя кончиками пальцев по воде, мягко шелестевшей за бортом, Журавль искоса посмотрел на Матея и, удобно, во всю длину, вытянув ноги, легонько ткнул Негоицу в грудь рукой.

— Поверь мне, дружище, нашего Митику сожрали волки. Я уже говорил… Попусту здесь болтаемся. — Журавль зевнул во весь рот и хлопнул себя по губам. — Лучше бы нам возвратиться домой.

— А ты помолчи, — неожиданно перебил его Хорь. — Чего глупости болтать? Ведь ты в морском походе!

— Ну и что из того? — огрызнулся Журавль.

— А то, что в морском походе не болтают! — прикрикнул на него Хорь. — Надо вести себя, как Робинзон Крузо и Христофор Колумб.

Довод показался Журавлю вполне убедительным.

Лодка продолжала идти к острову. Слева, над городом Калараш, из оранжевой тучи выплывало солнце, освещая воду зыбкими, извивающимися лучами. Казалось, весь городок пылает. Где-то далеко на Дунае плакал гудок речного парохода — пронзительно и бесконечно долго. Ветерок надувал парус, и ребята плыли еще с полчаса. Но странное дело: по мере того как они продвигались вперед, таинственный остров как будто уходил все дальше и дальше. Вдруг Хорь вскочил как ужаленный:

— Внимание! Пробоина! Лодка дала течь!

Ребята замерли. На сухом, просмоленном дне лодки змеилась струйка воды.

— Определите, где течь! Заделайте отверстие! — распорядился Матей.

Журавль и Негоица пригнулись и поползли на четвереньках вдоль ручейка, появившегося неожиданно в лодке. У ног Хоря ручеек кончался.

— Что за чертовщина, я не вижу никакой пробоины! — растерянно пробормотал Журавль.

В ту же секунду лодка качнулась. Струя воды, словно из шприца, брызнула вверх и обдала Журавля с ног до головы. Тотчас же раздался треск подгнившего дерева и вода с шумом хлынула в лодку. Будто повинуясь приказу, ребята попытались заткнуть брешь ладонями. Но вода, пенясь и бурля, просачивалась между пальцами, нещадно окатывая их.

— Матей, лодка наполняется водой! — заорал Журавль. — Я тебе говорил, что она вся прогнила. Мы идем ко дну!

Матей одним прыжком очутился рядом с ними, опустился на колени и прижал ладони поверх их рук, пытаясь остановить хлеставшую воду. Но тщетно. Вода все прибывала и прибывала. Матей осмотрелся в поисках спасения. Озеро

было пустынно. Далеко позади как тоненькая черная полоска едва виднелась на горизонте ивовая роща.

— Мы должны добраться до острова, ребята! — крикнул он, срывая с головы шапку. — Давайте выкачивать воду.

Мальчики взялись за работу. Они молча набирали воду в шапки и выливали ее за борт. Солнце поднялось высоко. Между тем подул сильный ветер и бескрайние просторы озера ослепительно засверкали. Мачта скрипела, стонала. Надутый ветром парус трещал, а лодка, которая все больше наполнялась водой, покачивалась с боку на бок на волнах, словно огромная утка. Стоя по колено в мутной, грязной воде, ребята трудились изо всех сил. Наконец они приблизились к незнакомому острову. Вот они уже перед ним, но в то же время почувствовали, что лодка, полная воды, постепенно погружается.

— Готовьтесь к высадке! — весело скомандовал Матей, отбрасывая в сторону шапчонку и вскакивая на ноги.

В ту же секунду произошло нечто невероятное. С оглушительным грохотом «остров» помчался по воде и, разорвавшись на тысячи серых осколков, взлетел в воздух.

— У-летает! Остров улетает! — завопил в отчаянии Негоица, высоко воздевая руки, словно пытаясь поймать его.

Остальные окаменели от изумления. Тысячи диких гусей с протяжными криками косяками взлетали над водой и огромными стаями поднимались к небу. Вскоре исчез весь «остров». Перед ребятами простирались только бескрайние, пустынные воды озера. Жалобно заскрипев, лодка легла на борт и стала быстро уходить под воду.

— Тонем! Прыгайте в воду! — крикнул Журавль, стягивая с себя куртку и отбрасывая ее в сторону.

Но странно. Вместо того чтобы полностью скрыться под водой или перевернуться, лодка неподвижно застыла на месте. Ребята переглянулись.

— Что за чудеса! — нарушил молчание Негоица, попеременно вытаскивая из воды то одну, то другую ногу, словно стараясь убедиться, что все это ему не снится. — Вот странное озеро! Острова удирают, а лодки, вместо того чтобы идти ко дну, торчат на поверхности! Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю!

Хорь повернулся к нему с презрительной улыбкой и в сердцах швырнул шапку в воду.

— Ну и экспедиция, курам на смех! Утонуть и то

не удается! Просто прогулка для дошкольников. Вы что, не видите: ведь мы на мели!

Матей выпрыгнул из лодки и сделал несколько шагов по воде, едва доходившей ему до колен. Когда он повернулся к своим друзьям, глаза его блестели от радости.

— Мы были правы! Бычок мог здесь свободно пройти по воде. Теперь я уверен, что мы его разыщем, ребята!

— Если он еще жив, — пробормотал Журавль, уныло выбираясь из неподвижной лодки. — А кроме того, до конца озера еще добрых восемь километров. Если идти по воде, то нам придется тащиться целый день. До самого вечера. Мне лично все это здорово надоело! Я ухожу домой.

Хорь, вымокший с головы до ног, тоже вскочил на ноги, выбрался из лодки и подошел вплотную к Журавлю, не сводя с него угрожающего взгляда.

— А что будет с заданием, которое нам поручил отряд? Скажи, что?

— Мне до этого нет дела! Я ухожу домой.

— Значит, тебе наплевать на отряд? — заорал Хорь. — Отдай сейчас же красный галстук! Отдавай, слышишь?

Журавль прикрыл обеими руками свой красный галстук и закричал тоненьким голосом:

— Не отдам! По какому праву? Не ты мне его вручал.

— Пусть уходит! — хмуро вмешался Матей. — Он ответит за это перед всем отрядом.

Хорь отошел в сторону, окинув Журавля презрительным взглядом с головы до ног.

— Иди, иди, герой! Только помни: Христофор Колумб никогда бы так не поступил.

Натянув на голову насквозь промокшую шапку, Журавль двинулся назад, шлепая длинными, тонкими ногами по мутной воде.

— Пошли и мы! — предложил Матей и принялся тянуть за собой лодку.

Нащупывая дно, ребята упрямо двинулись вперед, а вверху жалобно кричали белые чайки, вспарывая крыльями голубое небо.

Встреча

Уже несколько часов ребята наугад брели по бесконечным просторам озера, с трудом волоча за собой полузатонувшую лодку. Ноги их то и дело погружались в вязкий ил, охватывавший лодыжки тугим кольцом. То один, то другой вдруг останавливался и, морщась от боли, со стоном приваливался к борту лодки. Илистое дно озера было утыкано семенами водяных лилий с длинными острыми колючками. Эти проклятые семена безжалостно кололи пятки, раздирали кожу, царапали колени, ядовито кусались.

Превозмогая боль, скрежеща зубами, мальчики молча продвигались по озеру. В лодке, наполненной грязной, коричневой пеной, плавали вещевые мешки, щепки и опавшие листья. Вокруг только вода и вода. День быстро шел на убыль. Низкое ноябрьское солнце, холодное и бледное, опускалось к темным придунайским холмам.

В сумеречной игре света ребятам то и дело чудилось, что перед ними из воды вырастал белый как мел остров, деревья на нем были будто изваяны изо льда, ветки казались прозрачными, а в воздухе застыли снежные аисты с широко

распахнутыми крыльями. Но как только ребята подходили ближе, туманная дымка рассеивалась, снежный остров таял на глазах, деревья медленно погружались в воду, аисты падали с неба, точно подстреленные, и перед ними оставалась только туманная дымка, из-за которой неслись крики диких гусей.

Вдруг Негоица со стоном упал на колени, лицо его исказилось от боли. Он вытащил из пятки длинную острую колючку.

— Не могу я больше, ребята! — пожаловался он, и глаза его налились слезами. — Я пойду домой, нет у меня больше сил.

Матей обошел лодку и, подойдя к Негоице, хмуро сказал:

— Значит, и ты хочешь уйти? Ну что ж, уходи!

Негоица сперва не ответил. Его подбородок слегка дрожал, а в глазах разгорался странный огонек.

— Уже скоро ночь, — наконец сбивчиво залепетал он, осматриваясь. — Мы здесь замерзнем и простудимся… Замерзнем, понимаешь, Матей?

Матей посмотрел на Хоря и, вытерев мокрым подолом рубашки лицо, бросил взгляд на далекие холмы. Заросшие лесом и скупо освещенные заходящим солнцем, они казались укутаны сире-

невой дымкой. Белые пушистые облака медленно плыли по небу, превращаясь в розовые клубки с тонкими золотыми ободками. Вдруг лес будто запылал, преображаясь в раскаленную, багрово-красную печь. Белый круг солнца, опускаясь, казалось, раскалялся, рос и, наконец, превратился в пурпурный, пламенеющий шар, дымящийся над озером.

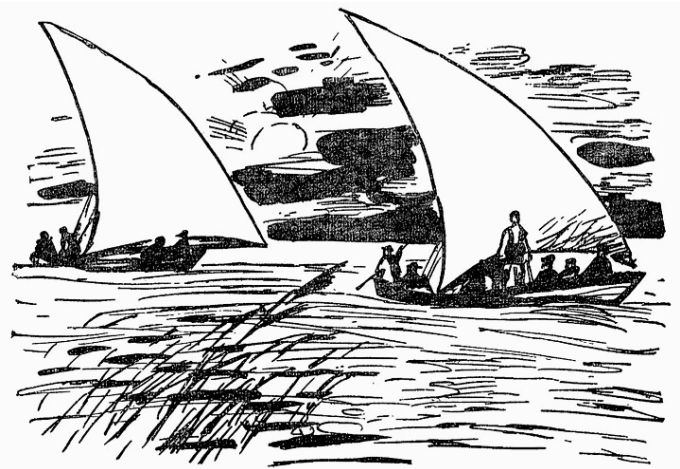
— Спустить флаг! Мы возвращаемся домой! — печально сказал Матей, поворачиваясь к ребятам и взглянув на красный галстук, развевающийся на вершине мачты.

Хорь понуро влез в лодку и протянул руку к галстуку, но тут же, указывая куда-то вдаль, закричал:

— Глядите, глядите, ребята!

Матей и Негоица быстро повернулись. Далеко на свинцовых водах, испещренных кровавым отблеском солнца, появилось несколько шлюпок; они быстро приближались. Шлюпки с туго надутыми парусами на стройных мачтах перелетали через волны легко и стремительно, как стрижи. Их острые носы глубоко врезались в воду, на мгновение исчезали, но сразу же вновь появлялись на поверхности, взметая каскады вспененной воды. Вскоре они подошли совсем

близко. Ребята увидели, что в них сидят рыбаки в черных прорезиненных плащах.



В первой шлюпке, опираясь на мачту, стоял высокий, широкоплечий мужчина. В одной рубахе, с закатанными рукавами, он словно не замечал холодного северного ветра и что-то рассказывал рыбакам, громко смеясь и поглаживая голую, волосатую, как у медведя, грудь. Увидев ребят, уныло стоявших возле своей затопленной лодки, он поднес ладони рупором ко рту и трубным, оглушительным голосом закричал:

— Эй вы, там!.. Что с вами случилось, кто вы?

— Мы — пионеры из Ра́сы! — живо отозвался Матей, пытаясь говорить так же громко, но голос его прозвучал нелепо и визгливо.

— А что вы делаете здесь, на озере? — спросил рыбак.

— Мы ищем бычка.

— Какого бычка?

— Бычка с нашей фермы!

Мужчина, опиравшийся о мачту, нагнулся к рыбакам, что-то сказал им и затем снова поднес ладони ко рту и насмешливо крикнул:

— Эй вы, слушайте!.. Быки на воде не пасутся! Вы, наверно, пожаловали сюда за рыбой из наших сетей! Ха-ха-ха! А теперь сели в лужу, воришки несчастные! Посмотрим, как вы отсюда выберетесь!

Рыбаки в шлюпках весело хохотали, шутливо грозили кулаками.

— Ну, признавайтесь, что вы сюда приплыли за рыбой, и мы вас вытащим из соленой лужи, — продолжал рыбак. — Если останетесь на озере до утра, то ваша шкура не будет стоить и двух грошей. Признаетесь?

Стоя в воде по пояс и дрожа от холодного вечернего ветра, Матей стиснул кулаки и твердо ответил:

— Ладно, дяденьки, идите своей дорогой. Мы — пионеры и ни у кого не просим подаяния. Мы пришли сюда по важному делу. Вы все шутите. А вот нам вовсе не весело! — заключил он и тут же сказал своим товарищам: — Повернем лодку!

Рыбак удивленно посмотрел на них, негромко присвистнул и поднял руку, подавая знак остальным придержать шлюпки. Он легко спрыгнул в воду и решительно зашагал прямо к ребятам в своих огромных резиновых сапогах, доходивших ему до бедер.

— А ну погодите, погодите, ребятки!

Мальчики остановились.

— Давайте познакомимся, — предложил рыбак, протягивая руку Матею. — Я Софро́ние — бригадир рыболовецкой бригады здесь, на озере Калараш. Вы, ребята, уж не обижайтесь на нас, но кто вы такие?

— Меня зовут Матей, — сказал мальчик, пожимая протянутую руку, и, показав на Хоря и Негоицу, не без гордости добавил: — Командир экипажа.

— А что у вас случилось? Почему лодка набрала воду?

— Пробоина по левому борту, бригадир, — объяснил Матей. — Видите ли, отказались работать

насосы.

— Вижу-вижу… И куда же вы все направляетесь, капитан? — улыбаясь, осведомился Софроние, подтягивая повыше сапоги.

— К тому берегу. Нас послал наш пионерский отряд в поисковую экспедицию. Мы ищем Митику.

— Какого еще Митику?

— Бычка с нашей фермы.

— Вот оно что! А я только сейчас заметил, что вы ходите под пионерским флагом, — улыбнулся Софроние, бросив лукавый взгляд на красный галстук, гордо развевавшийся на ветру. — Но все-таки ты должен признать, капитан, что вы здорово сели в лужу! Мы идем в том же направлении, так что, если хотите, можем вас взять на буксир.

И они вчетвером направились к рыбацким шлюпкам.

— Ребята! — гаркнул Софроние, подняв Матея как перышко и показывая его рыбакам. — Познакомьтесь с капитаном пионерского судна Матеем и его экипажем. Выдайте им по телогрейке и укутайте в одеяла этих отважных моряков, а то у них зубы стучат, как пулеметы.

Весело смеясь, рыбаки втащили ребят в шлюп-

ки, натянули на них телогрейки и укутали в одеяла и плащи. Софроние закрепил лодку пионеров канатом и, снова взобравшись в свою шлюпку, так запрокинул голову, что на его шее синими змеями вздулись вены. Вцепившись огромной ладонью в мачту, он оглушительно крикнул рыбакам:

— Эй вы, черти дунайские, дьяволы оголтелые! Закрепите паруса! Покажите капитану, на что вы годитесь! За весла, сонные окуни! Шевелитесь, а то придется здесь заночевать.

Весело переговариваясь, рыбаки закрепили паруса и, подняв весла, быстро приладили деревянные колышки и уключины.

Паруса со свистом вздулись, весла врезались в воду и заскрипели в уключинах, словно откусывая борта, мачты скрежетали, веревки натянулись, и полотнища парусов угрожающе затрещали. Шлюпки буравили вспененные волны, то зарываясь носами в воду, то вздымая их к небу и разбрызгивая вокруг белую, густую пену. Холодные брызги летели прямо в шлюпки, обдавая резиновые плащи рыбаков. То и дело высокие волны перехлестывали через борта и окатывали всех с ног до головы. Порою эти волны валили шлюпки на бок. У ребят перехватывало дыхание,

они боялись пошевельнуться.

Быстрее, дьяволы оголтелые! Быстрее, сонные окуни! — как ни в чем не бывало орал Софроние, вцепившись в мачту.

Шлюпки стремительно неслись вперед.

Через час ребята заметили на горизонте полоску земли, казавшуюся заброшенной и пустынной. По мере того как они приближались, полоска как будто сужалась посередине — там начинался большой омут, окаймленный по краям камышом. Место это называлось «Хвост озера».

Сделав широкий круг и пройдя мимо островков, поросших сухим кустарником, шлюпки помчались на парусах к узкому водному проходу, рассекавшему пополам высокий пригорок. Справа виднелась камышовая крыша землянки. Перед землянкой на острых колышках висел большой зеленоватый невод с пробковыми поплавками.

В полной тишине шлюпки плавно скользили по воде, сквозь хрустальную толщу которой видны были большие и неуклюжие карпы, казавшиеся черными камнями. Они лениво шевелили хвостами и оттопыривали кроваво-красные жабры, но вдруг, испугавшись лодок, рывком уходили вглубь, как будто ввинчиваясь в воду и исчезали с молниеносной быстротой, оставляя за

собой мутные полосы.

На одной из излучин в круглом, как огромный котел, омуте двигалась вереница никогда ранее не виданных ребятами машин с большими железными клювами. Установленные на поплавки из красной жести, машины ритмично, словно молотки, колотили по воде. Они продвигались вперед сплошным фронтом, как солдаты, и производили оглушительный шум. Следом за ними в черных длинных лодках плыли несколько десятков рыбаков; они вытаскивали из воды невод, громко перекликались и изо всех сил колотили по бортам лодок короткими веслами. Из зарослей водяных лилий, разрывая желтую листву, взвивались в воздух тысячи карпов. Рыбаки подняли весла, и лодки скользнули в участок, огороженный неводом. Ребята, окаменев, смотрели, как сотни карпов выскакивают из воды; вокруг вспыхивали мерцающие разноцветные огоньки — зеленые, оранжевые, синие, ослепительно сверкавшие в холодном свете заката.

— Посмотрите, ребята! — воскликнул Софроние. — Уже две недели, как мы загоняем карпов в эту ловушку. Теперь они в загоне, а завтра мы их, голубчиков, вытащим! — сказал он, блестя глазами и хлопнув Матея по спине.

— А если невод разорвется? — волнуясь, спросил Негоица.

— Если разорвется хоть одна ячея, все погибнет. Уйдет вся рыба до последней.

Шлюпки проплыли мимо странных машин и направились к песчаному пустынному берегу, на котором виднелась хижина с большим камышовым навесом. Перед навесом, под большим котлом горел веселый костер, в котле что-то клокотало и густо дымилось. Старый седой рыбак с худощавым лицом чистил огромным ножом картошку. Очищал он ее как-то странно — волчком вертел картофелину между пальцев, и от нее тонкими завитками отлетали очистки. Потом какую-то долю секунды взвешивал картофелину на ладони и, не поворачивая головы, бросал за спину. Описав дугу в воздухе, картофелина шлепалась прямо в котел, в середину клокотавшего варева.

— Это повар Михáй, царь всех рыбаков, — весело объяснил Софроние, указывая на него ребятам. — У нашего повара картошка варится сама, утки сами садятся на вертел, карпы самолично поджариваются на углях, и только вино он сам вливает… в собственную глотку.

Рыбаки остановили шлюпки в нескольких шагах от берега, привязав их к кольям, и, взвалив на

спину узлы и канистры с питьевой водой, зашагали к хижине. Вытирая руки белым передником, им навстречу, лукаво подмигивая, вышел чуть подвыпивший повар.

— Как с обедом, ваше величество? — налетел на него Софроние. — Мы голодны, как волки! Уха готова? Вот и гости тоже проголодались. Это капитан Матей и его экипаж. Они пустились в путь на поиски бычка.

— Бычка? — переспросил повар, словно что-то припоминая. — Кажись, Вике́нтие позавчера видел какого-то бычка, когда охотился на Гусином острове. Он должен вот-вот подойти на своей лодке и тогда сам расскажет. А уха сейчас будет готова, начальник! Я пока пойду на базар, куплю рыбки.

— Захвати с собой и этих ребят, им понравится наш базар, — улыбаясь, предложил Софроние. — А мы пока починим их лодку, чтобы они могли завтра с утра продолжить свои поиски.

Повар вооружился длинным тонким шестом и, подав знак ребятам следовать за ним, направился к воде. Там он отвязал легкую лодчонку и махнул ребятам, предлагая влезть в нее. Когда они устроились, он оттолкнулся шестом от песчаного берега и погнал лодку вперед.

— У вас здесь рыбный базар? — удивился Хорь, жадно принюхиваясь своим длинным тонким носом.

— А как же, — добродушно и таинственно улыбнулся «царь рыбаков», указывая рукой на густые камыши. — Во-он там мы покупаем карпов и сазанов, каких только душа пожелает, — любого сорта, любой величины.

Хорь искоса и многозначительно посмотрел на Матея и Негоицу, словно хотел сказать им: «Внимание, братцы, он потешается над нами».

— Так вот, ежели решил, какое блюдо сготовить, — продолжал повар с той же лукавой улыбкой, — ну, к примеру, уху, приходишь в лавку и просишь: «Эй, хозяин камыш, отвали-ка мне карпа килограммов на пять»... — «Пожалуйста, — отвечает камыш, — бери отсюда... А может быть, тебе нужен сазан килограмма на два, чтобы зажарить на вертеле?.. А может, тебе вовсе рыбная мелочь нужна? Вон там, за тем камышом, ее сколько хочешь!» — «А что с меня причитается, хозяин?» — «Только немного смекалки, дружище».

На воду опустились сумерки. Повар остановил лодку, раздвинул камыши, втолкнул лодку вглубь и засучил рукава рубахи.

— Ну, а теперь, ребята, — добавил он, перегибаясь через борт, — возьмем несколько карпов для ухи. Какие, значит, нам нужны, капитан? Килограммов на пять? Ладно, на пять так на пять!

Он сунул руку глубоко в воду и минуту-другую сидел так, согнувшись, ворча сквозь зубы:

— Да не ты, чертушка, не ты! Ну, чего ты лезешь, худоба? Отодвинься, щепка несчастная. Где твой дед? Его я ищу! Он-то мне и нужен! Где ты там, рыжий? Ага, вот где ты спасаешься!.. Чего ж молчишь? Прячешься, что ли?

Ребята увидели, что повар пригнулся еще ниже. И в следующее мгновение, беспомощно раздувая красные жабры, к их ногам шлепнулся огромный карп.

А повар снова нагнулся, что-то торопливо выискивая на дне и продолжая ворчать:

— Брысь отсюда! А ты куда лезешь, чертова плотва? Что с тебя взять? Кожа да кости. Ага! А это кто еще? Тебя-то я и искал. Ну поди сюда, дурачина.

Серебристый, в полоску судак взлетел высоко в воздух, угодив Негоице в грудь, и упал, свернувшись колесом. Вслед за ним один за другим в лодку полетели разномастные карпы и сазаны: они прыгали, ударялись о борта, о дно, судорожно

размахивали хвостами и вроде даже испуганно попискивали, точно мышата. А повар все продолжал бубнить:

— Убирайся отсюда, фитюлька! Не дорос ты до такой чести, чтобы я тебя ел… А ты, толстяк, чего хочешь? Что скажешь хорошего? Поди поближе, сюда. Вот так!.. Что мне от тебя надобно? Подойди, подойди поближе, я тебе на ушко что-то скажу… Очень ты будешь вкусным на вертеле, поросеночек. Понятно? Ну, давай, давай, сюда, наверх!

Ребята уже не могли различить карпа, с которым толковал повар, только услышали, как тот шлепнулся в лодку. Ранняя ноябрьская ночь окутала тьмою все вокруг, усеяв небо холодными, блестящими звездами.

Тревога

В камышовой хижине было тихо. Рыбаки, завернувшись в одеяла, спали глубоким сном. Над ними, сквозь дыры в крыше, сияли большие яркие звезды. Посреди хижины еще догорал огонь, отбрасывая неверные блики на спящих. В хижине стоял тяжелый запах жареной рыбы. Уставшие люди спали как убитые, храпели, бормотали во сне что-то невнятное и изредка переворачивались с боку на бок.

Не спали только ребята. Вытянувшись на спине, заложив руки за голову, они не сводили глаз с потолка, вглядываясь в звездное небо и прислушиваясь к крикам диких гусей. С озера то и дело доносились глухие удары. Это бил веслом по дереву повар Михай, который стерег невод. Прежде чем лечь спать, Софроние заделал все пробоины в лодке мальчиков и как следует просмолил дно. Теперь наши путешественники с нетерпением ожидали рассвета, чтобы поплыть дальше, к Гусиному острову. Викентие, худой и длинный как жердь рыбак, рассказывал им, что несколько дней назад, охотясь на острове, он видел в кустарнике рыжего бычка. Огрызком

карандаша он нарисовал ребятам на клочке бумаги извилистую дорогу, которая через лабиринт островков и небольших заливов вела к острову.

Казалось, ночь никогда не кончится.

Вдруг в глубокой тишине где-то далеко послышался глухой удар и жалобный, словно предсмертный стон. И сразу же раздался какой-то оглушительный грохот. Все это длилось не больше секунды, потом снова воцарилась мертвая тишина. Молчание ночи нарушали только монотонные и ритмичные удары весла повара.

— Слыхал, Матей? — спросил спустя некоторое время Хорь, поворачиваясь к другу. — Вроде кто-то крикнул…

Матей отбросил одеяло и приподнялся.

— Да, мне тоже показалось. А грохот разве ты не слыхал?

— Грохот? Я тоже его слышал, — шепотом вмешался Негоица. — Кто-то застонал, будто перед смертью, и что-то упало.

— А может, нам почудилось? — засомневался Хорь. — Слышите, как постукивает повар? Если бы что-нибудь случилось, он бы забил тревогу. Может, это какой-нибудь зверь.

— Никакой это не зверь! — твердо заявил Негоица.

— А может, выдра? — предположил Хорь и снова улегся на спину, натянув на себя одеяло.

— Выдумал тоже! Выдры немые, как рыбы, — заупрямился Негоица, со страхом вглядываясь в дверной проем хижины, который зиял, как черная пасть. Я уверен, что это кричал человек.

— А что же делает сторож? — недоумевал Матей, продолжая напряженно вслушиваться. — Как это он ничего не заметил? Слышите, он преспокойно колотит веслом?

— Верно, колотит, — согласился Негоица, — но как-то иначе. Это уже колотит не повар. Да прислушайтесь…

Ребята притихли.

— Правда, это не повар, — подтвердил Матей.

Что же делать? — испуганно спросил Хорь.

— Разбудим бригадира, — предложил Матей, кинув взгляд в ту сторону, где спал Софроние.

— А если все это нам почудилось, он задаст нам головомойку, — испуганно прошептал Хорь.

Но Матей уже не слушал его. Он прополз между спящими рыбаками к Софроние и сильно встряхнул его. Бригадир вздрогнул и удивленно вытаращил сонные глаза.

— Что случилось, жеребеночек, разве уже утро?

— Кажется, кто-то напал на дядюшку Михая, — шепнул ему Матей на ухо.

Софроние на миг замер, но тут же отшвырнул одеяло и вскочил как ужаленный. В течение нескольких секунд он прислушивался к ударам весла, потом вздрогнул, пнул ногой пустой котел, который с грохотом покатился с треножника, и оглушительно заорал:

— Вставайте, дьяволы! Браконьеры напали на Михая! К лодкам! Быстро! Зажигайте фонари! Если они порвали невод, уйдет к чертям весь улов!

Полураздетые, еще не совсем проснувшиеся, рыбаки вскочили на ноги и выбежали из хижины, срывая с балки фонари, хватая на бегу горящие головни. Шлепая босыми ногами по ледяной воде, они бросились к озеру.

Оттолкнув шлюпки от берега, рыбаки вскочили в них и, схватив весла, вихрем понеслись к неводу. В свете факелов и горящих фонарей большие черные шлюпки, летящие в диком шуме, казались грозными и страшными. Ребята мчались за ними вдоль берега, продираясь сквозь кусты, подминая камыш и осоку, скользя в илистых лужах; они еле переводили дух, но изо всех сил вопили:

— Держите их! Держите!

Вдруг в неверном, мерцающем свете звезд

мальчики различили черную тонкую тень, мчащуюся стрелой к камышам. Лодка браконьеров. Они убегали. Однако большие, мощные шлюпки рыбаков настигали их. Из черной лодки внезапно сверкнула молния, за ней другая; прорезая ночную тьму, они тут же гасли в густом, как сера, дыму. Загремели выстрелы, отдаваясь продолжительным эхом в бескрайних водных просторах. Но шлюпки мчались вперед. Грохот нового выстрела разорвал мрак, и ребята увидели, как один из фонарей, пораженный пулей, разлетелся вдребезги и упал в воду. В ту же секунду легкая лодка скрылась, как тень, в камышах. Браконьеры удрали. Большие шлюпки рыбаков не могли преследовать их в зарослях. Они повернули к лодке повара, которая качалась на волнах посреди омута. Михай с окровавленной головой лежал лицом вниз на дне лодки и глухо стонал.

— Бандиты… прорвали невод… вон там… Торопитесь, уйдет вся рыба, — прерывисто прохрипел он и рухнул на руки рыбаков.

Воры

На озеро снова опустилась ночь. Огромная луна всходила где-то далеко над ивовой рощей и освещала багровым светом высокие берега Дуная. Крупные звезды отражались в воде. Оттуда то и дело выскакивали рыбы, и на поверхности озера появлялись золотистые круги.

Ребята, покинув рыбаков, плыли в темноте по направлению к Гусиному острову. Изредка они слышали гоготание диких гусей, которые большими стаями пролетали над ними.

— Остров! — вдруг закричал Хорь, опуская весла и указывая на внезапно выросший перед ними высокий пустынный холм, окруженный завесой камыша. Радостно визжа, ребята выскочили из лодки и побежали по мелководью к острову. Очутившись на берегу, они остановились. Тихий остров казался совсем пустынным. Только кое-где, поблескивая в холодном свете луны, виднелись плакучие ивы.

— Знаете, — сказал Хорь, старательно отжимая воду из мокрых штанин, — кажется, будто мы попали на «Остров пиратов»! Страшно что-то!

— Ты думаешь, здесь кто-нибудь есть? — шепо-

том спросил Негоица, тревожно оглядываясь и дуя в ладони. — Может, разложим костер?

— Нам нечем его разжечь, — с сожалением вздохнул Матей, внимательно осматриваясь. — Тихо, послушайте! Вы ничего не слышите?

— А что мне слышать? — негромко спросил Хорь, поворачиваясь лицом к озеру. — Постой, вроде какой-то всплеск.

— Подходит лодка, — взволнованно шепнул Матей.

— Может, это рыбаки из Мирча-Вода, — сказал Негоица и поднес было ладони ко рту, собираясь окликнуть людей в лодке.

— Тише! А вдруг это не рыбаки, — жестом остановил его Матей. — У рыбаков на лодке всегда горит фонарь… Лучше нам спрятаться.

Пригнувшись, ребята тихо скользнули вдоль песчаного берега и притаились за толстым стволом поваленной ивы. Выглядывая из-за ее торчащих корней, мальчики увидели, что к ним медленно приближается черное, как сажа, пятно. Теперь они отчетливо слышали ритмичные удары весел и поскрипывание уключин. Вдруг луна отразилась в воде, как разлившийся яичный желток, и ребята на мгновение увидели длинную остроносую лодку. Скрежеща по камням, лодка

уткнулась в берег и остановилась. Ребятам даже показалось, что плывшая по воде луна бросилась за лодкой, как огромный багровый осьминог, раскачиваясь, обвила ее щупальцами, но тут же обессиленно опустилась на дно.

Из лодки вылезли двое мужчин. Их тени четко вырисовывались на песке.

— Эй, Камыш, — сказал один из них, — я думаю, спрятать лодку в тростниках, а то как бы на нее не наткнулись «пеликаны» из ночного патруля.

— «Пеликаны» убрались в Калараш, Бородач, — тоненько пискнул в ответ второй. — Они потеряли наш след.

— Завтра снова начнут нас искать, — опять заговорил долговязый, шаря в лодке. — Послушай, ты куда дел ружье?

— Оно там, на дне, под циновкой, — ответил тот, кого Бородач назвал Камышом, и, отчаянно закашлявшись, принялся колотить себя кулаком в грудь. — Совсем отравила меня махорка.

Ребята услышали шелест циновки, и в лунном свете блеснуло дуло ружья.

— Нашел, Бородач? — спросил Камыш, пытаясь перевести дух. — Ты там поосторожней, а то оно заряжено.

В тишине ночи лязгнул ружейный затвор. Ребя-

та, притаившиеся за деревом, теснее прижались к земле.

Бородач вскинул ружье на правое плечо и, нагнувшись над лодкой, раздраженно спросил:

— А с этим что делать будем? Здесь заколем или потащим живым?

— Не знаю, пусть атаман решит, — ответил Камыш. — Развяжи ему ноги и вытащи из лодки.

— Ну, чисто черт! — усмехнулся Бородач. — Такую проклятую скотину в жизни не видывал.

— А ты затяни ему потуже веревку на рогах, — посоветовал Камыш, выворачивая наизнанку карманы и бережно вытряхивая на ладонь крошки табака. — Слышь, у тебя нет газетки на закрутку?

— Да брось ты свои цигарки, — пробормотал долговязый, возясь с веревкой. — И так весь закоптился, как дымовая труба. Лучше пойди сюда и помоги, а то он не дается, черт те что вытворяет!

Камыш подошел. Оба нагнулись над лодкой, пыхтя и отдуваясь, вытащили на берег что-то большое и тяжелое. Вдруг их ноша ожила, подпрыгнула и помчалась по песку, таща за собой длинную веревку. Но Камыш и Бородач вцепились в нее и отчаянно рванули. Бычок — это

был он — поднялся на дыбы, замычал, перекувырнулся через голову, поднялся и принялся метаться вокруг воров, взбрыкивая, как дикий козел, перепрыгивая через лодку и обдавая их дождем брызг.

— Держи, держи его! — орал Бородач.

Внезапно бычок повернулся, низко пригнул голову, подлетел к бандитам, молниеносным ударом сшиб их с ног и поволок за собой на веревке по песку. Однако воры были слишком тяжелы для него. Через несколько шагов бычок остановился, засопел и упал на колени; голова его запрокинулась, и глаза чуть не вылезли из орбит. С его розовых губ на песок капала белая пена.

— Глядите! Это наш Митика! — сдавленно шепнул Матей, вцепившись в руку Хоря. — Они поймали его и тащат на убой.

Голова Негоицы протиснулась между ними:

— Кто они такие, Матей?

Хорь подпрыгнул, зажал ему рот ладонью и шепнул:

— Да потише ты, это браконьеры… Те самые, что ранили повара.

Между тем браконьеры, лежа на песке и вцепившись в веревку, казалось, прислушивались к тишине.

— Сдается мне, тут кто-то есть. — Нарушил молчание длинный. — Побей меня бог! Вроде кто-то разговаривает там вон, за деревом…

У ребят душа ушла в пятки.

— Где? За той гнилушкой? — удивился коротышка. — Нет, я ничего не слыхал. Гляди-ка, не водка ли ударила тебе в голову.

— А я говорю тебе, что слышал, как ребячий голос спросил: «Кто они такие, Матей?» — упрямился Бородач. Он выпустил веревку и схватил валявшееся на земле ружье. — Во-он там, за той ивой!

— Да брось ты! Чего здесь делать ребятам?

— Будь я проклят, коли за деревом кто-то не прячется! — настаивал Бородач. Он почти вплотную подошел к мальчикам и медленно нагнулся над ними. — Кто здесь есть, а ну, признавайся!

Затаив дыхание, ребята не сводили глаз с длинной тени Бородача, с его большой, продолговатой, как дыня, головы. Осторожно отодвинув в сторону гнилые корневища, Бородач стал одной ногой на ствол, готовясь перескочить через него. Но тут неожиданно пришло спасение. Бычок сделал отчаянный прыжок, снова сбил с ног Камыша и попытался удрать. Извиваясь на мокром песке, но не выпуская из рук веревки, Камыш с большим

трудом удержал бычка, не переставая осыпать Бородача градом ругательств. Отскочив от дерева, Бородач бросился на выручку и помог Камышу подняться на ноги. Таща бычка за собой и отчаянно ругаясь, оба направились к зарослям камыша.

— А я тебе говорю, что там, за ивой, кто-то есть, — упорно настаивал Бородач, не обращая внимания на ругань товарища.

— Тебе уже голоса мерещатся? — насмехался тот, кашляя и задыхаясь. — Чуть было не упустили бычка. Потеряли бы тысячу лей? Потеряли! Да тяни сильнее за веревку, болван!

Ребята не смели шелохнуться. Затаив дыхание, они прислушивались, как воры удаляются с бычком, раздвигая и ломая тростник. Спустя некоторое время и голоса их и треск ломающегося камыша затихли, и снова воцарилась тяжелая, гнетущая тишина.

Мальчики, притаившись за стволом, лежали неподвижно.

— Бежим, братцы! — шепнул наконец Хорь, поднимаясь. — Они обязательно вернутся сюда, и, если наткнутся на нас, худо будет.

— Хорь прав, — пролепетал дрожащим голосом Негоица. — Видали, какое у него ружье?

— У них и лодка есть, — все еще шепотом про-

должал Хорь. — Видите… Они оставили здесь весла.

Подтянутая к самому берегу лодка воров, по-видимому, совсем недавно просмоленная, лоснилась в свете луны. Одно из весел, похожее на длинную тонкую руку, покачивалось на волнах, словно искало чего-то.

— А как же с Митикой? — спросил Матей. — Вы ведь слыхали, они хотят его заколоть!

— Да, — вздохнул Хорь. — Бычка покидать нельзя.

— А что, если они заколют всех нас? — захныкал Негоица. — Вы же видели, какие зеленые глаза у того бандита, будто у кошки.

Мальчиков пробрала дрожь. Они замолчали. В тишине несколько раз прозвучал крик совы, похожий на плач испуганного ребенка.

— Что ж делать? — спросил все так же тихо Хорь, опасливо вглядываясь в темноту. — Тс-с!.. Кажется, кто-то идет.

— Нет, никто не идет, это ветер, — шепнул Матей. — Знаете что? Мы должны разыскать бычка и увести его.

— Значит, идти по следам воров? — испуганно спросил Негоица.

— Да. Мы спрячем их лодку, выкрадем Митику

и убежим, — продолжал Матей. — Что вы на это скажете?

— Пошли! — согласился Хорь. — Не оставлять же его в беде!

Негоица глубоко вздохнул, но промолчал.

Ребята спрятали в тростниках лодку браконьеров и осторожно пошли по их следам, пробираясь по широкой тропе, проложенной бычком в камышах. Вокруг была полная тишина, только раз они услышали какой-то всплеск и замерли. Но тревога оказалась ложной — это прыгнула большая зеленая лягушка. Вскоре им преградил путь притаившийся в камышах водоем; поверхность его была испещрена отражением звезд и водяных лилий. Около получаса ребята, крепко держась за руки, скользя и оступаясь в вязком иле, с трудом продвигались в холодной, как лед, воде. Вдруг Хорь остановился как вкопанный и поднял голову, будто принюхиваясь.

— Хорь чует опасность, — предупредил Негоица Матея, стиснув ему руку.

Но Хорь молчал, неподвижно всматриваясь в гущу тростников.

— На той стороне кто-то есть, ребята! — шепнул он через минуту. — Я слышу голоса.

— Если уж Хорь что-нибудь слышит или чует,

значит, так оно и есть, — убежденно сказал Негоица, невольно отступая на шаг.

— Я пойду в разведку, — предложил Матей, — а вы останетесь на месте и будете прикрывать меня.

Словно повинуясь приказу, Хорь и Негоица вытащили рогатки, опустились на одно колено и приготовились к стрельбе. Согнувшись, как кошка, Матей бесшумно прокрался вперед и вскоре исчез. Прошло несколько минут. Держа наготове рогатки, Хорь и Негоица ждали, застыв в неподвижности. Вдруг в камышах заквакала лягушка, а потом несколько раз быстро и скрипуче закричала лысуха.

— Пошли, это Матей нас зовет, — шепнул Хорь. Сунув рогатку за пазуху, он начал пробираться вперед.

Они залезли в гущу камыша.

— Эй, Матей, где ты? — негромко позвал Негоица, осторожно раздвигая камыш.

— Тише! Здесь я, — услышали они приглушенный голос друга.

Он лежал за кустами бузины, и ребята проворно опустились на землю рядом с ним.

— Смотрите, смотрите! — возбужденно прошептал Матей и протянул руку вперед.

Хорь и Негоица взглянули и замерли. Шагах в тридцати от них, около хижины, крытой камышом, под горящим фонарем, пристроенным на столбике, сидели оба вора. Рядом с ними, привязанный толстой веревкой к колу, с низко опущенной головой стоял бычок, будто прислушиваясь к тому, что они говорят.

— Чего нам ждать атамана! Забьем — и делу конец! — сказал Бородач, отхлебнув из бутылки глоток водки. Его единственный зрячий глаз блестел. — Слушай, Камыш. Ты что хочешь, чтобы нас заарканили и посадили в кутузку?

— Да ты, видать, совсем пьян. Мало тебе краденой рыбы? Оставь бычка в покое! Я его спас от волка, стало быть, он мой.

Бородач неожиданно поднял ружье и, направив его на сообщника, прошипел:

— Твой, говоришь? А ну дай сюда нож, и тогда увидим, твой этот бычок или нет. Давай нож быстрее, слышишь!

Несколько секунд они стояли, злобно уставившись друг на друга. Единственный глаз Бородача, зеленый и мутный, напоминал глаз гадюки.

Камыш побелел, как бумага, нагнулся, вытащил из-за голенища сапога длинный нож и швырнул к ногам долговязого.

— Бери и ступай к чертям!

Бородач отложил ружье, поднял нож, послюнявил большой палец и, ухмыляясь, медленно провел им по всему лезвию, поглядывая при этом на бычка. Бычок навострил уши и испуганно шарахнулся в сторону. Бородач вынул из котомки

продолговатый брусок и принялся точить нож, то и дело шумно поплевывая на блестящее стальное лезвие.

— Ой, он зарежет Митику! — в ужасе шепнул Негоица глухим, сдавленным голосом.

— Мы должны его спасти! Должны! — волнуясь, выдохнул Матей. — Через несколько минут будет поздно.

— А как? — жалобно спросил Негоица.

— Вот как, — быстро зашептал Матей. — Я подползу вплотную к бычку…

— Ну, а дальше?

— Вы пальнете из рогаток и погасите фонарь. А я перережу веревку и убегу с Митикой.

— Только бы попасть прямо в фонарь, — засомневался Негоица. — Ты как думаешь, Хорь, попадем?

Хорь зажмурил один глаз и слегка откинул голову, внимательно вглядываясь в фонарь.

— Мда…

Товарищи смотрели на него не дыша.

— Попадем, — наконец сказал он, поворачиваясь к Матею. — Я его расколю вдребезги. Но как ты проберешься сквозь эти колючки?

От того места, где остановились ребята, и до самой хижины простирались непроходимые

заросли чертополоха, густо ощетинившегося длинными, острыми шипами.

— Пройду! — твердо ответил Матей. — Снимите с себя галстуки и забинтуйте мне руки. Быстрее, ребята! Как только я прыгну к Митике, вы стреляйте в фонарь, — добавил он, ложась на землю. — Поняли?

— Поняли! — разом сказали Хорь и Негоица. Они залегли за кустами бузины и приготовили рогатки.

Матей рванулся вперед и на локтях пополз к хижине. Через несколько секунд он добрался до чертополоха и упрямо полз дальше, раздвигая забинтованными руками колючки. Но острые, коварные шипы, словно мстя мальчику, раздирали его куртку, кололи руки, кусали колени, царапали в кровь лицо.

«Я должен спасти Митику! Я должен его спасти! — повторял про себя Матей, стискивая от боли зубы, но продолжая ползти в гуще шипов. — Только бы Хорь попал сразу в фонарь! Только бы попал…»

Теперь он уже был недалеко от бычка. Сквозь чертополох шагах в пяти он увидел согнутую спину Бородача, точившего нож. Вдруг длинная колючка впилась ему в локоть до самой кости.

Матей прикусил губы от резкой боли и все же не смог сдержать приглушенный стон. Бородач вздрогнул, схватил ружье и молниеносно повернулся к чертополоху. Матей замер, затаив дыхание. Бородач возвышался теперь всего в трех шагах и смотрел прямо на него своим единственным зеленым глазом, который в дрожащем свете фонаря поблескивал, как бутылочное стекло.

— Эй, кто там? А ну вылазь из чертополоха! — гаркнул он, выпрямившись и взяв ружье на изготовку.

Матей почувствовал, что у него кровь стынет в жилах. Бородач ждал. Что делать? Вдруг вор поднял и направил ружье куда-то влево, закричав злобным голосом:

— Выходи, а то стрелять буду! Выходи сейчас же!

Только тут Матей понял, что вор не знает, где он. Ослепленный светом фонаря, Бородач видел вокруг себя лишь угрожающий круг мрака. Он сделал шаг вперед, будто намереваясь войти в чертополох, но, охваченный безотчетным страхом, отшвырнул ружье, схватил бутылку, поднес ее ко рту и жадно хлебнул водки.

Затем нагнулся, поднял нож и, спотыкаясь, пошел на бычка. Больше нельзя было терять ни

секунды. Матей выскочил из кустов и появился в кругу света, отбрасываемого фонарем.

— Ребята, пали!

Два белых камня, как злые осы, прожужжали и один за другим пронзили мрак. Первый попал прямо в стекло фонаря. Оно взорвалось градом осколков, выбросив вверх густо дымящее красное пламя. Второй камень угодил в фонарь сбоку, и тот слетел со столбика. Вращаясь в воздухе, он грохнулся на землю и покатился под ноги Бородачу. Хорь и Негоица попали в цель.

— «Пеликаны»! Милиция! — всполошился Бородач, кинулся наземь и торопливо пополз на четвереньках к ружью. — Стреляй в них, Камыш! Стреляй быстрее!

Воспользовавшись тем, что воры растерялись, Матей подскочил к бычку и, разом перерезав веревку, быстро шепнул ему на ухо:

— Это я, Матей. Беги, Митика! Беги, а то зарежут!

Бычок не заставил себя просить, и они помчались.

Хорь и Негоица ждали их у камышовой завесы. Не говоря ни слова, они присоединились к беглецам, и все четверо ворвались в камыши.

Промчась сломя голову сквозь заросли, ребята

и бычок выскочили на берег озера как раз в том месте, где была спрятана лодка воров. Но здесь они ошеломленно остановились. Лодка исчезла. На мягком, влажном песке еще виднелись следы чьих-то башмаков, подбитых гвоздями, и извилистый след лодки, которую столкнули в воду.

Несколько секунд мальчики стояли неподвижно, чутко прислушиваясь к окружающей тишине. Им показалось, что из гущи плакучих ив, сквозь ветви которых с трудом просеивался лунный свет, на них молча надвигается тень какого-то огромного чудища со взъерошенными волосами и раскосыми глазами, из которых вылетают синие языки пламени. Дрожа от страха, сгрудились они вокруг бычка, но потом убедились, что все это им только померещилось. Высоко над их головами угасали звезды, темное небо начинало светлеть на востоке и покрывалось розовой дымкой. Рассветало. На озере в сером предутреннем тумане вырисовывались черные островки, разрезая хрустальное зеркало воды.

В нескольких шагах от берега мальчики увидели свою лодку. Полузатопленная, она лежала на боку, а ее парус слабо трепетал на ветру, почти касаясь воды.

— Мешкать нельзя, ребята! — лихорадочно

прошептал Матей. — Бородач и Камыш вот-вот примчатся сюда. Вычерпаем воду из лодки и уйдем.

— Правильно, надо удирать как можно быстрее! — кивнул Негоица.

Друзья бросились в воду, вытащили на берег свою лодку и вылили из нее воду. Хорь оторвал зубами подол рубашки и заткнул щель в дне лодки, залепив ее комками смолы. Потом они подняли мачту, натянули парус и приладили весла.

— Давай, Митика, лезь сюда! — весело крикнули ребята бычку, подталкивая его к лодке.

Но бычок отчаянно сопротивлялся. Откинув хвост в сторону, он, упершись передними копытцами в землю, взмахнул перламутровыми рожками и помчался обратно к камышам, расшвыривая во все стороны песок. Ребята догнали его, но не могли втащить в лодку. Бычок по-прежнему упирался. Вдруг послышался треск камыша, а по болотистому берегу зашлепали чьи-то ноги. Воры, как видно, опомнились и бежали к озеру.

— Ну же, Митика, давай сюда, скорее лезь в лодку! — кричали ребята, изо всех сил толкая бычка к воде и с ужасом прислушиваясь к приближающимся шагам.

Но бычок словно взбесился. Как только его

подтягивали вплотную к лодке, он снова и снова упирался передними ногами, упрямо тряс головой и быстро отскакивал назад, мыча и увлекая за собой ребят. А воры были уж совсем близко. Ребята слышали не только треск тростника и всплески воды, но и их тяжелое дыхание, голоса, злобную ругань. Казалось, все погибло.

— Бежим! Они нас поймают! — в ужасе взвизгнул Негоица, отпуская веревку и одним махом вскакивая в лодку.

Хорь, пробормотав что-то невнятное, тоже отпустил веревку и последовал примеру товарища.

— Назад, трусы! — крикнул Матей, оставшись один и все еще таща к лодке бычка. — Хорь, снимай рубашку! Быстро! Завяжи Митике глаза!

Хорь остановился. Побледнев от страха, дрожащими руками он все-таки стащил с себя разорванную рубашку, бросился к бычку и накинул ее ему на голову.

— Давай, Митика! Лезь! — кричали Матей и Хорь, подталкивая бычка.

Митика испуганно мычал и отчаянно тряс головой, чтобы избавиться от повязки. Наконец с большим трудом его удалось втащить в лодку. И как раз вовремя. Ломая камыш и яростно ругаясь, воры бросились к лодке, которая уже отходила

от берега.

— Поймал! — торжествующе взревел Бородач, мчась огромными скачками по берегу.

Но лодка рванулась вперед. Руки Бородача беспомощно заколотили по воздуху, и он бултыхнулся в воду. Правда, он тут же вскочил на ноги и, чихая и отплевываясь, завопил истошным голосом:

— Держи их, Камыш! Не выпускай бычка! Держи их! Хватай!

Скрежеща зубами, Бородач бежал за лодкой по илистому дну озера, потом кинулся в воду и поплыл, ругаясь, громко фыркая и грудью рассекая волны.

Ребята его просто не слушали. Они гребли изо всех сил. Расстояние между ними и Бородачом быстро росло.

Небо совсем посветлело, а звезды погасли. Лишь кое-где между облаками мерцала запоздавшая звездочка.

— Ой, смотрите! — закричал вдруг Хорь, бросая весла и указывая рукой на купу ив на берегу острова. Мальчики поспешно оглянулись. Черная, узкая и длинная, как щука, лодка воров вырвалась на водный простор.

— Это их вожак. Они нас догонят! — крикнул

Матей, с отчаянием глядя на парус своей лодки, беспомощно повисший в неподвижном утреннем воздухе. — За весла, ребята! За весла!

Столкнув бычка на самое дно лодки, ребята убрали парус и, продев в уключины запасные весла, бросились по местам.

В лодке воров молниеносно замелькали две пары белых весел. На мгновение показалось, что лодка застыла на месте, но тут же она полетела вперед как стрела. Началась бешеная гонка.

— Догоняют! — крикнул Хорь, не сводя глаз с быстро настигавшей их лодки.

Лежа на боку на дне, бычок, казалось, удивленно уставился на лихорадочно гребущих ребят.

Мальчики то и дело оглядывались на приближавшихся преследователей. Сквозь тающую утреннюю дымку уже отчетливо было видно застывшее лицо Бородача и его сверкающий зеленый глаз. Низкорослый толстый Камыш громко сопел, закрывая при каждом взмахе весел свои маленькие кабаньи глазки. Но больше всех пугал ребят главарь банды. Сидя на носу лодки, он хмуро и неотрывно смотрел на них. Страшным было его лицо, побитое оспой и сморщенное, словно кусок кожи, который обильно смочили водой, а потом высушили на солнце.

Он то и дело медленно поднимал руку и растопыривал длинные, узловатые пальцы, похожие на паучьи лапы. Тогда его сообщники напрягались, кряхтели и еще сильнее налегали на весла.

— Эй вы, там! — гаркнул вдруг вожак, поднимаясь на ноги. — Остановитесь! Остановитесь, не то все кости переломаем! Отдайте бычка и убирайтесь отсюда!

Лодка воров догоняла ребят и теперь мчалась по диагонали, чтобы отрезать им путь.

— Нас поймают! Мы пропали! — простонал Негоица, выпуская из рук весла.

Хорь, еле переводя дух, тоже опустил весла и, вытирая вспотевший лоб, пробормотал:

— Мы сделали все, что могли, ребята. Теперь уже некуда деваться, придется отдать им Митику.

Бычок навострил уши, испуганно глядя на Хоря черными, как сливы, глазами.

— Нет, Митику мы не отдадим! — яростно воскликнул Матей. — Он с нашей фермы, и мы его не отдадим!

— Они переломают нам все кости! — испуганно захныкал Негоица. — Слыхал, что сказал тот, рябой?

Между тем лодка воров обошла их и останови-

лась в некотором отдалении, преградив ребятам путь.

— Эй вы, жулики!.. Почему украли нашу скотину?! А ну давайте сюда, а то вам худо придется! — заорал вожак, подавая мальчикам знак подплыть ближе.

Матей вскочил на ноги и, ухватившись рукой за мачту, громко крикнул, нагнувшись вперед:

— Мы пионеры, а не жулики. Этот бычок с нашей фермы, он не ваш… и мы его не отдадим!

— Ты что это, сопляк, взбеленился? — изумился тот. — Кончай болтать и двигай сюда. Не заставляй меня к тебе добираться, а то шкуру спущу! Слышишь?

— Подъедем, Матей! — сдались Хорь и Негоица, собираясь взяться за весла.

Но Матей их не слушал. Не помня себя от ярости, он с ненавистью глядел на главаря шайки.

— Мы — пионеры! Это наш бычок, и мы не отдадим его без боя.

— Без боя! Ха-ха-ха! — расхохотался главарь, указывая рукой на Матея. — Значит, вы не отдадите бычка без боя?.. Ха-ха-ха!..

Бородач и Камыш тоже расхохотались.

— Швырните его в воду! — крикнул им главарь, указывая на Матея.

Бородач и Камыш взялись за весла.

— Они идут на нас! — закричал, дрожа всем телом, Негоица.

— В бой, ребята! — крикнул Матей. — Вытаскивайте рогатки! Приготовьтесь!..

Хорь и Негоица машинально бросились на дно лодки рядом с бычком; изловчившись, они вытащили из-за пазухи рогатки и натянули их.

Лодка воров повернулась носом к ним и начала приближаться. Матей тоже вытащил свою рогатку, заложил в нее камень и сильно натянул, прицелившись в главаря, который, стоя во весь рост, отдавал приказания.

— Не подходите, а то откроем огонь!

— Швырните их в воду! — снова приказал главарь своим сообщникам.

Матей прицелился еще тщательнее и скомандовал:

— Огонь, ребята!

Камни со свистом рассекли воздух, жужжа, как разъяренные осы. Завопив от боли, главарь схватился за ушибленную руку и в испуге повалился на дно лодки. Другой камень пробил трухлявое дерево борта и с протяжным, угрожающим свистом пролетел под самым носом Бородача. Третий сбил шляпу с головы Камыша, и она полетела

в воду.

Ошеломленные воры бросили весла и тоже пригнулись.

— Негоица, берись за весла! — крикнул Матей. — Хорь, не спускай с них глаз... Поднимут головы — сразу стреляй.

Негоица налег на весла. Держа наготове натянутые рогатки, ребята проплыли рядом с лодкой воров. Над ее бортом на мгновение сверкнул зеленый глаз Бородача, но тут же скрылся. И в самое время! Хорь натянул рогатку, и камень просвистел над головой бандита.

Лодка пионеров медленно удалялась.

— Садись и ты на весла, Хорь! На весла! — крикнул Матей, и ребята стали усердно грести. Теперь их лодка летела, как птица. Воры вскочили на ноги, замахали кулаками и со страшными проклятиями тоже схватили весла.

— Ну их к дьяволу, все равно не догнать! — простонал главарь, потирая ушибленную руку. — Ты почему забыл ружье, старый осел? — повернулся он к Камышу.

— Это не я, это он забыл! — оправдывался Камыш, указывая на Бородача и отряхивая от воды свою шляпу. — Эх, обида какая, больно жирный бычок был!

Бородач, облизывая пересохшие губы, следил своим зеленым глазом за лодкой пионеров, которая быстро удалялась. Вдруг он вздрогнул, протянул руку и крикнул:

— Глядите! Идут «пеликаны»!

На бескрайнем водном просторе, оставляя за собой пенистый след, появилась лодка с приподнятым в воздух длинным узким носом. Она круто повернула, и на огромной скорости, оглушительно треща и подпрыгивая на воде, как кузнечик, помчалась прямо к лодке воров. В утренних лучах яркими пятнами синели милицейские кители. Воры, напрягая последние силы, отчаянно гребли, пытаясь добраться до зарослей камыша.

А ребята весело рассекали веслами воду, направляя лодку к ивовой роще. Далеко над городком Калараш поднималось солнце. Тонкий золотистый солнечный луч прорезал дымку, висевшую над водой, и упал на белую от изморози морду бычка. Несколько мгновений луч трепетал на покрытых инеем усиках и тут же превратился в золотую, хрустальную точку.

Джика Ютеш. Звездочка

Заступы и лопаты отброшены в сторону и валяются рядом с тачками, лишь наполовину нагруженными строительным мусором. Солнце уже опускается к горизонту, заливая золотом последних лучей вершину зеленеющего холма: ветерок приносит оттуда легкий аромат дикой мяты.

Здесь, за новыми корпусами рабочего квартала Подшипники, ребята решили устроить свой

дворовый пионерский лагерь. В первую очередь надо было разровнять площадку и очистить ее от строительного мусора и сорняков, которые бурно разрастались каждой весной. Раньше на этом пустыре возвышалось красное кирпичное здание учительской семинарии. Фашисты взорвали его в ту августовскую ночь, когда бежали из города.

Немного поработав, Илиу́ца в сердцах отбросил лопату на кучу щебня и мрачно покосился на дорогу, где мелькнуло красное платьице Ри́цы из «звена счастливчиков». Счастливчиками оказались ребята из второго и третьего звеньев.

Эти звенья вытянули самые счастливые билетики. На одном из них было написано: «Фабрика», а на другом — «Подсобное хозяйство».

Ребята из второго звена помчались на склад за материалами, которые обещал директор фабрики. Они должны принести два столба для волейбольной сетки, а также доски для скамеек и передвижной библиотеки. Это значит, что второе звено будет так долго донимать директора просьбами, пока он им не покажет, как действует новый штамповальный стан величиной чуть ли не с дом. Они, конечно, выклянчат и блестящие шарики, а быть может, даже бракованные диски, из которых можно соорудить мировые колесики

для самокатов.

Повезло и ребятам из третьего звена. Они отправились на подсобное хозяйство и привезут оттуда дерн и цветы для главной клумбы, которая будет красоваться у входа в лагерь.

Илиуца недовольно фыркнул и проворчал:

— Разве это справедливо?

Илиуца сдвинул с места тачку, которую они с Бено́ни наполнили мусором, но, не сделав и двух шагов, остановился и так пнул ее ногой, что она едва не перевернулась. Спасибо еще, что ее подхватил Аури́ка.

— Что это на тебя накатило?

Вспотевшее лицо Илиуцы побагровело, а веснушки на носу засветились еще ярче, чем обычно.

— Разве это справедливо? Какой ты после этого звеньевой? — набросился Юлиу на Михала́ша. — Они нас обжулили! Конечно, обжулили! Мы, значит, будем чистить конюшню, а они кататься в коляске.

— В какой еще коляске? — удивился Михалаш и, опираясь на заступ, так сурово посмотрел на Юлиу своими голубыми глазами, что тот смутился.

— Ну, это так принято говорить.

У Юлиу всегда в запасе какой-нибудь оборот речи, который он затем считает нужным разъяснить.

— Да-да! — продолжал он запальчиво. — Одни, значит, увидят штамповальный заводской стан и получат шарики, другие будут играть с кроликами на подсобном хозяйстве, и мама Рицы накормит их яблоками и абрикосами, а мы только копать да таскать тяжести, копать да таскать тяжести!

— Точно! — поддержал товарища Бенони. — Почему это они первые тянули жребий? Почему наше звено не тянуло первым? А вдруг счастливый жребий выпал бы нам? Разве не мы первое звено в отряде?

— Мы первое звено? — насмешливо переспросил Аурика. — Ты, наверно, хочешь сказать, что мы держим первенство по нытью! — крикнул он и сердито покатил тачку Юлиу. Он зашагал к яме, да так быстро, что тачка жалобно и противно завизжала, будто была нагружена не щебенкой, а по крайней мере дюжиной поросят.

Бенони украдкой взглянул на смуглое, вспотевшее лицо Михалаша, согнувшегося над заступом, и подмигнул Юлиу.

— А наш Михалаш знай себе помалкивает, —

презрительно процедил Юлиу, выпятив губы.

Не выпуская из рук кирки, Михалаш буркнул:

— Каждый должен делать то, что ему поручено. А коли вам не нравится в нашей бригаде, так прямо и скажите!

Вместо ответа Юлиу резко повернулся на каблуках и схватил торчавший в груде щебня заступ. Аурика же вернулся со своей визжащей тачкой и стал быстро наполнять ее, распевая во все горло:

Скушай супу с муравьями
Да с колючими ежами.
В нем приправа из крапивы,
Из укропа и петрушки,
И зажаренной лягушки!

Юлиу даже не улыбнулся и изо всех сил вонзил заступ в сухую, рыхлую землю. Вдруг конец заступа ударился обо что-то твердое. Сперва мальчик подумал, что это камень, но потом понял, что заступ наткнулся на металл. Он принялся окапывать его со всех сторон и вытащил солдатскую каску.

— Каска! — изумленно крикнул он. — Солдатская каска!

— Фашистская каска? — гаркнул Илиуца и одним прыжком очутился рядом.

Но тут все заметили звездочку.

— На ней звездочка! — взволнованно прошептал Михалаш. — Советская…

— Что мы с ней сделаем? — спросил Аурика, надевая каску на свою белокурую, коротко остриженную голову. — Выставим ее посредине цветочной клумбы у главного входа в лагерь! — предложил он.

— Вот когда нам позавидуют ребята! — ликовал Илиуца. — Это мы ее нашли! Мы, мы! — распевал он, приплясывая на одной ноге.

— Интересно, чья она? — задумчиво спросил Михалаш. — Видите, она пробита осколком.

Все примолкли, не сводя глаз с зубчатой пробоины. Аурика первый с сожалением сказал:

— А может, лучше отнести ее в городской парк? Там могила советских воинов, погибших за освобождение нашего города от фашистов. На мраморной плите высечены семь или восемь имен. Может, там похоронен и хозяин этой каски.

— Думаешь, лучше ее отнести туда? — неуверенно спросил Илиуца. — А вдруг он вовсе не там похоронен? Может, тот солдат, чья каска, ее просто потерял. А может, его только ранило, и он награжден орденом, как герой!

Все задумались.

Михалаш взял каску, бережно вытер ее рукавом куртки и, не говоря ни слова, положил на то место, которое они уже расчистили и разровняли.

После этого ребята взялись за дело и некоторое время работали молча. Наконец Михалаш принял окончательное решение:

— Я думаю, он не обидится, если мы ее будем хранить здесь, у нас.

И все поняли, что он говорит о неизвестном герое, о советском воине, который когда-то сражался в этой каске.

Джика Ютеш. Ромовая баба

222
B

В середине учебного года в четвертом классе появился новый ученик — Балаба́н Кре́цу. Он сидел один на последней парте. Во время уроков ребята то и дело с любопытством оглядывались на него.

Всякий раз, когда учитель задавал Балабану вопрос, он отвечал четко и правильно.

Новичок был не слишком болтлив, но все-таки сразу же стало известно, что приехал он из города Конста́нца, что отец его мастер-кондитер, а мать заведует кондитерской «Гвоздичка». Возможно, именно поэтому он и получил прозвище «Ромовая баба». А может, его прозвали так потому, что он был коротышкой, да к тому же очень робким, с тоненьким, девчоночьим голоском? Или, быть может, из-за того, что у него было пухлое загорелое лицо и светлые, вьющиеся, как у девочек, кудряшки?

Но все это не имеет ровно никакого значения, так как он даже не рассердился, когда узнал, что его наградили таким прозвищем.

Более того, к всеобщему удивлению, в один прекрасный день, в классе появилась стенная газета в красивой рамке, а уголок сатиры в ней был озаглавлен: «Ромовая баба с перцем». Старший пионервожатый горячо поздравил автора.

Им оказался не кто иной, как Балабан, который и стал всех просить писать заметки в стенгазету. «Чем больше, тем лучше!» — говорил он. Уже на следующий день уголок сатиры украсила карикатура на Лу́пеша. Вместо головы на плечах у Лупеша красовался футбольный мяч, а за ним по пятам шествовала вереница плохих отметок. Карикатура наделала немало шума, и Лупеша пригласили полюбоваться ею. Сперва он оцепенел от изумления, но как только пришел в себя, заорал, что непременно отдубасит того, кто посмел намалевать подобную пакость.

Лупеш не шутил. Как только закончились уроки, он подстерег Балабана по дороге из школы домой и схватил его за шиворот. А тот едва доходил Лупешу до плеча.

— Эй, Ромовая баба, я из тебя сейчас лепешку сделаю! — гаркнул он.

— А я вместо маленькой карикатуры нарисую громадный плакат! — не остался в долгу Балабан и попытался высвободиться из рук Лупеша.

Но тот как следует двинул его кулаком и надавал бы еще, если бы Балабану все же не удалось вырваться и убежать.

На другой день утром Балабан, будто ничего и не случилось, как всегда, молча уселся за свою

парту. Только на большой перемене, когда в класс вошел старший пионервожатый, держа под мышкой большой, свернутый трубкой лист, он покраснел и стал копаться в своем пенале с двумя крышками.

Старший вожатый, видно, был в плохом настроении.

— Я пришел, — начал он серьезно, без вступления, — чтобы спросить мнение Григо́ре Лупеша. Как ты считаешь, Лупеш, можно вывесить этот плакат в пионерской комнате?

С этими словами он развернул бумажную трубку.

В классе поднялся гул — ребята перешептывались, что-то выкрикивали, кое-кто даже засмеялся. Перед ними была та же карикатура, что в стенгазете, но увеличенная раз в пять и раскрашенная акварелью.

Лупеш позеленел от злости. В классе воцарилась гробовая тишина. Все головы, словно по команде, повернулись к последней парте. Но Балабан сидел с равнодушным видом и, уткнув подбородок в ладошки, не сводил глаз с перекошенной физиономии Лупеша. Лупеш то краснел, то бледнел, а потом встал и ответил таким голосом, будто у него нестерпимо ныли зубы:

— Пожалуйста!

Таким образом, карикатура украсила пионерскую комнату, а Лупеш обозвал Балабана ябедой.

— Ябеда!

Несколько ребят окружили председателя пионерского отряда Орестéла и пытались натравить его на Балабана.

— Нужно что-то делать! Ведь ты председатель отряда! Мы же стали всеобщим посмешищем! В пионерской комнате вывешена карикатура на нашего одноклассника!

Орестел Урся мрачно молчал. По правде говоря, Лупеш вполне заслужил такую карикатуру: слишком уж он увлекается футболом. День-деньской гоняет мяч на пустыре за стройкой и мечтает лишь об одном: предстать перед лучшим футбольным тренером и сказать ему: «Испытайте меня». Он уверен, что, изумленный его игрой, тренер сразу же оценит его и скажет: «Ты именно тот игрок, которого я так долго искал!»

Витая в облаках, Лупеш «схлопотал» в последней четверти двойки по трем предметам. Конечно, надо покритиковать. Но карикатура в пионерской комнате — нет, это уж слишком!

— Ромовая баба просто трус! — заявили некоторые ребята, настраивая Орестела против

Балабана. — Вместо того чтобы подраться в честном бою, надавать Лупешу тумаков, он убежал, а потом из-за такой безделицы наябедничал старшему пионервожатому! Из-за какой-то чепухи!

С тех пор ребята стали относиться к Балабану с прохладцей. А Лупеш следил за каждым его шагом и рассказывал о нем невесть что: он, мол, несколько раз видел, как Балабан нес на голове противни с ромовыми бабами (наверно, стащил их в кондитерской у отца), в другой раз он рассказал, что встретил его, когда тот толкал коляску с двумя близнецами и безжалостно их избивал, а они орали благим матом… Больше того: он якобы собственными глазами видел, как Балабан в парке содрал бантики из кос у двух беззащитных девчонок!

В конце концов мы узнали, что у Ромовой бабы действительно две сестренки-двойняшки, но он их не избивает, а наоборот, заботливо за ними присматривает и каждый вечер катает в колясочке в соседнем парке. Что же касается противня с ромовыми бабами, то тут Лупеш не наврал. Орестел тоже встретил Балабана, когда тот нес на голове противень. На этот раз там были не только ромовые бабы, но и всякие пирожные. Но Балабан почему-то не смущался, ни от кого не

прятался. Он с гордостью заявил Орестелу:

— Помогаю маме!

Забияка Лупеш совсем лишился былой славы. Раньше, бывало, в трудную минуту ребята грозились: «Вот я скажу Лупешу, он тебе задаст трепку!» Теперь часто можно было услышать: «Вот я скажу Ромовой бабе, он тебя разрисует!»

И Лупеш сейчас отчаянно завидовал Балабану, до того завидовал, что только и мечтал, как бы вывести на чистую воду «пачкуна».

— Чуть только проштрафишься, — жаловался он, — этот Балабан сразу же на тебя карикатуру намалюет! Как вы думаете, — продолжал он, — почему Балабан никогда не дерется? Потому что боится! Потому что он жалкий трус! Разве вы этого не видите? Он даже на трапецию никогда не взбирается. А как он себя вел в цирке?

В цирке, куда ребята ходили всем отрядом, Балабан сидел между Лупешом и Орестелом. Как только началось выступление воздушных акробатов, он сразу же прикрыл глаза рукой и все спрашивал: «Еще не кончилось?» — «Нет!» — рассеянно отвечал Орестел, зачарованно следя за головокружительными полетами.

— Что все это доказывает? — не унимался Лупеш. — А то, что Ромовая баба — жалкий трус.

Храбрости у него хватает только на то, чтобы рисовать свои карикатуры.

Летние каникулы многие ребята из четвертого класса провели в пионерском лагере, неподалеку от Бухареста. Среди них были Балабан и Орестел.

Лагерь расположился в глубине чудесного леса, рядом с так называемой «Пенной усадьбой». Когда-то здесь был барский особняк с множеством комнат, с лестницами из белого камня и верандой, увитой вьющимися розами. Особняк называли так потому, что раньше он принадлежал богачу, владельцу пивоваренного завода.

Палатки пионеров раскинулись вокруг усадьбы. Все было бы прекрасно, если бы не история со змеей. Мариу́ка Да́я будто бы увидела под лестницей особняка змею. Она шла за горном и, заметив змею, завизжала так пронзительно, что собравшиеся на экскурсию младшие пионеры разбежались во все стороны, как напуганные птенцы. Змея, понятно, тут же исчезла, но страх остался.

С девочками теперь просто беда! Зашуршит листва, хрустнет ветка — они в крик: «Змея!» Юные натуралисты, собираясь в поход, теперь вместо того чтобы брать с собой банки и булавки для насекомых, сачки для бабочек или ножи,

чтобы срезать растения, в первую очередь вооружались палками. Балабан даже смастерил себе посох с раздвоенным концом и не выпускал его из рук до самой ночи.

Но ни в тот, ни на следующий день ничего не произошло. В лагере воцарились мир и покой. И вдруг покой этот был нарушен событием, которое превратило Балабана в героя, и слава эта прочно закрепилась за ним на все лето. Ребята играли в «Знамя в лесу», и Балабан попал в команду, которая прятала знамя. Он был связным — должен был доставить конверты с зарисовками местности, приготовленные разведчиками. Старший пионервожатый Иоани́кие ждал его возвращения с конвертами, чтобы подать сигнал для начала игры. Тридцать минут, предназначенные для передачи конвертов и возвращения связного, давно истекли. Все потеряли терпение.

— Что с ним приключилось? — недоумевал Иоаникие, то и дело поглядывая на часы.

— Может, он заблудился, — высказал предположение Орестел. — Балабан не больно храбрый.

Вдруг все услышали какой-то непонятный вопль. Старший пионервожатый вскочил как ужаленный, стремглав помчался к тому месту, откуда донесся этот вопль. Около куста папорот-

ника в нелепой позе стоял Балабан. Он был похож на чабана, который почему-то оперся на посох. При этом он был красен, как вареный рак, а его растерянные глаза, казалось, ничего не видели. Под раздвоенным посохом извивалась змея, которую перед тем, видно, он чем-то оглушил.

— Бей ее, ребята! — гаркнул Иоаникие и, вырвав у кого-то палку, обрушил ее на гадину.

Остальных тоже не пришлось упрашивать.

— Я чуть было не наступил на нее! — с трудом прошептал связной. — Она шипела, как гусь.

— Ничего себе гусь! — усмехнулся Иоаникие, навертывая на палку издохшую змею, хвост которой все еще трепетал. — Эта змея, правда, не ядовитая, но встретиться с нею все-таки страшновато. Браво, Балабан! — закончил он, с восхищением глядя на связного.

Змея Балабана Крецу была длиннющая — не меньше метра, на ее светло-оливковой спине виднелись маленькие белые полоски, а желтозолотистый живот был покрыт крупной чешуей. Казалось, на нее натянули сверкающую кольчугу.

Пионервожатый решил положить змею в большую банку с формалином, чтобы сохранить для школьного музея природоведения. Он сказал,

что змея будет ценным экспонатом музея и что на ярлыке обязательно укажут, где ее поймали и фамилию охотника, то есть Балабана Крецу из пионерского отряда четвертого класса.

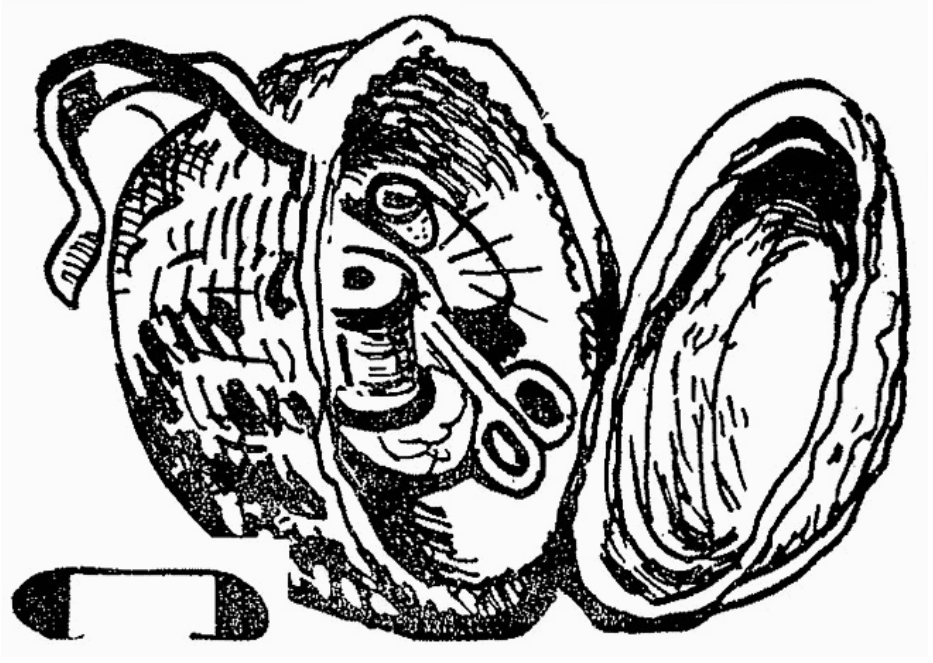
Все кинулись обнимать смельчака. Даже подняли на плечи и торжественно понесли в лагерь.

— Да здравствует охотник, победивший последнего дракона! Да здравствует отважный Балабан!

— Замолчите вы! — бормотал Балабан. — Если бы вы только знали, какого я натерпелся страху!

Но никто ему не верил. Прозвище «Ромовая баба» окончательно потеряло смысл.

Джика Ютеш. Моя соседка по парте



С того самого дня, когда я впервые пошла в школу, я подружилась с Ле́лией. Мне понравились ее румяное лицо и белые бантики в золотистых косичках. Казалось, что вокруг ее головы все время летают две бабочки. С тех пор мы сидим с ней за одной партой. Она спокойная, хорошо учится, не любит болтать. К тому же она очень аккуратна, книги и тетради у нее всегда чистые, все домашние задания старательно выполнены, она никогда не шумит и не шалит, как это делают другие ребята. Классная руководительница часто ставит ее другим ребятам в пример. Эти похвалы как бы распространяются и на меня. Мы поклялись в вечной дружбе и ужасно злились, когда кто-нибудь вмешивался в наши игры. Девочки даже упрекали нас за это, но мы не обращали на них внимания.

Но вскоре нашу дружбу нарушило нечто непредвиденное. К нам за парту, стоящую возле самого окна, посадили еще одну девочку, по фамилии Талашма́н. Учительница арифметики велела ей пересесть с последней парты, когда заметила, что Талашман близорука и плохо разбирает, что написано на доске.

— Талашман, — сказала она, — садись рядом с Лелией или с Дже́той. Надо, чтобы родители

купили тебе очки…

— Мы очень просим не рассаживать нас! — воскликнула Лелия.

Я взглянула на Лелию, Лелия на меня, и мы придвинулись поближе друг к другу, чтобы освободить место для Талашман.

— Ну раз так, сидите втроем! — согласилась учительница.

До этого дня я даже не замечала Талашман. Она приехала из провинции в начале года, сидела далеко от нас, и мы никогда не дружили. Лишь когда она оказалась рядом, мы ее внимательно разглядели.

Она мне показалась очень некрасивой. Во-первых, у нее не было белого воротничка! А черные, остриженные, как у мальчика, волосы так прилипали к ушам, словно она только что вытащила голову из таза с водой. Она таращила на нас большие черные, как будто испуганные глаза. Пугало да и только! Не хватало еще, чтобы она нацепила очки на нос!

Она примостилась возле меня на освободившемся краю скамьи. Лелия слегка подтолкнула меня локтем и глазами показала на что-то под партой. Я посмотрела и просто диву далась. На ногах у Талашман были ботинки и длинные

коричневые чулки. А мы все щеголяли в белых сандалиях и носочках.

Но беда была не в этом. Нас злило, что Талашман, хоть мы с ней и не дружили вовсе, будет теперь все время торчать рядом. Вот история! Что было делать? Распроститься с нашей партой? Перебраться в самый конец класса? Может, мы бы так и поступили, если бы не боялись, что учительница арифметики будет недовольна.

Лелия беспокойно ерзала, наконец, покраснев как рак, шепнула мне:

— Поставим мой ранец между нею и нами!

И в самом деле, что нам еще оставалось делать? Она быстро вытащила из парты ранец и торчком поставила его поперек скамьи. Талашман отодвинулась на самый краешек скамьи и снова взглянула на нас своими большими черными, слегка испуганными глазами.

Ну теперь совсем другое дело! Талашман осталась на одной стороне скамьи, а мы — на другой. Итак, мы почти избавились от этой задумчивой дурнушки, которая ни с того ни с сего затесалась в нашу компанию. Мы притворялись, будто совсем не замечаем ее. Даже не разговаривали с ней, а только покрикивали:

— Талашман, отодвинься подальше! Сиди, по-

жалуйста, на своем конце! Ты что, столкнуть нас собираешься? Зачем трогаешь мой пенал?

А Талашман молчала, как каменная.

Это нас еще больше злило, и, чтобы ее подразнить, Лелия все время делала вид, будто говорит мне что-то на ухо. А на самом деле она просто шептала: «шу-шу-шу» — и при этом заливисто хохотала, чтобы соседка подумала, что она смеется над ней.

Но Талашман все равно молчала.

Однажды Лелия принесла на урок труда чудесную круглую корзиночку, сплетенную из прутьев. Чтобы закрыть ее, надо было потянуть за красную шелковую ленточку, которая затягивала корзинку, как шнурок. В ней лежали иголки, нитки, ножницы, сантиметр и серебряный наперсток как раз по ее пальцу. На донышке наперстка блестел голубой камень в пупырышках, чтобы удобнее было нажимать на ушко иголки. И корзиночка и наперсток вызвали общий восторг.

Весь класс собрался вокруг нашей парты, всем хотелось их потрогать и хотя бы на секунду надеть на палец наперсток с голубым камнем. Даже мальчики и те заинтересовались.

— Сейчас же отдайте! — кричала я в тревоге. — Еще уроните на пол. Папа привез все это Лелии

из Сиби́у.

И вдруг я услышала голос Талашман:

— Джета, попроси, пожалуйста, Лелию, чтобы она мне тоже показала наперсток.

Глаза ее блестели, а голос дрожал от волнения.

— Как бы не так! — крикнула Лелия, помахала наперстком перед самым носом Талашман и быстро бросила его в корзиночку, туго затянув ее лентой.

Талашман опустилась на скамью и спрятала лицо в ладони. Весь урок она не находила себе места, по-видимому, переживала обиду, и все время поглядывала на наперсток, который поблескивал на пальце Лелии. Потом Лелия передала наперсток мне, а я, стараясь подразнить Талашман, далеко отставляла палец, чтобы наперсток был хорошо виден.

После уроков, когда мы уже выходили со школьного двора, Лелия вдруг остановилась и побледнела как мел.

— Ой! Нет наперстка! — испуганно вскрикнула она, лихорадочно роясь в корзиночке. — Я его сама положила на место, а теперь его нет.

Мы вывернули в подол все, что было в корзиночке, даже проверили за подкладкой, но наперсток бесследно исчез.

— Это Талашман! — взвизгнула Лелия. — Я уверена: она его украла, чтобы отомстить нам.

— А может быть, он завалился под парту? — попыталась я успокоить Лелию.

Мы вернулись в класс, обшарили все углы, но наперстка так и не нашли. Искали даже в гимнастическом зале. Наперстка и след простыл.

— Талашман его утащила! — повторяла Лелия, безутешно рыдая.

— Я пойду к ней домой! И прямо спрошу ее. Если она не отдаст наперстка, худо ей придется! — твердо заявила я.

Я пошла к Талашман сразу же после обеда. Еще сейчас я помню ее адрес: улица Распы́нтией, дом два. Я его узнала у Еле́ны Ду́пши, с которой она раньше сидела за одной партой. Сама Елена живет в интернате.

— Конечно, знаю, где живет Талашман! — с готовностью сказала она. — Мама ее умерла в прошлом году, а отец работает на железной дороге. Они живут у тетки. А зачем тебе нужна Талашман?

У меня как-то не хватило духу признаться, для чего я собралась к Талашман. Как только я узнала, что у нее нет матери, я сразу же поняла, как плохо мы себя вели, и решила, что обязательно пойду к

Талашман, но даже не спрошу про наперсток. Она сама поймет свою ошибку! И Лелии я не позволю сказать ни словечка об этом.

Улица Распынтией вела в гору, по ту сторону пожарного депо. Я отыскала номер два и увидела красивый дом с садиком, заросшим цветами.

Постучав в калитку, я закричала:

— Талашман! Талашман!

Мне показалось, что в одном из окошек мелькнула стриженая голова, и я почему-то сразу оробела, мне даже захотелось уйти.

Но дверь вдруг распахнулась, и целая орава малышей — мальчик и три девчушки, — одетые в одинаковые платьица и переднички, разом выскочили во двор, как будто только и ждали этого.

— Ты к Аникýце пришла? — спросил мальчик лет шести, вытирая нос девочке с длинными золотистыми волосами. — Она сейчас выйдет! — сказал он и серьезно взглянул на меня большими черными, такими знакомыми мне глазами.

— Анитуца плидет! — подтвердила и пухленькая девочка с золотистыми волосами, после чего попыталась влезть на забор. Она взобралась на него, но тут же свалилась, однако не заплакала, поднялась и отряхнула передник.

— Идет Анитуца, идет!

В дверях появилась Талашман. На голове у нее была косыночка, а ее полосатый передник был точно такой, как у моей мамы. Она неторопливо пошла ко мне навстречу, и ее комнатные туфли шлепали на каждом шагу.

— Анитуца, Анитуца! — закричала пухленькая девочка.

— Идет Аникуца, идет Аникуца! — радостно подхватили остальные.

Сердце у меня забилось. Эта девочка совсем не походила на ту Талашман, которая сидела с нами за одной партой. Она выглядела совсем по-другому!

Косынка, передник, шлепанцы, а главное — эти детишки, которые ласково называли ее Аникуцей и цеплялись за ее передник…

— Это твой брат… и твои… сестры? — невнятно пробормотала я.

Она молчала. Только смотрела на меня своими большими черными глазами. Но теперь они не казались мне испуганными. Просто это были черные задумчивые глаза.

— Ты пришла за наперстком? — негромко и спокойно спросила она. — Я его нашла в гимнастическом зале около вешалки. Хотела отдать Лелии, но Елена сказала мне, что вы уже ушли. Я

отнесла его в канцелярию.

— Нет, я не за наперстком! — пролепетала я, чувствуя, что щеки у меня пылают от стыда. — Я просто так пришла. Поиграть с тобой.

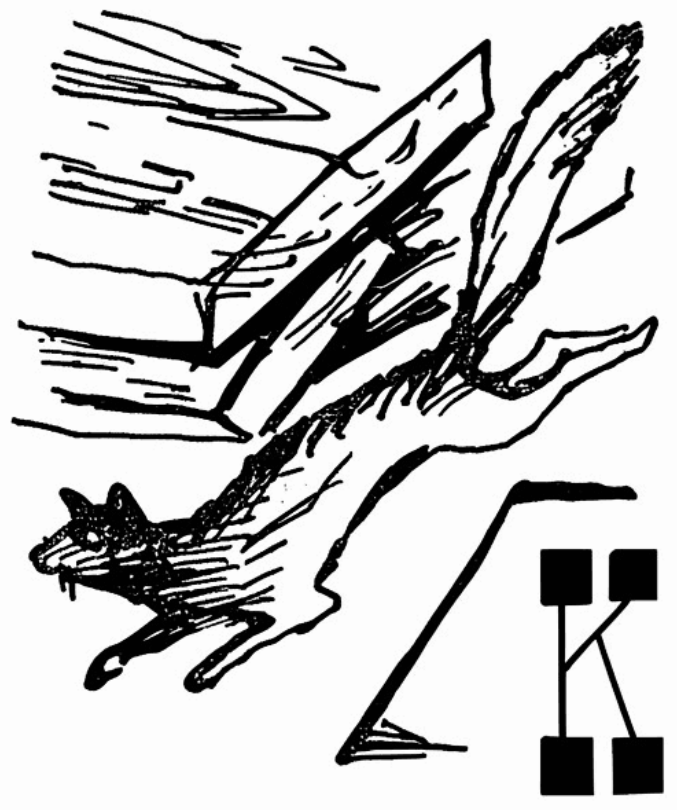
Аникуца Талашман удивленно посмотрела на меня, потом лицо ее просветлело, и она смущенно улыбнулась:

— Ну… тогда заходи! — пригласила она и открыла калитку.

Уж не знаю почему, но с того дня я часто хожу в гости к Аникуце. Мне там очень нравится. Мы вместе играем, вместе делаем уроки, я помогаю ей присматривать за малышами: ведь тетя, у которой они живут, уже старенькая и не успевает за всеми уследить.

Напрасно Лелия обижается на меня. Я очень рада, что у меня теперь есть еще одна подруга — Аникуца. Моя мама тоже полюбила ее. Она ей вышила три белых воротничка, точно такие, как у меня. Аникуце отец купил очки и теперь она снова пересела на свою парту к Елене Дупша. Но на всех переменках мы играем вместе. Когда Лелия перестанет дуться и захочет присоединиться к нам, мы будем играть втроем.

Джика Ютеш. Ласка



Как только закончился учебный год, мама ушла

из своей больницы и перевелась в тот город, где папа работал на строительстве шарикоподшипникового завода. Вы, конечно, сами знаете, что подшипник — это такая деталь, без которой любая машина и гроша ломаного не стоит. Из папиных рассказов я понял, что разве только утюг работает без подшипников, а все машины, начиная с трактора, который пашет землю, и кончая двигателем скоростного тепловоза, который привез нас из Бухареста, не могут двигаться без подшипников. Так что вам, наверно, ясно, как я горжусь своим отцом, — ведь он работает на строительстве такого важного завода. И я, понятно, не помнил себя от радости, когда вместе с мамой и младшей сестренкой Ли́ей очутился на вокзале этого городка.

Там нас встретил папа.

Улицы здесь совсем не такие, как в Бухаресте. Нет ни трамваев, ни троллейбусов, ходят только голубые автобусы. Зато тут можно увидеть волов, которые тянут подводы, груженные кирпичом или лесом. А квартира у нас тут больше и красивее, чем в Бухаресте, хотя снаружи дом еще не оштукатурен. Это первый жилой корпус для рабочих. Остальные шесть корпусов пока только строятся и будут готовы к осени. Повсюду снуют

каменщики и плотники, кровельщики и маляры, на высоченные леса поднимают строительные материалы. Пыль стоит столбом, а шум такой, что оглохнуть можно. А все-таки здесь здорово интересно.

Как только мы внесли чемоданы, я сразу же выскочил за папой во двор, чтобы он не ушел без меня на завод. Я непременно должен увидеть, как выглядят подшипники. Но отец объяснил, что сегодня у него нет времени ходить со мной по заводу, а вот завтра мы обязательно пойдем.

Я остался во дворе один и уныло слонялся между грудами щебня, то и дело обходя штабеля досок и кирпичей. Вдруг я столкнулся лицом к лицу с девчонкой; она держала что-то туго завернутое в блузку, рукава которой болтались во все стороны. «Наверно, у нее там кошка или щенок», — подумал я и только удивился, почему животное так отчаянно вырывается. Девочка то нагибалась, то распрямляла спину, крепко сжимая судорожно дергающийся узелок. Скорее всего, это кошка, потому что вдруг мелькнули взъерошенный хвост и когтистые лапы. Я только было собрался спросить: «Куда ты тащишь эту кошку?» — как вдруг девочка сунула узелок мне в руки и крикнула:

— Держи, держи ее, а то вырвется! Держи, я

сейчас сниму пояс и свяжу ее как следует!

Захваченный врасплох, я изо всех сил прижал кошку к груди, но вдруг понял, что в узелке не кошка и не щенок! На миг я увидел длинную светлую мордочку, и острые зубы чуть было не цапнули меня за нос. В жизни я не встречал ничего подобного! Я вскрикнул и отшвырнул узелок. Зверек еще секунду копошился под красной блузкой и мгновенно исчез, словно его никогда и не было. Девчонка так и замерла с разинутым ртом, но тут же опомнилась и завопила:

— Ласка! Убежала ласка!

Она кинулась на колени, пытаясь за штабелем досок увидеть щель, в которую юркнул зверек.

«Ласка? — подумал я. — Что это еще за ласка?»

Привлеченные визгом девчонки, к нам подошли несколько рабочих. Усатый каменщик швырнул камень куда-то за ящики с известкой и крикнул:

— Убежала все-таки разбойница!

— Это он, это он ее выпустил! — заорала девчонка и бросилась ко мне.

Я успел разглядеть, что ее веснушчатое лицо такое же красное, как пионерский галстук, который она носила на шее.

— Ты понимаешь, что наделал? — визжала она,

размахивая кулаками у меня перед носом.

— Ты понимаешь, что наделал? — визжала девочка…

— Да что ты от меня хочешь? Чего пристала? — рассердился я, в свою очередь.

— Почему ты ее выпустил? — не унималась она, наседая на меня так, что мне пришлось на шаг отступить.

— Ну и выпустил! Она чуть не укусила меня за нос!

— Трусишка несчастный! Размазня! — крикнула она.

— Трусишка? Размазня? — не стерпел я оскорбления. — Вот я тебе сейчас покажу!

Но девчонка вовсе не испугалась.

— А ну покажи! — кричала она, сверкая глазами. — Еще пионер называется! — И вдруг, не сказав ни слова, она плюхнулась на поломанное ведро и зарыдала. — Мы ее целых два дня подстерегали. Она перегрызла горло семнадцати цыплятам на нашей птицеферме, а теперь, когда мы ее, наконец, поймали, этот дурак выпустил ее! — причитала она, продолжая безутешно рыдать. — Мама так обрадовалась бы. А теперь… теперь ласка ночью передушит остальных цыплят.

У меня волосы стали дыбом. Я совсем растерялся и, в конце концов, почувствовал себя виноватым. Упустить хищника, который погубил семнадцать цыплят!

— Послушай, — сказал я примирительно, — честное пионерское, я ее непременно поймаю.

Девчонка сразу же перестала плакать и передразнила меня:

— «Непременно поймаю»... Размазня несчастная! — снова взвизгнула она, вскочила и кинулась со всех ног к главным воротам, пообещав на прощание: — Ничего, мы тебе еще зададим!

Я еле удержался, чтобы не побежать за ней и не наподдать ей как следует за «размазню» и вообще за то, что она втравила меня в эту дурацкую историю. Впрочем, я и себе самому был готов влепить несколько пощечин. Как это я умудрился упустить ласку? Но что это за зверек? Я никогда о нем ничего не слыхал.

Я быстро побежал домой, чтобы расспросить маму. Но не успел я войти в комнату, как она взялась за меня и решительно приказала:

— Кристе́л, если ты думаешь, что приехал сюда, чтобы болтаться без дела, то глубоко ошибаешься!

— Я не буду болтаться без дела! — заверил я ее.

— Попробуем сейчас устроить из чего-нибудь стол, — предложила мама.

— Ладно, — согласился я. — Но только скажи мне, что за зверь ласка?

— Какая такая ласка? — удивилась мама, старательно расправляя длинное полосатое полотенце на сундуке, который должен был служить нам столом, пока наша мебель не прибудет из Бухареста.

— Ласка. Она задушила семнадцать цыплят.

— Каких цыплят? — рассеянно спросила мама, вытаскивая из чемодана столовые приборы.

— Цыплят с заводской птицефермы! — нетерпеливо пояснил я. — Это такой зверек с длинной мордочкой и светло-коричневым мехом.

— Ну так что? — переспросила мама, думая о своем. — Мы зажарим яичницу и приготовим салат. — Заметив, как вытянулась моя физиономия, она рассмеялась. — Хорошо, я поняла. Ты хочешь знать, что за зверь ласка. Но тебе уже известно, как она выглядит. Она сродни хорьку.

— Я обязательно должен поймать ее!

— Что это тебе взбрело в голову? — испугалась мама. — Это очень хищный и злобный зверек. Отчаянно кусается.

— Пусть кусается, я все равно ее поймаю! Мне

необходимо раздобыть капкан.

— Зачем тебе капкан? — спросил папа.

Мы и не заметили, как он вошел.

— Наш отважный пионер, — ответила мама, — еще не успел приехать сюда, как уже надумал уничтожить хищных зверей, которые наносят вред птицеферме.

— В чем дело? — удивился папа, нахмурив брови. — Объясните толком, о чем идет речь.

Я и папе рассказал, что ласка на птицеферме задушила семнадцать цыплят.

— Раз так, примем меры, обязательно примем меры!

Это любимое папино выражение во всех случаях жизни. И если он говорит, что примет меры, то на его слова можно положиться.

Я с трудом дождался конца обеда, чтобы попросить папу раздобыть капкан, как вдруг он мне сказал:

— Кристел, мы оставляем на твое попечение Лию. Хочу показать маме новую поликлинику, где она будет работать.

Я не успел и рта раскрыть, как мама засыпала меня наставлениями: ни в коем случае не выпускать Лию во двор, а то ей, упаси бог, кирпич на голову свалится, осторожнее обращаться с бан-

ками, в которых варенье, и еще многое в таком же роде…

Что оставалось делать? Был бы здесь мой лучший друг Би́би, я бы хоть с ним посоветовался. А теперь что? Влип в такую историю, и один, как перст, без друзей! Как вспомню эту девчонку, вспомню, что она обозвала меня трусишкой и размазней, просто задыхаюсь от злости и обиды. Ничего, я ей еще докажу, какой я трус и размазня! Лопну, а докажу! Только как? Вот не повезло: изволь торчать дома и нянчиться с Лией!

Я метался среди запакованных сундуков и чемоданов и здорово стукнулся коленкой об угол сундука, который нам служил столом. Хотел было в отместку пнуть его ногой, но вспомнил, что Лия спит. Проснется, будет еще хуже: «Одень меня!.. И ботиночки!.. Накорми!» Чего только не взбредет в голову такой малявке.

Чем двадцать раз продевать шнурки сквозь отверстия в ее ботинках, лучше уж ушибить и вторую ногу. Проснется и сразу же захнычет; «Хочу варенья, хочу воды…» Да и чего ждать от сестренки, которой еще и трех лет не исполнилось. Вспомнив все это, я потер ушибленное колено и в отчаянии уселся на сундук.

Резкий звонок вывел меня из оцепенения и

приободрил. Может быть, это вернулась мама! Вряд ли. Это и не папа! У каждого из них свой ключ. Я помчался к двери, чтобы узнать, кто пришел. Как вы думаете, кто это был? Та самая девчонка! А с ней трое ребят. Один высокий, почти на голову выше меня, в голубой футболке и пионерском галстуке. Двое других тоже пионеры и походили друг на друга как две капли воды.

— Вот он! — воскликнула девчонка и, ткнув в меня пальцем, показала мне язык и прошипела сквозь зубы: — Размазня!

— Корне́лия! — перебил ее тот, что повыше. — Уймись!

— Ты, видно, хочешь получить в ухо! — крикнул я девчонке.

— Вот какое дело, парень, — продолжал длинный, — прежде всего скажи нам, кто ты такой.

— Это я должен сказать, кто я такой? А кто вы такие, скажите на милость? Когда входишь к кому-нибудь в дом, то, в первую очередь, полагается назвать свое имя.

— Правильно, — согласился мальчик.

— Значит, кто ты и что тебе надо в моем доме?

— Твой дом?

— А чей же? Здесь наша квартира. Я сын инженера подшипникового завода Ште́фана Урся. А

моя мама — врач заводской поликлиники.

— Ишь ты какой! — присвистнула девчонка.

— Подумаешь! — вмешался один из тех ребят, которых трудно было различить. — Потрясающе! — И он насмешливо отвесил мне глубокий поклон.

Я чуть не лопнул от злости.

— Тихо! — закричал высокий. — Побольше дисциплины! — Потом он повернулся ко мне и, дотронувшись до моего плеча, спросил: — Я тебя спрашивал не о том, чей ты сын, а кто ты сам. Ну, например, ты не второгодник?

— Я? Я — второгодник?

— Да, ты! — пробасил мальчик, по-видимому, для пущей важности. — Я вижу, ты носишь красный галстук…

— Илиу́ца! — вмешалась девчонка. — Охота тебе зря тратить время?

— А ты не вмешивайся! — перебил он ее. — Он обязан отчитаться.

Теперь я уж рассердился не на шутку. Почему это я должен отчитаться?

— А ну покажи свой дневник! — продолжал Илиуца.

Какое нахальство! Я еще должен показывать ему дневник! «А, пожалуй, стоило бы! — подумал

я. — У него сразу пропадет охота так со мной разговаривать».

Я кинулся к ранцу, вытащил дневник и сунул его под нос Илиуце, гордо заявив:

— Я был у себя в классе председателем отряда!

Мой дневник переходил из рук в руки. Сперва его взяли те двое, похожие друг на друга, потом эта противная Корнелия, затем снова Илиуца, который, наконец, бережно закрыл его и с улыбкой возвратил мне.

— Одобряется! Значит, тебя зовут Кристе́л Урся, у тебя хорошие отметки, и ты — председатель отряда! А особая примета та, что боишься ласок!

— Любой на моем месте поступил бы так же, — сердито пробормотал я. — Откуда мне было знать, что у нее там закутано в блузке?

Тут захныкала Лия.

— Этого еще не хватало! — вздохнул я. — Вы так орете, что разбудили мою сестренку.

Я подбежал к Лии, чтобы одеть ее, и она тут же закидала меня вопросами:

— Кто к нам плишел? Кто плишел? Кто плишел? Кто эти мальчики?

— Милиция, — проворчал я. — Милиция, которая воюет с хорьками и ласками.

— Эй, ты! Разве так одевают ребенка? — крик-

нула Корнелия. — Ты же натянул на нее платье задом наперед.

— Надень ты лучше! — буркнул я, бросив на нее уничтожающий взгляд.

— Так вот, познакомимся, — сказал высокий мальчик, — меня зовут Илиуца, она — Корнелия, а это — братья Ри́га. Они близнецы. Твой отец сказал, что ты будешь учиться с нами в одном классе.

— А вы уже говорили с папой? — удивился я.

— А ты как думаешь? Мы тоже немало кирпичей уложили в стены этого завода, — не без важности объявил Илиуца.

— Ах вот оно что! — весело воскликнул я. — Вы, значит, те самые пионеры, которые все лето помогали каменщикам? Значит, вы с ним знакомы? Тогда почему же вы устроили мне настоящий допрос?

Ребята расхохотались.

— Такой уж у нас обычай. Мы должны хорошо знать каждого, кто вступает в наш отряд. Тем более, что Корнелия сказала нам, будто ты злой, задавака и трус.

— А что еще я могла о нем подумать? Ведь он упустил ласку! — оправдывалась Корнелия. — Вот увидите, сколько бед она сегодня ночью

натворит.

— А почему бы нам не попытаться подстеречь и поймать ее? — спросил я.

Илиуца переглянулся с братьями-близнецами, которые прислонились к стене по обе стороны двери и критически разглядывали меня.

— Ну что скажете? Попробуем его испытать? Возьмем с собой?

Я тоже смотрел на них исподлобья, наконец мы не выдержали и все рассмеялись.

— Ну, значит, все в порядке. Пошли вместе ловить ласку.

Я бы, конечно, пошел с ними, но как быть с Лией? Корнелия одевала ее и что-то рассказывала сестренке о петухе со шпорами, который купил себе на базаре безрукавку. Лия в восторге хлопала в ладоши.

В эту секунду открылась дверь, и на пороге появилась мама. Она удивленно смотрела на моих гостей.

— Мама! — закричал я торопливо. — Это здешние мальчики и… вот еще эта девочка… ее зовут Корнелия. Ты разрешишь мне пойти с ними?

Мама утвердительно кивнула головой.

Подумать только, что всего несколько минут назад я был в отчаянии от того, что совершенно

одинок и что в этом городе у меня нет ни одного друга!

Джика Ютеш. Когда выпадет снег…

Снега еще не было, хотя ему уже давно пора бы выпасть. Легкие прозрачные снежинки, едва покружившись в воздухе, сразу же исчезали, будто проглоченные уличной грязью. На ветках поблескивали капельки воды, а с крыш непрестанно капало: кап-кап-кап…

К полудню опустился такой густой туман, что сквозь него не мог пробиться даже дым из труб; из печей он валил прямо в комнаты и наполнял их едкими, как перец, струйками. В пору умереть от тоски! Мама хватала кочергу и сердито ударяла по сырым поленьям, а они шипели по-гусиному и плевались маленькими желтыми искорками.

— Ну и погодка, все шиворот-навыворот! — восклицала она в сердцах. — Даже печь не разожжешь!

— Да! — согласился папа, натягивая резиновые сапоги. — Противная погода и коварная, как лиса. Кто знает, не ударит ли ночью мороз!

Папа решил пойти и укутать грядки с рассадой, потому что от мороза больше всех страдает рассада ранних овощей. А кому же еще заботиться об этом, если не бригадиру?

— Не забудь, — напомнила ему мама, — прикрыть циновками и редиску.

Мама тоже пошла бы с папой, она ведь тоже

работает в овощеводческой бригаде, но нашей малютке всего три недели и для нее нужно сшить теплые вещички. У мамы сейчас отпуск, и она с утра до вечера вертится вокруг колыбельки. То и дело слышен ее голос:

— А ну погляди, Тодире́л, что там делает малышка.

А что ей делать? Спит почти все время, а проснется — разевает ротик, точно голодный воробышек.

Каждый день к маме наведываются соседки — то одна, то другая. У самого порога они слегка сплевывают (это чтобы не сглазить) и удивленно ахают: «Какая она пухленькая да кругленькая и на папу похожа — прямо вылитый отец!» Выдумали тоже! Когда Тодирел слышит, как соседки удивляются, что новорожденная так похожа на отца, он хмурится, зарывается носом в книгу и притворяется, будто страшно занят.

В такой унылой скуке проходит весь день до самых сумерек. Ну и тоска — безвыходно сидеть дома! Только попробуешь встать с места, как мама сразу же набрасывается на тебя.

— Пожалей хоть свои башмаки! Смотри, какая непогода! Хочешь простудиться, да? Повтори-ка лучше уроки!

Тодирел покорно возвращается в свой угол, на скамейку возле окна, и снова берется за старую читанную-перечитанную книгу сказок. Ну, а уроки? Сколько же раз можно повторять уроки? Пока не выучишь как следует и не будешь знать назубок! Это его обязанность! Вот, к примеру, работники овощеводческой бригады обязаны ухаживать за ранней рассадой. Они стараются быть передовиками на работе, а он должен стремиться к тому же в школе. У каждого свои дела и свои обязанности. «А кроме того, стоит ли уговаривать маму? — думает Тодирел. — Она ведь права… Что теперь на улице делать? Да и никого там нет».

А, главное, в том месте, куда надо было сходить, он уже побывал несколько дней назад. И ответ, который его больше всего интересует, он тоже получил.

«Уговор дороже денег! — сказали ему. — Но только пусть сперва выпадет снег, Тодирел!»

«Когда же наконец выпадет снег, дядя Михаи́л? — горестно спрашивает Тодирел, представляя себе, что разговаривает с ним. — Подумайте только, ну что за погода, нет снега и нет!»

Кап-кап, кап-кап-кап! — жалуются в ответ крыши. В комнате тихо, слышно только, как в

маминых руках легко позвякивают спицы. Она вяжет для малютки кофточку из белой шерсти — легкой и пушистой. Две шапочки — одна белая с красным помпоном, другая красная с белым, а три пары пинеток готовы были еще вчера или позавчера… Тодирел помогал разматывать шерсть и даже сам сматывал ее в клубки.

Как быстро мелькают мамины пальцы! Вжик! Вжик! — звенят спицы. Клубок тихо крутится в мисочке на полу, и нить разматывается так ровно, что даже кот Ага́ке соскакивает со своего теплого шестка и, подкравшись поближе, обнюхивает клубок. «Что это, мышь или другой какой зверек?» — Агаке, по-видимому, недоумевает; он вытягивает лапку, чтобы выяснить это, и тут же отдергивает ее. «Гм! Я, конечно, старый кот, у меня немалый опыт, но этот вопрос надо серьезно изучить», — словно говорит Агаке и, отойдя подальше, сворачивается калачиком у ножки кровати. Тодирел видит, как желтые глаза кота, похожие на два полумесяца, лукаво поблескивают. Уши Агаке, разодранные в бесчисленных баталиях с другими котами, от удивления стали торчком: «Мышь это или другой зверек?» Клубок плавно вертится в миске, а Агаке поворачивает голову то в одну, то в другую сторону, как будто

не верит собственным глазам.

Вдруг кот поднимается на задние лапки, подкручивает длинные усы, отплевывается по-кошачьи и говорит густым человечьим голосом:

«Это клубок шерсти! Самый обыкновенный клубок!»

Он залезает под кровать, но через секунду появляется вновь в сапогах и шляпе с павлиньим пером. Тодирел ничуть не удивляется и спрашивает:

«Ты готов?»

«Готов, повелитель! Какой высоты должны быть сугробы? До колен или до пояса?»

«До пояса!» — приказывает Тодирел.

Но тут во дворе раздаются знакомые шаги. Вот они уже слышны у самой двери, Тодирел вздрагивает и удивленно протирает глаза.

Агаке спит, свернувшись калачиком у его ног. Он совсем не похож на приснившегося ему великолепного кота в сапогах. Тодирел легонько подталкивает его ногой. Агаке лениво зевает и чуть приоткрывает желтые, похожие на два полумесяца глаза.

— Ты уснул, уткнувшись носом в книжку сказок! — смеется мама. — Вставай, вставай! Папа пришел, сейчас сядем за стол.

— Ну и стужа! — говорит отец, входя в комнату.

Он весь запорошен снегом, как настоящий дед-мороз — снег лежит у него на бровях, на плечах, на воротнике куртки.

— Снег идет! — весело вопит Тодирел и, отшвырнув в сторону полосатое одеяло, которым

укутала его мама, бросается к папе, чтобы стянуть с него сапоги.

Снег идет! Снег сыплет всю ночь. Не переставая, крутятся крупные хлопья, шелестят в полете, как голубиные крылья. Пушистая снежная пелена простирается повсюду. Ослепительный белый свет плывет над землей. Если посмотреть на ветки деревьев, можно подумать, что расцвели яблони. Мороз совсем не злой, даже нос не щиплет, но с крыш уже свисают длинные острые, как иглы, сосульки. На главной улице уже хорошо накатан путь, так как все сани коллективного хозяйства потянулись в лес, чтобы вывезти оттуда бревна на железнодорожную станцию Фрасинéт.

На улице шум, визг, гам. Высыпала детвора с саночками. Ребята швыряют друг в друга снежками. Разгорелась такая жаркая битва, что со дворов вылетели собаки. От радости они носятся как сумасшедшие, задрав пушистые хвосты, ныряют в высокие сугробы, проваливаясь по шею в снег.

Но где же Тодирел? Он так ждал снега! Неужели уехал с отцом в лес? Конечно, он бы с радостью поехал, ему так хотелось увидеть поезда на станции Фрасинет, но как быть со школой? У каждого свои заботы и обязанности.

Значит, он не в лесу… В таком случае, может

быть, дома? Наверно, еще не приготовил уроки? Или мама усадила его сматывать шерсть, а может, даже поручила присмотреть за малышкой?

Ничего подобного! Уроки он давно сделал, и дома никого нет. Один Агаке, как взъерошенный еж, торчит на большом столбе возле ворот и презрительно фыркает на соседского пса, который уже больше часа беспричинно лает на него.

Мама ушла с малюткой. Она натянула на нее пинетки, нарядила в новую кофточку из белой шерсти и в обе шапочки, надела их одну на другую, словно увозила дочку на Северный полюс, а не в поликлинику, где ее должны взвесить, чтобы узнать, сколько девочка прибавила в весе.

Но где же все-таки Тодирел? А это нетрудно узнать! Спросите детей, играющих в снежки, и каждый ответит вам: «Он пошел за коньками в кузню, к дядюшке Михаилу!»

До кузни коллективного хозяйства далеко. Она у самой околицы. Когда-то там была усадьба со службами, принадлежавшая помещику, по фамилии Бурья́н. Вполне подходящая фамилия! Помещик этот был даже хуже бурьяна, который, если его не выполоть, засоряет щедрую, плодородную землю. Этот кровосос закабалил целых три села. Он владел не только землей тепереш-

него коллективного хозяйства, но и землями нынешней государственной фермы и МТС из Ходáи. Ему же принадлежали лес и мельница, и пруд, в котором сейчас разводят карпов. Он был страшно богат.

Там, где сейчас оборудована кузница коллективного хозяйства, у помещика была псарня. Дядя Михаил молодым парнем служил на этой псарне.

Как начнет он рассказывать о тех временах, тебя то смех разбирает, то плакать хочется. Так жалко становится его четырех сестренок! У них даже платьиц не было, зимой и летом они ходили в залатанных посконных рубашонках. Жили они впроголодь: за весь день только немного козьего молока. А вот когда он рассказывает, что для борзых собак баре специально откармливали трех породистых буйволиц да еженедельно забивали то теленка, то жирного барана, тогда уж просто смех разбирает. Не хватало только надеть борзым на шею салфеточки, когда их кормили вкусными яствами! Но это еще не все! Тем борзым, которые были послабее, шили на зиму красные или зеленые попонки из фланели, чтобы уберечь их от простуды. А весной господин Бурьян вывозил их в Швейцарию на ярмарку борзых.

Это длилось до тех пор, пока крестьяне не прогнали Бурьяна, а дядя Михаил не уничтожил всю псарню. «Вот какое дело, псы! — будто бы заявил он им. — Хватит баклуши бить! Хотите заниматься честным трудом, пожалуйста! Не хотите? Как знаете!» Так он сказал и роздал их мужикам в окрестные села. Взяли те, кому нужен был сторожевой пес. А Михаил стал учиться ремеслу у старого кузнеца, деда Саýли из Ходаи. Как трудился дядюшка Михаил, чтобы вырастить своих сестренок! Ведь все они сироты. Да, вот как раньше жили! И поэтому, когда дядя Михаил рассказывает о своей прежней жизни, и смех разбирает и плакать хочется.

Мама Тодирела тоже называет Михаила дядей, потому что она самая младшая из его сестер. А какой дядя Михаил сильный да веселый! Тодирел души в нем не чает. Он бы его любил ничуть не меньше, если бы тот даже не был маминым братом. Посмотришь, как послушно его рукам железо, как оно покорно выгибается, когда он стучит молотом по наковальне, и думаешь: «Ну, просто чудо!» До чего же счастлив и горд бывает Тодирел, когда ему разрешают вздуть огонь мехами! Случается даже, что дядя его похвалит: «Молодец, Тодирел! Давай, давай, богатырь!»

Железо раскаляется, становится как уголь, а сильная дядина рука все поворачивает его клещами, подставляя пылающему огню то одну, то другую сторону. Когда его ударяет молот, оно извивается, словно змея, а пляшущие вокруг огненные искры походят на звезды из сказок о Прекрасном Молодце! Глядишь, и из куска железа получается отвал для плуга, замечательное колесико или что-нибудь другое.

А старый мастер, дед Сауля, тоже не скупится на похвалы. При этом он топорщит усы и поднимает седые кустистые брови, нависающие козырьком над его зеленоватыми проницательными глазами.

— Славно мы поработали, Михаил! — гудит он словно из бочки.

Его смуглое лицо, сморщенное, как печеное яблоко, светлеет. Тодирел никак не может понять, почему дед Сауля всегда такой хмурый. А вот дядя Михаил уверяет, что нет на свете человека веселее и добрее деда Саули. Уж дядя-то знает его лучше, чем кто-либо. Это дед обучил его кузнечному делу. И мама говорит то же самое. Может, это и так, только Тодирел никогда еще не видел деда Саулю веселым, вот почему он предпочитает бывать в кузне, когда там нет старика. Тогда

он чувствует себя вольготно и может раздувать кузнечные мехи, сколько ему заблагорассудится.

Вот и сейчас Тодирел переминается с ноги на ногу на пороге и не смеет войти в кузню. Робеет перед дедом Саулей. Дед поджаривает себе куски сала, нанизанные на длинный, железный вертел. Большие круглые капли жира, потрескивая, падают в яркое пламя. Густой дым поднимается и с гулом протискивается в широкую печную трубу… Дед сидит спиной к двери, и Тодирел напрасно покашливает, пытаясь привлечь его внимание. Дед притворяется, что ничего не видит и не слышит. Он набирает накрошенный лук из миски на коленях, тщательно посыпает им ломоть хлеба, пристраивает сверху шипящие куски сала и мгновенно отправляет все это в рот под свои торчащие усы. Видно, ему все безразлично, его нисколько не трогает, что терзаемый опасениями Тодирел шумно переступает с ноги на ногу.

Остальные ребята толпятся под окнами, они тоже волнуются, перешептываются. Ребята сгрудились под навесом, где сложены отремонтированные к весне плуги, бороны, лопаты. Все это побывало в умелых и спорых руках дяди Михаила и было придирчиво проверено зоркими глазами деда Саули. Эх, будь здесь дядя Михаил, мальчиш-

ки бы сразу влетели в кузню. А теперь что делать? Пусть за все отдувается Тодирел! Иногда очень трудно быть председателем пионерского отряда. Вот случится такая история — и не жди помощи ни от кого. Вылезай из беды сам. Да еще голову держи высоко!

— С бодрым пионерским приветом, дед Сауля! — наконец осмелев, произносит Тодирел и подходит к старику.

— А почему это ваш привет такой бодрый? — сразу же перебивает его дед, не двигаясь с места. Очередной ломоть хлеба с жареным салом исчезает под его взъерошенными усами.

— Это наше пионерское приветствие! — с досадой отвечает Тодирел. — Мы ищем дядю Михаила.

— Ну поищите его, поищите, — равнодушно соглашается дед Сауля, сосредоточенно нанизывая на свой длинный вертел новую порцию сала.

По всему видно, что он потешается над Тодирелом.

«Как же это?» — обиженно думает мальчик.

— Ладно, дед Сауля, раз так, я пойду! И ребятам скажу, чтоб уходили. Нечего им торчать под окнами.

— А кто они, скажи на милость, те ребята, что

попусту торчат под окнами? — с неожиданным интересом спрашивает дед, откладывая в глиняную миску вертел с шипящими кусками сала.

— Вся наша бригада по сбору металлолома! — отвечает Тодирел, сбитый с толку нескрываемым интересом деда Саули.

— Ах вот оно что! — удивляется дед. — Значит, вас двенадцать человек?

— Двенадцать! — подтверждает уже совсем растерянно Тодирел.

— Стало быть, двенадцать! — снова повторяет дед Сауля. — Твой дядя Михаил уехал по делу в МТС и передал ваш заказ мне. Помнится, он что-то говорил о дюжине, и я все боялся, как бы не ошибиться в счете. Сам знаешь — уговор дороже денег. Вон они, ваши коньки, там на гвозде висят, рядом с цепями!

А дядя Михаил, оказывается, прав. Трудно встретить человека более лукавого и веселого, чем дед Сауля! Только бы теперь снег лежал подольше!

Джика Ютеш. Друзья Симины

Агроном уехал еще на рассвете вместе с брига-

диром дядюшкой Фана́ке.

Тетушка Веро́на проводила ах до самых ворот, положила им в шарабан узелок с едой и заверила агронома, что присмотрит за Сими́ной.

— Вы уж на меня положитесь. Когда ее мама сдаст экзамен и вернется к нам докторшей, она не узнает дочку. Симина станет кругленькая, как арбуз! Не хуже моей Ангелу́ши.

Тетушка Верона сразу же принялась за дело. Когда девочки проснулись, корова была уже подоена, куриные яйца собраны, в кухонной печи пылал огонь, и тесто выползало из квашни. Но тетушка Верона втиснула его обратно, влила в него сметану, яичные белки и желтки, да еще бросила в тесто большой кусок свежего масла. Потом она раскатала тесто и сделала ватрушки. Когда тетушка вытащила противни из духовки, ватрушки были до того румяные и пышные, что тетушка Верона от радости даже запела… Она подбежала к окошку и крикнула совсем тоненьким, просто смешным для такой толстой женщины голоском:

— А ну-ка, девочки, бросайте свои куклы да скорей идите сюда, я вас угощу ватрушками!

На террасе, под самым окошком, послышался немного неуверенный, хрипловатый голосок:

— А я не могу!

— Почему это ты не можешь? — смеется тетушка Верона и быстро выходит на террасу. Заметив, что Ангелуша играет одна, она кричит: — Симина! Иди к столу!

— Ее нет! Она ушла! — бормочет Ангелуша, крепко прижимая к груди большую куклу с золотистыми кудрями и длинными черными ресницами. — Пошла искать дядю агронома! — объясняет Ангелуша, не двигаясь с места и опустив глаза.

— Что ты мелешь? — восклицает тетушка Верона и так всплескивает руками, что над ее голубым фартуком поднимается облачко муки. Нахмурившись, она принимается выговаривать дочке: — Почему ты разрешила ей уйти, почему ничего не сказала мне?

— Да она дала мне свою куклу и просила ничего тебе не говорить.

— И тебе не стыдно? Разве у тебя нет куклы?

— Симинина кукла красивей!

— Ведь она заблудится, глупая ты девчонка! — не на шутку рассердилась тетушка Верона.

— Нет, не заблудится! Я ей велела идти прямо, прямо по дороге, пока не дойдет до жнивья. А там она всех увидит — и трактористов, и папку,

и дядюшку агронома.

— Ну и задам ясе я тебе, Ангелуша! — ворчит тетушка Верона, сбрасывает фартук и поспешно выскакивает на улицу с непокрытой головой и в шлепанцах. Бежит во весь дух к правлению коллективного хозяйства.

— Дед Онофре́й! — кричит тетушка Верона. — Дед Онофрей!

Сторож, дед Онофрей, который спокойно сидит в тени на лавке возле ворот и дымит самокруткой, вскакивает как ужаленный:

— Что случилось, Верона? Пожар, что ли?

— Ой, лучше не спрашивай, беда стряслась, совсем я голову потеряла! — восклицает тетушка. — Звони скорей по телефону в МТС Бэняса, может, разыщешь там бригадира Фанаке. Я пекла ватрушки и совсем захлопоталась, а тем временем девочка потерялась!

— Как же могла потеряться Ангелуша? Куда ей деваться?

— Да не моя Ангелуша, а дочка агронома!

— Что ты говоришь! — удивляется дед Онофрей. — Да я ее только что видел, она проходила здесь с Георги́цей, сынком председателя. Совсем недавно они прошли. У нее еще такие синие ленточки в косичках и юбчонка красная… Георгица

вел за собой жеребенка, он его так приучил, что тот ходит с ним в кооператив, мальчишка ему там сахар покупает… Вот и бегает жеребенок за ним, как собачонка.

— Уфф! — с облегчением вздыхает тетушка Верона. — Говоришь, она была с Георгицей? Своими глазами видел? И синие бантики? И красная юбочка? Да?

— А как же, самолично, как тебя вижу. Я даже говорил с ней. «Дедушка, — спросила она, — а вы не знаете, где сейчас ваш агроном?» — «Сдается мне, отвечаю, что ты его дочка, уж больно на него похожа». — «Нет, я на маму больше похожа», — говорит она. «И это неплохо, говорю, только вот найти агронома тебе будет не легко. Беги за этим мальцом с жеребенком, он идет на огороды, а товарищ агроном обязательно прикатит туда на шарабане!»

Тут уже тетушка Верона не выдержала:

— Как же так? — вскипает она. — Значит, ты ее надоумил идти бог знает куда, вместо того чтобы остановить: «Ты, мол, еще маленькая, негоже тебе бродить одной в такой глуши».

Тщетно дед Онофрей пытается оправдаться. Из конторы выскочили бухгалтер и счетовод, и лишь после того, как тетушка Верона излила на

деда весь свой гнев, они убедили ее, что раз уж Симина вместе с Георгицей, то бояться за нее нечего.

Симина видела, что жеребенок сгрыз четыре кусочка сахара и помчался впереди мальчика; уши его поднялись, а шелковистая грива развевалась на ветру. Казалось, мальчик вот-вот догонит его, но тут жеребенок с веселым ржанием игриво взбрыкнул задними копытцами, черными, как до блеска начищенные башмачки, и убежал. Мальчик тоже ржал и делал вид, что бьет копытами, как заправский конь.

Жеребенок мчался с развевающейся на ветру шелковистой гривой…

Симине захотелось поиграть с жеребенком и с мальчиком, но они быстро умчались к длинным скирдам сена, где в конце дороги виднелся колодец с журавлем. Симина побежала за ними, но, когда добралась туда, не нашла их. Скирды сена были уложены в два ряда, издали они не казались такими высокими, а вблизи нельзя было разглядеть даже их верхушки. Девочка остановилась, с трудом перевела дух и негромко позвала:

— Мальчик, мальчик, где ты?

Но мальчик и жеребенок бесследно исчезли. Их нигде не было. Вокруг царила такая тишина, было так безлюдно, что Симина затаила дыхание. Испугалась, что ли? Нет, она вовсе не трусиха! Просто стало обидно, что ее так легко провели.

По правде говоря, между скирдами сена было не очень-то тихо. Ей только сперва так показалось. В сене что-то шуршало, стрекотали кузнечики. Симина почувствовала, как с ее лба на щеки стекают капли пота. Она укрылась в тени стога и снова позвала:

— Мальчик, где же ты?

Нахальный кузнечик с выпученными глазами

и тоненькими, как ниточки, ножками, прыгнул ей на плечо.

Симина хлопнула его ладошкой и побежала вдоль высоких скирд. Вдруг она увидела мальчика. Он растирал жеребенка жгутом из соломы.

— Ты зачем меня звала? — спросил он и, отбросив соломенный жгут, потянул жеребенка за уши. Жеребенок заржал, легонько фыркнул, вытянул морду и обнюхал Симину.

— А он не кусается?

Мальчик рассмеялся.

— Ты что, никогда не видела жеребят? Это наш собственный жеребенок. Ему четыре месяца. Мы его сами вырастили, кормили соской! Его мама умерла.

— Бедняжка! — расчувствовалась Симина и хотела погладить жеребенка по голове. Но он ее толкнул, отпрянул в сторону и помчался по полю, высоко подбрасывая копытца, похожие на черные начищенные башмачки.

— Я ищу папу. Мой папа агроном.

— Знаю, — сказал мальчик, исподлобья глядя на Симину.

— Откуда ты знаешь?

— Да я еще вчера вечером видел, как агроном привез тебя на грузовике со станции.

Некоторое время они шли вместе.

Жеребенок резвился то впереди, что позади них. Утреннее солнце начало припекать сильнее, и Симина вытерла вспотевший лоб. Георгица искоса посмотрел на нее и предложил:

— Пошли прямиком. Вот пройдем по этому жнивью, а там уж будет тропинка через рощицу до самого луга.

— Хорошо, — согласилась Симина, — но почему ты говоришь «прямиком»?

— А как же иначе?

— По самой короткой дороге!

— Гм! — задумчиво протянул Георгица. — Ты что, хочешь стать учительницей?

— Нет, я буду докторшей, как моя мама. Она сейчас сдает последний экзамен, а потом будет лечить детей.

— А я хочу стать трактористом, как мой старший брат.

— А я, если бы была мальчиком, стала бы агрономом, как мой папа!

— Мой отец говорит, что товарищ агроном приносит нашему хозяйству много пользы. Он сказал, что не отпустит его от нас. Правление построит вам красивый дом на главной улице, около общежития.

— А мамочка хочет, чтобы в первую очередь построили большую больницу и чтобы в ней было много окон.

— А зачем нам больница? Мы же здоровы!

— А совсем маленькие дети, где они будут находиться со своими мамами, пока у них не откроются глазки?

— Как это — откроются глазки? — изумился Георгица.

Ну, маленькие дети, совсем маленькие… которые только-только родились!

— Ах вот ты о ком! — понял наконец Георгица и расхохотался. — Так это ведь только у котят глаза не открываются, пока они маленькие.

— Ничего ты не понимаешь! Все равно нужна больница. Нужна, нужна! — рассердилась Симина и топнула ногой.

— Ладно, построим и больницу! — согласился мальчик. Он сделал несколько шагов и снова искоса посмотрел на девочку, чтобы понять, перестала ли она сердиться. — Больницу, где будет много окошек, как хочет твоя мама. Ведь мы миллионеры! У нас круглых три миллиона!

— Надо говорить не «круглых» три миллиона, а «целых» три миллиона!

— Не учи меня, я лучше тебя знаю! Так говорит

мой папа, а ведь он — председатель!

— Вот и неправда! Он вовсе не председатель! Мой папа сказал, что здешний председатель — герой. Герой Социалистического Труда.

— Это и есть мой папа! У него золотая медаль! Ты что, не веришь? — спросил Георгица, увидев, что девочка замерла на месте. — Не веришь?

— Верю! — пробормотала Симина. — Поглядика, сколько здесь мотыльков! — прошептала она, зачарованно следя за большим роем мотыльков, порхающих по лугу. Они вились над зеленой, сочной травой, еще покрытой росою. — Как их много! — удивилась девочка, и ее голубые глаза округлились от радости. Она никогда не видела такого скопления бабочек.

— Мотыльки? — буркнул Георгица, и его крупное загорелое лицо помрачнело. Вдруг он стремглав бросился к тому месту, где трава, казалось, была покрыта светлыми трепещущими цветами. — Дави их, дави! — закричал он и принялся лихорадочно топтать мотыльков каблуками, ловить их руками, давить на лету.

Ошеломленная Симина заплакала навзрыд и сломя голову убежала от Георгицы.

Но бежать по влажной траве было совсем не легко. Девочка поскользнулась и упала, угодив

вытянутыми вперед руками прямо в лужицу. И тут Симина замерла: бородавчатая, уродливая жаба таращила на нее свои выпученные холодные глаза. Ее белесая шея вздулась, вдруг она вытянула длинные-предлинные лапы и прыгнула. Симине показалось, что чудище раскрыло пасть, чтобы проглотить ее. Она зажмурила глаза и завизжала что было сил.

— Что с тобой? Чего ты кричишь? — спросил Георгица и попробовал поднять Симину. Девочка открыла глаза. Жаба исчезла, словно ее никогда и не было. — Почему ты кричала? — снова спросил мальчик.

— Там была жаба.

— А ты что, боишься жаб? Они не делают ничего плохого!

— А мотыльки, что они тебе сделали плохого? — спросила Симина и снова начала плакать; слезы ручьем потекли по ее щекам. — Ты их всех, всех поубивал! — всхлипнула она.

— Н-да! — почесал мальчик за ухом, совсем растерявшись. — С тобой, знаешь, нелегко… Ничегошеньки-то ты не понимаешь! Эти бабочки самые вредные для фруктового сада. И как раз теперь они откладывают яички. А из яичек потом выведутся гусеницы. Ты гусениц когда-нибудь

видела?

В эту секунду раздался чей-то крик:

— Эге-гей, Георгица! — На холме, заросшем акациями, появилась какая-то девочка в красной косынке. Она бежала к ним изо всех сил, видимо привлеченная плачем Симины. — Ну и влетит же тебе! — пригрозила она Георгице. — Что ты ей сделал? Чем ты ее обидел? Товарищ агроном повсюду ее ищет.

— Вот она! — закричал Георгица. — Что я ей сделал? Проводил! Да на что она мне нужна! — рассердился он и, состроив девочке в красной косынке рожу, молниеносно повернулся на каблуках и помчался вслед за своим жеребенком.

Сверху, с холма, поросшего акациями, тянулись сплошные грядки капусты. Они простирались вплоть до того места, где темнела зеленая полоса леса. Неподалеку Симина увидела странный домик из красного кирпича, длинный, как железнодорожный вагон, в котором, по-видимому, никто не жил, потому что там не было ни дверей, ни даже оконных рам.

— А что это за домик? — спросила Симина.

— Там мы будем выращивать цыплят, — сказала девочка в красном платочке.

В кирпичном: домике еще не было ни дверей,

ни оконных рам, потому что цыплят там собирались разводить лишь будущей весной. Пока же здесь хранили урожай лука и чеснока. Пионеры взялись сплести лук и чеснок в длинные связки, чтобы он лучше сохранялся зимой.

Вдруг из домика послышалось ржание. Симина прислушалась, потом недоверчиво пригляделась, разинув в изумлении рот. Из оконного проема красного домика высунулась голова жеребенка. На его шее что-то болталось, и от этого он выглядел очень смешным. А на пороге домика стоял Георгица, держа в руках большую кастрюлю. Девочка в красной косынке крикнула ему:

— Пойди-ка позови товарища агронома. Он там, возле насоса для поливки.

— Пусть сама идет! — сердито буркнул Георгица, указывая на Симину.

Жеребенок насмешливо заржал.

В оконных и дверных проемах показалось множество детей. Все они уставились на Симину и с интересом разглядывали ее.

— Георгица! — снова закричала девочка. — Ты не слыхал, что я тебе сказала?

— Слыхал, но все равно не пойду! — упрямился мальчик; он вынул из кастрюли большой кусок брынзы. — Пусть она раньше скажет, чего скули-

ла? Разве для этого я ее привел сюда? — Потом он повернулся к Симине и спокойно спросил: — А ну, расскажи всем, почему ты плакала.

Но Симина уже не сердилась. Ей даже стало весело. Приблизившись, она разглядела, что на шее у жеребенка висит связка лука.

Симина посмотрела на смуглую девочку в красной косынке. Та грозила Георгице кулаком.

— Ну и задам же я тебе, озорник! — Повернувшись к Симине, она ее тихонько спросила: — Это он подставил тебе подножку? — Указав пальцем на следы свежей грязи на платьице Симины, она добавила: — Он часто так делает!

— Нет, он ничего плохого не сделал, — заверила Симина. — Георгица — мой лучший друг. А ты пионерка?

Один из мальчиков, одетый в голубую выцветшую майку, рассмеялся.

— Так ведь это Ли́ца. Она председательница нашего отряда.

— Вот как? — обрадовалась Симина и протянула руку девочке в красной косынке. — Я просто испугалась жабы. Она была такая уродливая и большая. — Заметив, что все весело смеются, Симина тоже рассмеялась.

Вот как подружилась Симина с пионерами

коллективного сельского хозяйства. Что касается тетушки Вероны, то она совсем успокоилась и снова пришла в хорошее настроение.

Цена 30 коп